

№6

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ – 210 51

ПРОЗА

Фархад АСКЕРОВ. <i>Рассказы</i>	3
Хайям РАФИЛИ. <i>Рассказы</i>	11
Михаил СМИРНОВ. <i>Горечь полынная. Рассказ</i>	24
Марк БЕРКОЛАЙКО. <i>Покой Маргариты и мастера</i>	78
Сергей ШАУЛОВ. <i>Дневник неандертальца</i>	107
Франсуа БОН. <i>«Луна в колодце»</i>	118
Микаил МУСТАФА-ЗАДЕ. <i>Мой брат – инопланетянин</i>	130

ПОЭЗИЯ

Рауф МАМЕДОВ. <i>Стихи</i>	18
Мария-Алиса СВЕРДЛОВА. <i>Стихи</i>	73
Сергей ЖАДАН. <i>Стихи</i>	94

ПУБЛИЦИСТИКА

Лауринас КУДИЯНОВАС. <i>Полная творчества общность, презревшая расстояния</i>	20
Ляман БАГИРОВА. <i>Два эссе</i>	60
Магдалина ГРОСС. <i>Азербайджан. Великая страна. Великие имена</i>	70
Теймур ДАИМИ. <i>Куклы?..</i>	96
Вячеслав ПАНИН. <i>Тонкий запах</i>	98
Али НАМАЗ. <i>О несозданном. Эссе</i>	125

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 24.05. 2024г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2024г.

РАССКАЗЫ

ФАРХАД АСКЕРОВ

Ревнивые мужики

У каждого возраста есть своя прелесть, свое удовольствие. Детство протекает весело, беззаботно, юность бывает бойкой и озорной, ну, а преклонный возраст полон терпения, бесед и воспоминаний. У преклонного возраста есть своеобразное качество: человек оборачивается назад и вспоминает былое. Он, анализируя поступки свои, выделяет их хорошие и плохие стороны. Интересно и то, что даже негативное из прошлого своего он вспоминает с улыбкой. Словно читает книгу – книгу жизни, повествующую о его прошлом.

Трое пожилых мужчин, сидя на скамейке в парке отдыха, рассказывали друг другу самые сокровенные истории минувших дней.

Повествование первого мужчины

Был я в буйном возрасте. Месяцев пять-шесть как женился. Жена моя из благополучной семьи. Получив высшее образование, работала на заводе. Хотел я после свадьбы, чтобы она уволилась, но родственники не согласились. А у меня период такой, что ко всему ревновал супругу свою.

Призадумался я однажды: чем чёрт не шутит в этом бренном мире. Решил пойти на завод, в цех, где работает жена моя, да поглядеть, как она ведёт себя? Оставался главный вопрос, как мне проникнуть туда, чтобы меня не узнали. Поразмыслив, я наконец-таки нашёл решение.

Ещё с детства дружил я с девчонкой одной. К ней-то и обратился, чтобы со мной на завод пошла. Но с одним условием, что пойду я туда в женском обличье. Сначала она была против этой идеи. После долгих уговоров я всё-таки уломал её, и она согласилась.

И вот в один из дней, надев женскую одежду и рыжеватый парик, наведя ма-рафет и подкрасив губы, я с подружкой своей направился на завод. Ни в автобусе, ни на заводе никто не понял нашей уловки. Вы бы видели мужчин, которые всю дорогу, разинув рты, глядели на нас. На заводе мы сказали, что хотим устроиться на завод и интересуемся производством.

Супруга моя, как и все, была занята своим делом. Я, вертясь вокруг неё, стремился найти что-то подозрительное.

В это время появился начальник цеха и что-то спросил у супруги моей. Вероятнее всего он был недоволен результатом и поэтому повысил голос.

Супруга моя пыталась объяснить ему ситуацию, но всё было тщетно.

Нрав мой был уж слишком буйным, и я не мог позволить, чтобы посторонний мужчина обидел мою жену!

Приблизившись, я резко схватил его за шиворот, желая выдворить из цеха и по-мужски поговорить с ним, при этом совсем забыл о своей маскировке в виде женской одежды.

Начальник цеха сперва сконфузился, так как любого хладнокровного человека могла была ошеломить мужская сила принарядившейся девушки. Я же, не обращая ни на что внимания, пытался вытолкнуть его из цеха.

Все замерли от неожиданности.

Ошеломленный и не верящий своим глазам начальник цеха одной рукой вцепился в станок, отказываясь покидать цех. Он был на грани потери равновесия перед упорством и силой женщины. Чувствуя, что силы покидают его, и женщина вот-вот его, здоровяка, выдворит наружу, он в попытке оказать сопротивление вытянул руку вперед и зацепился за парик, который слетел с моей головы.

Одна женщина громко вскрикнула. Я сообразил, что это была моя супруга, сразу узнавшая меня.

...Чего греха таить? После этого случая супруга моя на завод больше не пошла...

Повествование второго мужчины

Мы ещё не были помолвлены. В ближайшие дни должно было состояться обручение. Должен заметить, что я был слишком ревнив. Ревновал её ко всему на свете. Хотел проверить её неверность. Так как же? В голову пришла идея. Тогда я её посчитал гениальной. Честно говоря, я и по сей день испытываю муки совести за содеянное тогда.

Был у меня самый близкий друг, которого я ещё не успел познакомить со своей девушкой. Вот и сказал я дружку своему, чтобы он по дороге домой из университета попробовал познакомиться с ней. Сперва друг не согласился. Однако, убедившись, что иного выхода нет, он неохотно дал согласие.

И вот, как и договорились, я ожидал будущую спутницу жизни моей на приличном отдалении.

Мой друг, как мы и запланировали, подойдя к ней, попросил уделить ему минутку внимания. Девушка на него и внимания не обратила. Друг же продолжал настаивать, ведь он получил задание от меня. Знал он и то, что я нахожусь поблизости. Видать, боялся ожидаемой драки. Наконец, убедившись, что этот «войка» не собирается отстать, она решила поставить его на место и взмахнула своей сумкой. Случайно ли, либо по иной причине, металлическая часть сумки врезалась в лицо моего друга и из раны фонтаном хлынула кровь. Девушка, как ни в чём не бывало, продолжала свой путь.

Так как всё это произошло на глазах студентов университета, друг мой был сильно подавлен.

Впоследствии, чтобы утешить друга, я пригласил его на пышное застолье...

Длительное время после свадьбы мой друг отказывался приходить к нам.

Наконец, я вынужден был рассказать обо всем моей супруге.

После длительного хохота она сказала, что если бы знала, то назло мне взяла бы парня под руку и прошлась бы передо мной. Аллах пожалел тебя...

Повествование третьего мужчины

Я только женился. Очень был уверен в верности своей возлюбленной. Тем не менее червь подозрений грыз меня.

Супруга моя была педагогом начальных классов. По утрам уходила на работу, после полудня возвращалась домой и занималась хозяйством.

И вот меня осенила мысль проверить её, чтобы не быть застигнутым врасплох в трудный момент.

Однажды я сказал ей, что меня на десять дней отправляют в командировку. На самом же деле я взял маленький отпуск.

Что надоедать вам, прихватив второй ключ от квартиры, я проводил супругу на работу и, попрощавшись с ней, вернулся домой.

Стараясь не нарушать наведенный ею порядок, выпив чаю, вымыв стакан и блюдце, поставив чайник и сахарницу на своё место, я подготовил себе укромное местечко под кроватью, чтобы по возвращении жены укрыться там. К её возвращению я залёг в своём убежище.

Вернувшись с работы супруга занялась хозяйством – уборкой по квартире, мойкой посуды, проверкой школьных тетрадей, приготовлением для себя еды, изредка говорила по телефону.

Всякий раз, когда звонил телефон, или она звонила сама, я таращил глаза...ой, простите, наострял уши, пытаюсь поймать её с поличным.

Однако меня ожидало огорчение. Все её разговоры состояли из обыденных бесед.

Так минуло пять дней. Только жена уходила на работу, я выползал из укрытия, умывался и питался кое-чем из холодильника, а к её возвращению убирался в своё гнездышко. Вероятнее всего, это продолжалось бы очень долго...

Было воскресенье, жена находилась дома. Я все надежды свои связывал с этим днём.

В это утро супруга встала чуть-чуть поздно. Умылась, выпила чаю и позавтракала. У меня уже живот свело от голода. И подумал я: она сбегает в магазин, вот тогда-то я и перекушу.

Ну, а когда я почувствовал, что жена готовит швабру, прочие принадлежности, у меня ёкнуло в груди. О, Аллах, почему же я не предусмотрел этого!

Супруга убралась повсюду, а когда очередь дошла до кровати, под которой я скрывался, у меня участилось сердцебиение. Жена, вытирая шваброй под кроватью, то и дело тыкала в меня и уберечься от этих тычков было невозможно. И вдруг швабра прошла по моей голове, и я вскрикнул. Жена, не ожидающая такого, потеряла сознание.

Я мигом вынырнул из под кровати. Быстро извлёк из аптечки нашатырный спирт и поднёс к носу супруги. Жена пришла в себя. С восторгом взглянув на меня, она судорожно спросила:

– Что ты там делал?

Объяснение моё было кратким. Лишь произнёс, что соскучился по тебе, поэтому с командировки вернулся раньше. И проделал всё это в качестве сюрприза для тебя. Видать, получилось не очень удачно...

Жена промолвила в ответ:

– Твой приезд очень обрадовал меня. Не важно, как ты вернулся.

Я даже не понял, в каком смысле эти слова произнесла супруга моя. Однако уж больно стыдно было мне.

...Стоит ли зря проявлять свою ревность?

Выход из положения

Стоял прекрасный весенний день. Весна мягко уступала своё место лету. Всюду расцвели яркие цветы и вместе с весёлыми песнями птиц радовали глаза и сердце каждого человека. Во дворе дома отдыха царил праздничное настроение. Веселились молодые, пожилые, женщины, мужчины. В выдавшемся для отдыха времени люди хотели забыть о заботах и почувствовать вкус счастья.

У каждого отдыхающего человека в доме отдыха был свой вид занятий: пожилые люди гуляли в большом приусадебном участке центра, беседовали между собой. А молодые, чтобы не упустить время до обеда, свой досуг проводили в теннисном и тренажерном залах. Здесь находились площадки для любителей футбола и баскетбола, с которых были слышны громкие возгласы играющих.

Большинство отдыхающих прохаживались в большом парке среди растущих высоких и маленьких деревьев, кустов роз, прекрасный аромат которых распространялся повсюду. На красивых скамейках в тени деревьев можно было встретить и мирно беседующие влюблённые молодые пары. Каждый был занят своим делом.

Оставалось несколько минут до обеда.

Отдыхающие потихоньку собирались перед столовой. Вкусный аромат еды распространялся по двору из окон столовой.

Откровенно говоря, внутренние уголки столовой и всего центра отдыха немного отличались от двора. Еда была нормальная, но сама кухня выглядела, мягко говоря, не очень опрятно. Грязные кастрюли, ящики из-под продуктов были свалены в беспорядочной куче. Испачканная униформа и другие предметы одежды собраны в один мешок.

Этот беспорядок довольно давно оставался неизменным, что явилось естественным очагом для распространения грызунов и других видов насекомых.

...В столовой гремели посудой и столовыми приборами. Отдыхающие ели с большим аппетитом. Все было вкусно и всем все было по душе.

...И вдруг, в разгар обеда за одним из столов разгорелся переполох, который стал перерастать в открытое недовольство. Отдыхающие перестали есть, так как всех охватило любопытство и все взоры были направлены к этому столику.

Причиной переполоха стала увиденная одним из отдыхающих в первом блюде – в борще – мышь...

Встревоженные работники тут же нашли повара, сварившего борщ, и привели его. Представьте себе низкорослого, полного, с подпрыгивающим при ходьбе животом и с большой головой человека в засаленном помятом переднике. Улыбаясь, он подошёл к отдыхающему:

– Что, что случилось? Что произошло?

Человек, нашедший в своей тарелке мышку, с покрасневшим от злости лицом и выкатившимися из орбит глазами, гневно воскликнул:

– Как это, что случилось? Что это за мышь в моей тарелке? А если здесь распространится эпидемия и все тут заболеют, как же ты и вышестоящие выйдете из этого положения?!

Возмущённый отдыхающий не мог остановиться. Повар, увидев собирающуюся постепенно вокруг них толпу, желавшую узнать о причине инцидента, выглядел очень спокойным, словно весь этот инцидент не имел к нему никакого отношения. С улыбкой на лице он обернулся к столпившимся вокруг людям.

– Ах, дорогие мои, это ли он называет мышкой? – а затем быстрым движением схватив со стола ложку, положил мышку в рот и проглотил, причмокивая. – Это была самая вкусная часть мяса. Разве стоило из-за такого пустяка поднимать такой шум? Не беспокойтесь, идите и продолжайте есть свой обед. У нас все отвечает санитарным нормам и находится под особым наблюдением.

И всё! Доказательства исчезли в желудке повара!

Отдыхающие постепенно разошлись по своим местам и продолжили свою трапезу. Никто так и не увидел мышку в тарелке.

Кажется, повар сам был удивлён тем, как он вышел из положения. В обычное время, он бы и за миллион не сделал этого!

В то же время, он не мог не подумать и о состоянии нашедшего мышку в своём обеде.

Повар прекрасно понимал, что этот человек на сто процентов знал, что в борще была мышка. Так же, как и сам повар. Настоящую истину – о мышке в тарелке – знали только они вдвоем.

А что должен был сделать повар в такой ситуации? Пустить репутацию дома отдыха по миру? Так или иначе этот грызун попал в борщ.

Повар, как ни в чем ни бывало, предложил:

– Может, для вас принести другой обед?

Но человек есть уже отказался, вышел из столовой и направился в глубь сквера.

Настроение повара совсем испортилось, ему пришлось нелегко при решении этого инцидента, прибавьте к этому страх о донесении до директора центра о произошедшем...

Откуда же взялась эта мышка? При таком беспорядке на кухне может появиться не только мышка, но и динозавр... Сколько говорилось, что надо навести на кухне порядок. Кто же слушался? Как мог этот грызун оказаться в кастрюле? Наверное, мышка прыгнула ещё в не согретую кастрюлю. А затем постепенно и...

До самого вечера повар не мог прийти в себя. Его очень беспокоило распространение этой новости. Руководство этого дома отдыха обязательно узнает о случившемся: ведь многие из служащего персонала, желая завоевать расположение начальства, обязательно доведут о случившемся до сведения начальства. А как же отнесется к этому руководство? Уже и шеф-повар язвительно сказал виновнику происшествия: «Иди, и пиши заявление об уходе с работы. И начинай искать себе новое рабочее место!». Наверно, придется попрощаться со своей работой. Эти тяжелые размышления удручали повара и не давали покоя...

Наступил вечер, а никаких известий не было. И эта неопределенность сводила с ума повара. Лучше бы директор вызвал его к себе, отчитал бы, обругал и даже ударил бы. Но только не слова: «Собирай свои шмотки и убирайся восвояси!» И что же тогда?!

После бессонной ночи, утром, когда он явился на работу, повару сказали: «Тебя вызывает директор». С тяжелым сердцем он открыл дверь в кабинет директора и, увидев его улыбающееся лицо, не поверил своим глазам. Директор любезно предложил ему сесть.

– Вчерашнее твоё поведение мне очень понравилось, – начал беседу директор. – Ты проявил большую храбрость, молодец! Мне рассказали об этом, я бы не додумался до этого. Ты помог нашему дому отдыха избежать большой беды. За это тебе предстоит большая награда, – затем протянул ему подписанный и заверенный печатью приказ и добавил: – Назначаю тебя шеф-поваром. А это твой приказ. Объясни мне, как ты додумался съесть эту мышку?

Взбодрившись этим, повар сказал:

– Когда не можешь найти выход из положения, в голову лезут великие мысли.

Директор, еле сдержав себя, чтобы не засмеяться, рукой указал ему на выход. Держа в руках приказ о назначении на должность шеф-повара, он вышел из кабинета. Растерянный, он не знал, радоваться ему или грустить...

Щедрость ночного гостя

В одном из приморских курортных посёлков проживал мужчина по имени Исфендияр. Слово «проживал» никак не соответствовало его образу жизни. С большим трудом удавалось удовлетворить потребности семьи, состоящей из супруги, сына и двух дочерей.

Перешагнувший 50-летний рубеж Исфендияр вовсе не был беспомощным человеком. Он был мастером на все руки. Говорил: «не бывает тяжёлой или лёгкой работы». Повторял, можно справиться с любой работой, важно относиться к ней с большим рвением. Вместе с этим, зарабатывать на хлеб становилось для него трудной задачей. За что только он не брался: занимался кузнечным делом, работал и на стройке. Везде требовались его умелые руки.

Как-то решил в летний сезон думать было сдать в аренду одну комнату в доме отдыхающим. Но как это сделать, ведь пять человек с трудом помещались в маленьком доме, который давно нуждался в ремонте. В комнатах сгнили полы, во время дождя крыша протекала, в общем, на ремонт требовались большие средства.

Исфендияр был коренным жителем посёлка. Таких, как он, в посёлке можно была сосчитать по пальцам. Похожий сейчас на большой город этот посёлок раньше состоял из 150-200 домов.

В последнее время в результате строительного бума стремительно выросло число многоэтажных вилл и красивых, дорогостоящих автомобилей владельцев этих вилл. В связи с этим расширились и границы посёлка. Наверное, у владельцев вилл такие строения имелись и в других местах, потому что они приезжали в посёлок лишь в праздничные и воскресные дни.

А у Исфендияра была дорогая его сердцу полуразвалившаяся небольшая хижина. И эта хижина располагалась в 100-150 метрах от ближайшей виллы. Он не знал обитателей этих вилл и даже не интересовался. Зачем они ему сдались?

Исфендияр вовсе не жаловался на судьбу. Безмятежно спал по ночам. И со здоровьем не было серьёзных проблем. Дети росли благоразумными. Не было дня, чтобы супруга не благодарила Всевышнего, одарившего её такими детьми. Однако, что делать с домом? Если не навести порядок, то хижина обрушится через пару лет...

Вне зависимости от работы, Исфендияр вставал рано утром. И так же рано выходил из дома. Всегда говорил: ведь столько хлопот, и некогда покоиться на кровати, от забот можно сломать голову.

И в этот день Исфендияр по своему обычаю встал рано, вышел во двор. Вдруг взгляд его упал на какую-то вещь, отливавшую блеском на земле. Что это? Он заинтересовался, ведь вечером здесь ничего этого не было. Подойдя, увидел яркую «николаевскую десятку». Исфендияр хорошо разбирался в подобных вещах. Семья, в которой он родился и вырос, прежде жила совсем не бедно. И сейчас перед глазами вставали роскошные украшения матери.

Но в тяжёлые времена драгоценности постепенно исчезли.

Вновь мысли вернулись к «десятке». Кто принёс деньги в это укрытое забором место? Может, перебросили через забор и теперь хотят видеть мою реакцию. Как я себя поведу, обнаружив эту «десятку».

После долгих раздумий решил никому не говорить о находке, посмотреть, как будут разворачиваться события.

Исфендияр был сдержанным человеком, верил, что все тайное становится явным. Всевышний всё видит и всё слышит.

Он подобрал «десятку» и надёжно спрятал её.

На следующее утро эта история повторилась вновь, и Исфендияр понял, что тут кроется некая загадка. Каждое утро на одном и том же месте он обнаруживал старинные золотые монеты. Это были не только «десятки», иногда встречались и «25-ти рублевки».

Так прошло какое-то время.

Как ни старался Исфендияр выследить «благодетеля», ему это не удавалось. Щедрый гость постоянно менял время своего появления. Наверняка, «почтальон» являлся мастером своего дела. «Гость» мог явиться вечером, посреди ночи или под самое утро и потому Исфендияру было сложно обнаружить его появление.

Хозяина дома удивляло отсутствие каких-либо следов. Ворота закрыты, вокруг высокий забор... Да упокоит Аллах души родителей, как только представилась возможность, они возвели высокую ограду...

Исфендияр на протяжении нескольких ночей то и дело выходил во двор, оглядывался по сторонам, пытался услышать какие-то звуки, шорох, увидеть кого-то, но все безрезультатно.

В конце концов он дал себе слово непременно задержать незваного гостя...

Чтобы ночью спокойно покараулить, днём поспал несколько часов. В углу небольшого крыльца соорудил «наблюдательный пункт», где собрался провести долгую ночь, и потому создал для себя некоторые удобства.

Наконец-то пригодилась старая кровать, заброшенная в один из уголков двора. Исфендияр лёг на кровать в «наблюдательном пункте» и стал ждать «ночного гостя».

Неумолимо бежали часы и терпение Исфендияра начало истощаться. Никто не перелезал через забор, никто не стучался в ворота. Он уже стал жалеть о своей затее, как послышался какой-то шорох.

Звуки доносились из нижней части ворот – в том месте, где они крепились к стене.

Исфендияр стал пристально вглядываться в сторону, откуда раздавался шорох.

Через крошечный лаз, что-то держа в зубах, с трудом пробиравась крыса. Отверстие было небольшим, и потому сделать это было нелёгким делом. Наконец, крыса прошла во двор, быстро огляделась и, оставив очередную монету на обычном уже месте, мгновенно исчезла.

Исфендияр был изумлен. В жизни он многое повидал. Слышал про таинственные происшествия. Однако, про сегодняшнее и подумать не мог.

Исфендияр был в недоумении: что вынудило этого грызуна, уничтожающего во дворах кур и цыплят, выполнять подобную миссию. Ведь я не способен предложить ему ничего взамен. Что это за благодеяние, оказываемое мне грызуном?

До сего момента Исфендияр и не думал воспользоваться принесённым ему золотом. Он желал схватить неизвестного гостя и задать ему вопрос: «дорогой, к чему все это?!». Исфендияр и предположить не мог, что кто-то протянет ему руку помощи, посочувствует его положению.

Кто в нынешнее время помогает ближнему? Отнять, урвать, это пожалуйста, на это многие способны. Как расценить действия существа, считающегося неразумным. Исфендияр хорошо понимал, что принесённые крысой золотые монеты вовсе не принадлежат таким, как он, неимущим. Откуда у бедняков столько денег, золота?! Много денег бывает у взяточников, чиновников-мошенников. Откуда взяться деньгам, золотым чеканным монетам у людей, которые каждый день в поте лица зарабатывают свой насущный хлеб?

Очевидно, предположил Исфендияр, что крыса тащит это золото из денежных кладовых, принадлежащих владельцам вилл... И во имя справедливости доставляет деньги во двор неимущего человека. Возможно, умное животное одаривает золотом не одного такого бедняка как я, думал Исфендияр.

То есть, это чудо, ниспосланное Аллахом!

Когда мысли коснулись Всевышнего, Исфендияр решил покончить с рассуждениями. Нельзя вмешиваться в дела Аллаха!

Подумал также о том, что крыса вовсе не похожа на неразумное существо. А владелец виллы, не знающий счёта своим драгоценностям, никогда и не узнает о пропаже. Потому что его голова занята каждый день сбором незаконных денег в больших размерах и ни о чём другом этот мошенник и не помышляет. И полученные взятки он тут же превращает в золото. Наверняка, не знает счёта деньгам и драгоценностям...

И величие Аллаха в том, что, не причиняя боль никому, всё расставляет по местам, направляя в справедливое русло. В противном случае, какую справедливость можно ожидать от крысы!

Исфендияр решил никому не говорить об этом событии. Даже жене. Вдруг проговорится где-то. Пойдут всякие пересуды, будет лучше, если никто не узнает...

Эта история продолжалась значительное время. Крыса превратила Исфендияра в состоятельного человека.

В потайном месте скопилось уже много монет. Исфендияр был умным человеком и не дотронулся ни до одной. Как и прежде занимался привычным делом, то есть трудился рабочим.

Так прошло пять-шесть месяцев. Затем крыса перестала появляться. Естественно, остановился и денежный поток.

Исфендияр был немного разочарован. Нет! Не оттого, что во дворе уже не видел золота.

Он опасался, что хозяин золотых монет узнал о проделках крысы и, устроив западню, уничтожил ненавистное животное. Но затем он отогнал эти мысли и подумал, что справедливая крыса посчитала его достаточно богатым и теперь старается сделать таковым другого неимущего. Эта мысль несколько успокоила его.

...Исфендияр никому не раскрыл свою тайну. Обладание таким богатством не развратило его. Потихоньку разменивал золото, вырученные деньги тратил на благоустройство дома и двора. Сам был мастером, потому большую часть работы выполнял без помощников. Дети выросли. К двум комнатам в доме пристроил ещё три: одна досталась сыну, две другие дочерям.

Ребята были довольны. Никак не могли поверить, что жить станут в разных комнатах. Фундамент дома оказался достаточно прочным и Исфендияр поднял второй этаж. На высоком уровне отремонтировал и весь дом и двор.

За свою жизнь Исфендияр пережил многое. Постоянно ощущал на себе все тяготы невыносимого бытия. Он не хотел, чтобы в жизни кто-то испытывал страдания. Поэтому стал помогать неимущим соседям, родственникам. Впоследствии не отказывал в помощи и незнакомым людям. Оказывал содействие семьям, нуждающимся в материальных средствах, никого из обратившихся не оставлял без надежды.

Домочадцы поражались его любви к животным, особенно мышам и крысам. Когда его спрашивали о причине этого, он отвечал: «Эти неразумные, бессловесные животные более надёжны, чем некоторые люди».

Фархад Аскеров Рамиз оглу родился в декабре 1960 года в городе Баку Азербайджанской Республики. С 1980-82-й годы проходил военную службу в воинской части Байконура области Кызылорду города Ленинск Республики Казахстан.

В последующие годы работал журналистом в различных газетах Азербайджана, занимал должности заведующего отделом, заместителя редактора, редактора. Помимо этого работал учителем в школах города Баку. Выпустил несколько книг, куда вошли рассказы, аллегорические сказки и поэмы, новеллы, монологи, документальные и художественные повести писателя. Произведения Фархада Аскерова опубликованы в альманахах и журналах, издаваемых в России и Республике Казахстан. С 1997-го года является членом Объединения Журналистов Азербайджана, а с 2002-го года членом Объединения Писателей Азербайджана.

ХАЙЯМ РАФИЛИ

Черный котенок, белое время

Р – Тысячу лет уже жду тебя! Ты почему так долго?

А – Кот встретился.

Р – Какой еще кот?

А – Котенок. Он забрался в старый автомобиль возле гаражей, выбраться не мог. Я его доставал. Вот и опоздал, но не на тысячу лет, а всего на час.

Р – Какая разница? Тысячу лет или час – и тот, и другой уже миновали.

А – Тут я с тобой не согласен. По сути то, что называется «сейчас», не существует. Мы живем в прошлом.

Р – Как так?

А – Членение времени присутствует лишь в речи. В реальной жизни всё остается в прошлом. К примеру, солнечный свет доходит до нас лишь восемь минут спустя. То есть если погаснет солнце, мы увидим это восемь минут спустя. Есть звезды, отдаленные от нас на миллионы световых лет. Поднимешь голову, взглянешь на небо – видишь прошлое, отстоящее от нас на миллионы лет. И вполне может быть, что какая-нибудь из тех звезд погасла сотню тысячу лет назад, но мы всё еще видим ее свет. Да и друг друга мы видим и слышим в прошлом. По сути, если б люди не разговаривали, точнее, не членили бы время в своей речи, то мы всё воспринимали бы иначе.

Р – И что ты хочешь сказать? Нужно ввести в язык новую категорию времени?

А – Нет, изменить язык невозможно. Пускай таким и остается. Но если мы сможем понять, что нынешнее и будущее время всего лишь наши мечты и чаяния, что всё происходящее происходит в прошлом, вот тогда вся наша жизнь может измениться.

Р – А с котом как там? Ты смог переменить его участь?

А – Я искал хозяина автомобиля, но найти не смог. Позвонил в МЧС, сказали, что не выезжают из-за кошек. Пришлось самому его вызволить. Целый час пыхтел, опробовал все возможные варианты. Бедный котенок, он так долго мяукал, что совсем выбился из сил. Уже даже мяукать не мог, просто постанывал. Не проходи я от туда, не услышь его мяуканья, бедный так там и помер бы.

Р – Может, не останься там кот, и ты оттуда не проходил бы? Этот котенок родился месяцев пять назад, он облазил все закоулки в том дворе, а в то время, когда ты оттуда проходил, он забрался в бесхозный автомобиль. А мы еще со вчерашнего дня договорились встретиться тут в этот час. Всё это случайность? Думаю, нет. Смотри, ты считаешь себя спасителем, вызволившим котенка. Правду скажи, чему больше радуешься, тому, что ты хороший человек, или тому, что котенок спасся от смерти?

А – И тому, и другому! Я неправ?

Р – Прав, и это означает, что и котенок тебе выразил благодарность. То есть не остался в долгу.

А – Может быть. В этом прав и ты.

Р – Где сядем? В тени дерева или здания?

А – В тени здания.

Р – Почему?

А – Отсюда тень дерева выглядит привлекательней.

Р – От влюбленности в красоту ты всю жизнь глядел на красоту со стороны.

А – Ханым, принесите нам чаю, пожалуйста.

W – ...

Р – Нет, мы не любим черешню в виде варенья. Шучу, конечно, несите. Черешня в виде варенья лучше черешни на дереве. Не всё хорошо вживую, порой омертвелое красивее живого.

А – Я даже представить не мог, чтоб в парке, чайхане работает такая красивая девушка.

Р – Какая разница, где она работает? Разве главное не то, что эта красота пребывает в том же мире, где и мы? Какая разница, живет она во дворце или несет тут нам чай. Ведь это нисколько не умаляет ее красоты. Знаешь, что я вспомнил? На прошлой неделе мы с ближайшим другом сходили в кафе на Нариманова. Кафе под обществением полуночников.

А – А кто такие полуночники?

Р – Так называют себя страдающие слепотой. Все клиенты этого кафе – полуночники. Официантка, обслуживающая нас, так старалась услужить – одно загля-денье. А брат мой сказал: знаете, в чем трагедия этой девушки? Она каждый день приходит на работу вся накрашенная, приглаженная, а ее никто не видит.

А – Да, он мог бы такое сказать.

Р – Он ведь у нас писатель, вот и говорит на этот манер. Вот мы с тобой беседуем о многом, но ничего не записываем. Всё утекает сквозь пальцы.

А – Не каждую беседу можно превратить в текст.

Р – Можно. Настоящий писатель при желании может написать даже об этом варенье, об ореховом дереве в парке, о дрозде, севшем на то ореховое дерево. Про твоего котенка можно накатать такой прекрасный рассказ – шедевр выйдет! Эдгар По ослепил черного кота, и мир ему заплодировал, а ты ведь спас котенка. И вправду, ты спас котенка, а что дальше?

А – Купил ему колбасы, но есть он не смог. Был так напуган, что весь дрожал в моих ладонях. Я чувствовал, как учащенно бьется его сердце. Я дал ему напиться воды, он немного успокоился.

Р – Интересно, как животные ощущают страх? Говорят ведь, что они лишены сознания. Раз нет сознания, как они оценивают ситуации, в которые попадают? Очень интересно, что они чувствуют, когда напуганы?

А – По твоим словам выходит, человек боится потому, что понимает ситуацию, в которую попадает?

Р – Страх в человеке вызван ощущением безысходности. Будь он уверен в спасении, не боялся бы.

А – То есть человек боится незнаемого? Точнее, настоящая причина человеческого страха – неопределенность. Так? Помнишь, что я сказал чуть раньше? Мы состоим из прошлого. Все события будущего вероятны наполовину. Есть два варианта: событие либо состоится, либо нет. Когда человек остается между тем, что случится и тем, чего не случится, его охватывает страх.

Р – Выходит, пусть человек всё на самотек, бояться не станет?

А – Думаю, да.

Р – Но в таком случае умрут и другие чувства. Если человек примется относиться ко всему таким вот образом, в жизни никаких острых ощущений не останется. И любовь, и ненависть он пустит на самотек. Лично мне не хотелось бы жить в таком мире.

А – Чаю будешь?

Р – Да, налей. Послушай-ка, какого окраса был этот твой котенок?

А – Красивый, черный, а грудка белая. А что?

Р – Глянь туда, это не тот самый пробует перейти дорогу?

А – Где-где?

Р – Вот, он пробует перебраться через дорогу возле парка.

А – Да, похож на моего. Неужели он проделал весь этот путь ради меня? Да, это точно он. Как животное узнало, что я здесь?

Р – Этого сказать не могу, но он вот-вот останется под колесами.

А – Котенок! Погоди, постой! Котенок! Глупое животное! Постой, машина соьбьет. Стой!

Р – А этот чертов водитель тоже слепой?

W – Котеночек, стой! Тормози, машина! Стойте!..

Три оборота

Меня не взяли на поминки дяди Билала. Мама сказала, что я еще не полностью выздоровел и потому они там не смогут позаботиться обо мне. И крепко-накрепко велела выпить лекарства после полудня. Но я чувствовал себя очень хорошо. Не помню, чтоб за последний год я чувствовал себя настолько хорошо. Правда, я все еще не мог понять, что из себя представляет моя болезнь. В прошлом году во время летних каникул брат отца, мой младший дядя, который был старше меня всего на четыре года, взял меня с собой в летний пионерлагерь в горах. Мы оставались в палатках в лесу, покрывшем горы словно бархатное одеяло. Дождь лил чуть ли не каждый день. Казалось, в тех горах полдня было лето, полдня осень. Родственники говорили, ребенок заболел именно там, сильно простудился. После возвращения из пионерлагеря я начисто потерял аппетит. Утомляемость, слабость выбили меня из сил. Я весь пожелтел. Меня водили ко всем врачам, муллам, святыням. Тогда я и узнал слово «знахарь». Каждый проводил на мне эксперименты. Однажды кто-то сказал, что этого ребенка может вылечить только Мыгдат-киши. Тот был деревенским муллой, деревня располагалась среди тех самых гор, где находился и пионерлагерь. Мама моя не очень верила таким вещам, а отец – тот вообще ничему не верил. Но когда все варианты исчерпаны, человек начинает надеяться на то, к чему раньше не испытывал доверия. В слякотный декабрьский день мы собрались и поехали в те горы. При виде Мыгдат-киши я немного испугался. Было в нем что-то потустороннее. Он совсем не походил на учителей, родственников, которых я видел до сих пор.

Впервые в жизни я видел бородатого человека. К тому же белобородого. На ногах до самого колена цветные, вязанные шерстяные носки. Поверх носков – чусть¹, похожий на чарык². А поверх тела длинная серая накидка, не похожая ни на пиджак, ни на плащ. Я не мог отвести взгляда от белоснежного феса³ на его голове. Посреди комнаты с земляным полом он поставил табуретку и усадил меня на нее. Комната пахла сыростью. «А вы выйдите», – велел он присутствующим. Я испуганно посмотрел на маму. И тогда она выпалила: «Дядя, я могу остаться?». Сказала и отошла от двери. Мулла хрипло бросил: «Останься, но ни звука». При этих словах я покрылся холодным потом. Я не мог представить, что произойдет в этой полутемной, серой комнате.

Все вышли. Мулла взял в руки книгу и, читая, начал обходить меня кругом. Когда он проходил передо мной, я внимательно смотрел ему в глаза, а когда оказывался за спиной, я старался уловить его отражение в маминых глазах. Обойдя меня три раза, он положил ладонь мне на голову и принялся шептать слова на незнакомом языке. Каждый раз, когда я слышал знакомое слово, мне хотелось сказать: «что ты там бормочешь?» Но я боялся сказать. Наконец, этот обряд безболезненно подошел к концу. Мулла Мыгдат открыл дверь и вышел из комнаты наподобие хирурга, завершившего тяжелую операцию. Задержавшись на пороге, он велел моей матери: «Дочка, иди сюда». Я тут же встал и взял маму за руку, боясь остаться тут один. Проходя в боковую комнату, я вспомнил, что в прежней комнате окон не было.

¹ Легкие туфли без каблуков.

² Обувь из сыромятной кожи с толстой подошвой, короткими голенищами и со слегка загнутыми кверху носками.

³ Мужской головной убор.

В боковой комнате было светлее и теплее. Пол покрыт паласом. Мулла уселся на подушечку мутекке и начал что-то писать на белой бумаге размером с ладонь, затем сложил бумагу втрое и протянул матери.

– Пришей это к одежде ребенка. Вы назвали его именем врага нашей религии. Надо было посоветоваться, когда вы давали ему имя. Ребенка не следует называть первым попавшимся именем. Если не смените ему имя, он проживет не больше семнадцати лет.

Вот так взял и сказал. Прямо в лицо, в присутствии всех. Остальных его слов я не расслышал. Очнулся только снаружи, а отец остался с муллой. Изнутри доносились голоса, но я ничего разобрать не мог. Когда вышел отец, старший дядя спросил у него: «сколько дал?» Отец сказал лишь одно слово: «достаточно».

Только сейчас я понял, что отец остался с муллой наедине, чтоб заплатить ему.

– Он говорит, твой сын умрет, – не удержался я, – а ты ему еще и платишь? Он что, требовал у нас магарыч?

– Замолчи! – прикрикнул на меня дядя.

Я больше ничего не сказал.

Мы вернулись домой. Члены семьи, рассевшись по углам, грелись теплом печи. Никто и слова не говорил. Я думал про себя: если умру, что станут делать эти люди? Не знаю, треснуло ли полено в печи или кто-то хрустнул шеей, но вдруг все заговорили хором. Оказывается, всё это время они придумывали мне новое имя.

– Может, назовем его как покойного моего мужа, – опередила всех бабушка. Она обернулась ко мне: – Да, сыночек, нравится дедушкино имя?

И тут я так громко и резко возразил, будто вовсе не болел эти последние пять месяцев. Я догадался, что мой ответ всех задел, потому постарался смягчить тон:

– Нет, это ведь устаревшее имя. Разве можно называть десятилетнего мальчика Мамедали?

И вправду, как же сложно подобрать хорошее, правильное имя. Как так – человек сам подбирает себе имя? Хорошо, что ребенка называют, когда он несмышленный. И тогда его надо назвать так, чтоб он не стеснялся своего имени, когда подрастет. Мне-то мое имя нравилось. Я не хотел его менять. Младший дядя, тот, который был старше меня на четыре года, сказал:

– Давайте назовем его Омар. Это имя созвучно с нынешним его именем.

– Да что ты такое несешь? – рассердился старший дядя. – Мыгдат-киши говорит, вы назвали ребенка именем пьяницы, смените это имя. А ты совсем всё портишь. Хочешь, чтоб он взял и прямо завтра помер?

– Не дай Бог! Не дай Бог! – закричали все хором.

Затем слово взяла тетя моего отца Гюльляр:

– Предлагаю, чтоб имя ребенку выбрала Гаратель. Всех детей из рода Алы называет бесплодная Гаратель. И все они, слава Богу, здоровые, крепкие. Гаратель сама бесплодна, но рука у нее легкая.

Но тут возразила бабушка:

– Только этого не хватало, чтоб в деревне принялись судачить, мол, ребенок из рода Ханмамедли был при смерти, а его от неминуемой смерти спасло имя из рода Алы.

– Послушайте, – сказала мама, – если на то пошло, Омар Хайям не умер же от своего имени.

Тут во дворе поднялся переполох. В дом вбежал мой двоюродный брат.

– Дядя Билал снова напился, всех бьет. Дома остались только я, мама и бабушка.

Моя бабушка принялась ругать дядю Билала за глаза:

– Учитель, с высшим образованием, а держать себя не может! Гляньте, что он вытворяет? Целыми днями напивается, ни ребенку житья не дает, ни той бедняжке. Почему Бог его не заберет? Да и мою ненаглядную...

– Тетя, – перебила ее мама, – ребенок ведь слышит. Билал неплохой человек. Вся беда в этой проклятой водке! Виноваты те, кто его спаивает. Эти мерзавцы не считаются с тем, что у Билала семья.

Может, мама правду говорила и дядя Билал был хорошим человеком. Нет, он точно хороший. У него дети. Учитель, у которого есть дети, не может быть плохим человеком. Но я всё равно его побаивался. Никогда к нему близко не подходил. А если он меня подзывал, я бежал не глядя. В трезвом состоянии он ни слова не говорил, думал о чем-то своем, свесив голову. Да и дети его были молчаливы, понуры. Не знаю, характер у них такой или чего-то они стеснялись. В трезвом состоянии он меня не подзывал. Подзови он в трезвом состоянии меня, я б пошел. Однажды я чуть не подошел к нему, но в последний момент постеснялся. Прошлой осенью в деревне шла свадьба, музыка доносилась до самого нашего двора. Я пошел к дороге и увидел, что дядя Билал, вскинув руки под айвовым деревом возле забора, танцует под отзвуки музыки. Если б я не постеснялся, то присоединился бы к нему. Эх, если бы...

Чуть спустя пришел отец:

– Я отвел его домой, он завалился спать. А детей отправил к бабушке. Пускай там переночуют, назавтра он все забудет, – сказал отец.

Только теперь я обратил внимание, что отец говорит впервые с того момента, как мы вернулись от муллы. И то говорит о дяде Билале. Я обиделся на него, считая, что я его совсем не волную.

Вечером мама дала мне две горькие таблетки. Я старался не спать до тех пор, пока не ляжет отец. А вдруг он начнет говорить обо мне, а я не услышу. Так и вышло. Войдя в комнату, отец тут же сказал маме: «Готовься, завтра повезу вас в Баку. На тутошних надеяться не стоит». Я лежал, притворившись спящим. Но когда услышал о Баку, вскочил с постели и спросил у мамы:

– Мы едем в Баку?

Мама кивнула в знак согласия и я не смог удержаться от радости:

– Урра! Я еду в Баку. Урра!

– Молчи, – велел отец, прикрыв рот ладонью. – Мы не на гулянки едем, а к врачу.

Пусть. Главное, едем в Баку.

Когда машина стала выезжать со двора, я моментально забыл всё вчерашнее. Мы завернули на поворот и тут пропали крики детворы, бегущей рядом. Оглянувшись, я заметил, что дядя Билал сидит на камне возле арыка. Когда мы подъезжали, он бросил окурочок в арык и встал. Я не разобрал, в знак чего он кивнул отцу головой, то ли поздоровался, то ли попрощался, но завидев меня, улыбнулся. Так красиво улыбнулся.

– Отец, дядя Билал мне улыбнулся, – сказал я радостно.

– Да, Билал может и улыбаться, – сказал отец, глядя в зеркало заднего вида.

Зеленые горы сменялись серыми холмами, серые холмы равнинами, и таким вот образом мы ехали в Баку. Я не помню, когда устал от утомительного пути, склонил голову на колени матери и забылся сном. Очнулся только, когда меня окликнула мама:

– Вставай, посмотри на море. Мы почти доехали до Баку.

Я совсем позабыл о море. Ведь в Баку есть и море.

Боже, сколько воды я увидел, подняв голову! Откуда сюда натекло столько воды? Синей-пресиней воды. При одном взгляде на море ощущаешь весь громадный объем этой воды.

– Откуда здесь столько воды? – спросил я у мамы.

– Это реки впадают в море.

– Значит, арык в нашей деревне тоже впадает в море?

– Не знаю, может быть.

Я подумал, раз и наш арык впадает в море, то значит тот окурок, который дядя Билал выкинул утром, должен сейчас быть тут в море.

Море и вправду было громадным. Впервые в жизни я видел столь длинный горизонт. В деревне нашей, куда ни глянь, одни горы да доли. А этот бесконечный горизонт показался мне немного пугающим. Откуда бы мы ни проезжали, я выискивал глазами море. А если не было видно моря, смотрел на небо. Небо напоминало море, но выглядело легче.

За полдень мы добрались до Лёкбатана. Там проживал двоюродный брат отца. Мы собирались переночевать у него, а утром отправиться к врачу. Здесь в первую очередь меня изумил запах. Сразу же сойдя с машины, я ощутил незнакомый запах. Это был иной запах. Была и земля, и редкие деревья, но запаха нашей деревни не было. Наверно, это запах моря. Дома у двоюродного брата моего отца пол покрывали ковры и паласы, но дом не походил на деревенский. Да и привычные для деревни вещи стояли тут будто бы поодаль от остальных.

Мы встали рано утром и позавтракали. Я выпил сладкого чаю из хрустального стакана. Йухи не было, мама положила кусок масла с сыром на базарный хлеб. Вкусно, хоть и по-другому.

Меня усадили на первом этаже больницы, посреди комнаты с каменным настилом. Чистая комната без запаха сырости. Всё белоснежное, только вот окна не имеется. Врач в белом колпаке на голове, напоминающем фес муллы Мыгдата, и таком же белом халате, тоже напоминающем облачение Мыгдата, осмотрел мой язык, осмотрел глаза, затем приставил трубку к моей спине, чтобы прослушать легкие, три раза обернувшись вокруг меня, велел отцу отправиться в лабораторию на анализ крови, а затем вернуться сюда.

При слове «лаборатория» у меня перед глазами встали освещенные синим светом дымные комнаты из научно-фантастических фильмов, но всё оказалось иначе. Мы вошли в точно такую же комнату, расположенную чуть дальше. Медсестра вонзила иглу шприца мне в вену, не отрывая от меня взгляда. Я даже не пикнул. Кажется, ей было меня жаль. Закончив свою работу, она сказала, что у бедного ребенка даже стонать сил не осталось. Честно говоря, мне тоже было ее жаль. Что за профессия? С утра до вечера тянуть кровь из людей. В комнате пахло кровью.

Мы вернулись к врачу.

– Придете завтра, пускай придут результаты анализа, я назначу лечение, – сказал он.

На следующее утро врач аккуратно стал что-то писать на белом листе бумаги размером с ладонь, потом протянул бумажку отцу. А маме сказал:

– Дочка, вы живете в деревне, у вас этого, наверное, вдоволь: как можно чаще давайте ребенку тутовый бекмез. У него немного увеличена печень. Лекарства, которые я прописал, давайте ему три месяца. Если через три месяца пойдет на поправку, продолжайте еще месяц, и всё. А если не поправится, через три месяца снова приезжайте ко мне.

Когда мы выходили, отец задержался. На сей раз я понял, что он платит врачу.

До самого Новруза я ни на минуту не медлил с приемом лекарств. И, не дай Бог соврать, съел чуть ли не три баллона бекмеза. Бекмез купили у той самой бесплодной Гаратель. Сказали, ничего, что она бесплодна, рука у нее легкая, лучший бекмез в деревне варит Гаратель.

Три месяца я ел бекмез Гаратель, не помогло, я не вставал с постели.

Шли последние дни марта, ровно три месяца до того, как пришла весть о кончине дяди Билала. Я продолжал лежать на диване, напоминающем больничную койку, иногда смотрел телевизор, иногда пробовал читать «Всадника без головы». Я уже видел фильм, потому читать книгу терпения не хватало, но и занять себя ничем другим не мог. Я прислушивался к каждому шороху: вдруг кто-то зайдет, займет меня беседой. Больше всего меня утомлял тополь, видный из окна. Когда ветер переворачивал его листья, казалось, что дерево отлито из свинца.

Утром в 9 в дверь постучались. Это редкость, в столь ранний час к нам не приходили. Раз постучались, значит, это незнакомец. Мама отворила:

– Здравствуй. Добро пожаловать, заходи. Но...

Гость перебил маму:

– Нет, я пришел поведать ребенка. Как он?

– Да как обычно. Лежит.

Я всё еще не мог разобраться, кто к нам пожаловал. Голос знакомый, но точно разобрать не могу. Обернувшись к двери, я увидел, что в комнату заглядывает дядя Билал. Я не испугался. Совсем не испугался. Он подошел и сел рядом. Провел рукой по моему лбу. Рука пахла сигаретами.

– Дочка, дай мне чаю, – обратился он к маме, не отрывая от меня взгляда.

Как только мама вышла, он встал, взялся за краешек дивана и потянул вперед. Затем прошел к другому краешку.

– Братец Билал, что ты делаешь? – прибежала мама на шум.

– Не мешай, – сказал он и потянул диван в середину комнаты. Затем три раза обернулся вокруг меня, каждый раз приговаривая: – Ай Аллах, передай мне все беды этого ребенка. Ай Аллах, передай мне все беды этого ребенка. Ай Аллах, передай мне все беды этого ребенка.

Мама так и застыла на пороге, потеряв дар речи. Затем дядя Билал наклонился и осторожно поцеловал меня в лоб. Он так красиво улыбнулся, но дыхание отдавало табаком. Будто откуда-то издали доносился запах горелого сена.

Дядя Билал открыл дверь и вышел, и тут из окна в комнату ворвался весенний воздух. Всколыхнувший занавески и ворвавшийся в комнату ветер так сильно хлопнул дверь вслед дяде Билалу, что мы с мамой вздрогнули от испуга. Все листья свинцового тополя перед окном обернулись в мою сторону. Зеленые-презеленые листья. Наутро я завтракал за столом. Неделью спустя стал выходить, хотя мне пока не разрешали играть с ребятами. В один день я услышал, что дяде Билалу стало плохо, ему вызвали врача. Спустя два месяца в Баку повезли и дядю Билала. Мне удалось услышать по разговору отца, что у него цирроз печени.

– Напрасно его отвезли в Баку, – сказал я маме. – Мы ведь тоже поехали, и что? Врач скажет, ешь бекмес, а он человек упертый, есть не станет.

Вчера вечером отец вернулся домой без настроения и я понял, что стряслось плохое. Он сказал маме, что завтра привезут тело Билала.

Я не мог уснуть до самого утра. Я считаю, что обязан жизнью дяде Билалу. Он забрал с собой мою болезнь. На поминки по нему меня не взяли, ничего. Но я точно знаю, что в тот день никто не плакал по дяде Билалу так как я.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

РАУФ МАМЕДОВ

О вреде гласности

Огласка чьих-то личных мнений
Порою нам понять дает,
Что спит в отдельных людях гений,
Зато не дремлет идиот...

Монолог Разочарования

Весь мир теперь наоборот –
Не так, как виделось в начале.
Достигли карлики высот,
А исполины измельчали.
Небесный рушится каркас,
Калеча судьбы человечьи,
И нет атлантов среди нас,
Чтоб небесам подставить плечи.

Таков трагический финал
Всех человеческих комедий.
Мы не набрали нужный балл,
И в синь безоблачную метя,
Попали в черную дыру.
Ведь нас учили по-другому:
Отваге, разуму, добру...
И не готовили к иному.

Земля и небо – кверху дном,
Искажены перед глазами.
И в мире, пасмурном и злом,
Мудрец едва ль пройдет экзамен.
А сумасшедшему везет –
Он на своем привычном поле,
Где для него привычно все,
Без отрешенности и боли.

Где из терзающих стило
Никто не выдаст правду, кроме
Как тот безумец за столом,
Где всех нас с ложки ложью кормят,
Где совесть Дьяволу ссудив,
Святоша днем грозитесь Судным,
И тот лишь истинно правдив,
Кто называет жизнь абсурдом...

Монолог Нравнодушия

Все теперь мы враги, похоже,
Как порушенная семья.
Может, кто-нибудь и поможет,
Только кто-нибудь, а не я.
Зло, как принято, укоряю,
Но о помощи не моли –
Моя хата, простите, с краю,
Где-то там, на краю земли.

В этом призрачном королевстве,
Там, где вечная тишь и гладь,
Где ни войн, ни стихийных бедствий,
И где некому помогать.
Ну а здесь все намного хуже:
Бремя совести и долги,
Отовсюду пронзает уши
Это вечное «Помоги!..»

Эти жуткие чьи-то вопли,
И везде по пятам бредет
Неотвязный кошмарный облик
Обездоленных и сирот.
Утром чашечка капучино
Разгоняет весь этот бред,
Ловко прячешься под личиной
От всеобщих вселенских бед.

Но недолог твой личный театр
Без чужих человеческих драм.
В городской суете котят
Мерзнут, робко припав к дверям.
Их глаза тебе душу гложут,
Боль Вселенной в себе тая...
Может, кто-нибудь им поможет?
А может «кто-нибудь» –
это я?!..

ЛАУРИНАС КУДИЯНОВАС

**ПОЛНАЯ ТВОРЧЕСТВА ОБЩНОСТЬ,
ПРЕЗРЕВШАЯ РАССТОЯНИЯ**

Отзыв на книгу «Вильнюс – Баку: культурные мосты и меридианы диалога»

Один из выдающихся и крупнейших историков Литвы Зенонас Ивинскас (1908–1971) выказывал опасения относительно написания истории XIX в. и межвоенного периода Интербеллума. Он полагал, что академики и публицисты при изучении сюжетов прошлого нашей страны зачастую превращают историю Литвы в островок посреди моря истории всеобщей, забывая при этом о связи литовцев с остальным миром. Не секрет, что и в XXI в. имеют место случаи, когда обособленные эпизоды национальной истории становятся ключевым аспектом. Вероятно, по той же причине, открыв книгу, в которой повествовательные рефлексии на историю и сегодняшний день Литвы выходят за пределы геополитических границ страны и показывают, что поиск смысла, заключающегося в связях литовскости и других народностей, простирается за тысячи километров, охватывает непреодолимое чувство радости. Именно такой и является изданная в 2020 году на литовском языке в Вильнюсе книга председателя Общины азербайджанцев Литвы, литературоведа, публициста и переводчика Махира Гамзаева «Вильнюс – Баку: мосты культуры и меридианы диалога».

Это произведение открывает перед читателями широкие врата в малоизвестные, но значимые, широкие и позитивные культурологические, исторические и дипломатические контексты Литвы и Азербайджана, тем самым переводя наш взор на довольно редко встречающийся синтез с ориентальным миром.

В первую очередь хотелось бы взглянуть на то, что мы могли бы назвать идеей самой книги, сквозь призму основных смысловых акцентов издания и их отношений с читателем. Палитра сюжетных красок, вмещенных книгой на более чем пятистах страницах, действительно очень широка, а иногда даже охватывает благоговейный ужас, сколько ценной информации до сих пор пребывало в неизвестности. Одинадцать разделов книги вмещают широкий спектр тем, начиная от литературоведения, дипломатии, истории, сравнительной культурологии, политологии, тюркологии, и заканчивая знакомством с подзабытыми проявлениями историографии, художественной литературы. Действительно, широта содержания дает возможность различным исследователям, публицистам или просто интересующимся прошедшими и настоящими периодами Литвы и Азербайджана или литовско-азербайджанскими отношениями найти собранный воедино, структурированный и подчеркивающий ключевые аспекты рассказ.

Необходимо добавить, что книга является и прекрасным сводом опубликованных источников. Здесь приводятся различные статьи из ранних изданий Саюдиса, из периодики первых лет Независимости, или вырезки из них, различные речи, произнесенные на научных или общественных конференциях, выдержки из докладов и, наконец, официальные документы, связанные с дипломатией, внутренней политикой и институционализацией национальных меньшинств страны после 1990 года. Фотокопии представленных в книге источников, документов, иллюстративные снимки позволяют еще ближе ощутить настоящий дух прошедших событий.

Книга также выполняет для аудитории функцию консультативного, рекомен-

дательного характера. Читатель, особенно в 10-ой главе – «Миссия переводчиков – строить мосты между народами мира», словно оказывается вовлеченным в единую материю исполненного литературным порывом текста, где не только раскрывается общность литовских и азербайджанских творцов, но и множественность поэтических, прозаических корреляций, литературной критики и исторических работ. Здесь повествуется о творчестве выдающихся азербайджанцев прошлого и настоящего, таких как Низами Гянджеви (1141–1209), Джалил Мамедгулузаде (1866–1932), Абдулла Шаиг (1881–1959), Бахтияр Вагабзаде (1925–2009), Камал Абдулла, Эльчин Гусейн-бейли, и об историческом контексте в плане отношений с Литвой.

При чтении можно еще раз вернуться и к литовским авторам, работы которых важны как для Литвы, так и для Азербайджана. В них раскрыт синтез культур, традиции стран Востока, необычные сюжетные линии, которые, возможно, ранее остались незамеченными. Таким образом, автор этой книги открывает своеобразный, иной взгляд на творчество Винцаса Креве-Мицкявичюса (1882–1954), Йонаса Билюнаса (1879–1907), Антанаса Венуолиса-Жукаускаса (1882–1957), Саломеи Нерис (1904–1945), Сигитаса Гяды (1943–2008), Даниэлюса Мушинскаса, Альгирдаса Поцюса (1930–2021) и других.

Представленные в книге рассказы о жизни людей, выдержки из их интеллектуальной биографии гармонически переплетаются в единую материю, раскрытую на основе метафоры культурных мостов, объединяющей две страны – и далекие, и близкие одновременно. Эту единую общность и можно считать основополагающей идеей книги.

В произведении приводится огромное количество исторических и нынешних моментов, которые, как может показаться на первый взгляд, проделывают некие скачки в творческом пространстве. Всё же читатель в итоге словно подталкивается к тому, чтобы увидеть несколько скрытых в исторической реальности сюжетных линий, целью каждой из которых является осмысление упомянутых литовско-азербайджанских связей.

Это, в первую очередь, мотив культурной и исторической памяти, соединяющий настоящее с прошлым.

Он прекрасно ощущается в двух первых главах, в которых автор книги повествует о вкладе Винцаса Креве, жившего и работавшего в Баку в 1909–1920 гг., в развитие и упрочение связей между двумя странами. Самые известные произведения этого выдающегося литовского писателя, такие как «Шарунас», «Предания старожилов страны Дайнавы», были написаны не где-нибудь в другом месте, а в период его проживания у Каспийского моря. И, словно увенчивая свою связь с открывающимися в Азербайджане традициями Востока, он пишет тексты на ориентальную тематику, которые позднее войдут в сборник «Восточные сказки» (В. Креве. Избранное, Т. 10, Клайпеда, 1930). Среди них есть и литературная благодарность писателя Азербайджану – повесть «Страна Азерстана».

Махир Гамзаев после потчевания читателя этим эпизодом грациозно переносит его в сегодняшний день и повествует о том, как лелеют в Азербайджане историческую память о творчестве Винцаса Креве и его литературном наследии. Автор напоминает, что наряду с празднованием годовщин со дня рождения писателя в его родной Дзукии, научных конференций в Вильнюсе, память может проявляться и в издании книг, в виде переводов. Таким образом, написанные Креве более 100 лет назад на литовском языке произведения смогли возродиться еще единожды, так как были переведены на азербайджанский язык и опубликованы там, где о себе манифестом заявила муза (напр., в 2015 г. в Баку была издана книга «Azərbaystan ölkəsi» – «Страна Азербайджана»). Автор упоминает, что память литовского писателя в Азербайджане будет увековечена и открытием мемориальных досок на месте его работы (Бакинское реальное училище) и доме, в котором он жил.

Сюжетная линия о лелеянии памяти очень пронзительно изложена при описании дипломатических отношений Литвы и Азербайджана, контекста их видений. Автор книги содержательно передает историю дипломатических отношений, которые в 1918–1922 годах завязали демократические республики Азербайджана и Литвы, а также историю открытого в 1919 г. в Баку консульства Литвы.

Память об этом периоде словно свидетельствует о том, что упомянутые государства, возродившиеся после 1990 г. на постсоветском пространстве, должны были не заново завязывать межгосударственные отношения, а восстанавливать их. В процессе увековечивания памяти об исторических событиях еще раз, возможно, в новом свете, вернулся Пранас Дайлиде (1888–1965), дипломатический полномочный представитель Литвы на Южном Кавказе, офицер Томас Видугирис (1893–1979) и ряд других личностей, значимых для общей истории Литвы и Азербайджана.

Наряду с примерами лелеяния памяти, что еще шире увековечивается включенными в книгу фрагментами свидетельствующих о литовско-азербайджанских связях мероприятий, конференций, автор актуализирует и опасность забвения. Здесь происходит очная ставка читателей с моментами жизни азербайджанцев, на протяжении времен канувших в лету на просторах Литвы. Одно из самых притягательных повествований – о связях Шакира Садыгова (1919–1951) с Литвой. Он – партизан Вайдотского формирования округа Кястутиса, боролся за свободу Литвы и оказывал сопротивление советской оккупации. Активно включился в деятельность сопротивления, выучил литовский язык и, несмотря на драматические партизанские будни, начал творить. Автор книги утверждает: «Ш. Садыгов – первый азербайджанец-творец, который включил в пространство художественного слова своего народа образ литовского леса». Остается надеяться, что в один прекрасный день в книжных магазинах появится поэтический сборник и более подробная биография этого защищавшего Литву азербайджанца, подписывавшегося литературным псевдонимом «Вургун».

Другая раскрывающаяся сюжетная линия приводится в качестве иллюстрации пути творчества, видений и деятельности национальных меньшинств в Литве, и в этой сюжетной линии – содержательные эпизоды межгосударственных связей. Несмотря на то, что основополагающей идеей автора книги является вскрытие культурных мостов между Литвой и Азербайджаном, в свое повествование он очень содержательно вплетает истории почти обо всех национальных меньшинствах, таких как татары, караимы, украинцы, грузины, латыши, эстонцы, немцы, евреи и другие, показывая тем самым не только стародавнее сотрудничество Литвы и этнических меньшинств, но и значение их тесных взаимосвязей. Эта книга дает возможность читателю взглянуть на известные события, такие как 13-ое Января, восстановление независимости Литвы или интеграция страны в блок НАТО и ЕС, с перспективы национальных меньшинств, осознать их, как сообщества и равноправной части общества, вклад в развитие традиций, истории и политической мысли в конце XX в. – начале XXI в. в Литве. Текст перемежается иллюстрациями, как вид развевающихся рядышком флагов Литвы и Азербайджана, метко указывая на ключевые миссии сознательных национальных меньшинств – вносить свой вклад в повышение благосостояния в стране проживания и быть связующим звеном между старой и новой родиной. Автор приводит официальные тексты, репрезентирующие поддержку, поздравления, помощь азербайджанской общины, непрерывно сопровождавшие и радовавшие Литву в ходе судьбоносных событий. В книгу также включены написанные различными этническими группами в период Саюдиса смелые коллективные обращения к высокопоставленным советским «шишкам» с выражением неодобрения репрессий и проявлением солидарности в отношении независимости Литвы.

Автор книги, повествуя об оккупационном режиме Советского Союза, об ограничении человеческих свобод, о январских событиях 1990–1991 гг. в Баку и в

Вильнюсе, упоминает, что общая опасность и болезненный опыт способствуют сплочению угнетенных. Но, листая страницы книги, стоит немного развить эту мысль. Казалось бы, не только опасность, но и другие факторы, такие как победа, свобода или даже позитивные задачи также вносят свой вклад в формирование общности.

И тому подтверждение – рассказы о различных делах литовских азербайджанцев: творчество живущей в Вильнюсе Адилы Эфенди, переводы самых известных азербайджанских текстов на литовский язык и наоборот, конкурсы для учащихся, поощряющие изучение азербайджанского края. Когда хоть малая толика фрагментов древней Земли огня – Азербайджана становится частью культуры Литвы, появляется новый путь для возведения мостов между двумя странами.

Последнее сюжетное звено, о котором стоит упомянуть, зачастую оставалось за полями страниц или только скромно вливалось в широкий пейзаж описанных культурных мостов. И всё же роль автора книги Махира Гамзаева в возведении этих мостов является важной линией как книги, так и окружающей нас действительности. Усилия публициста, писателя внесли существенный вклад в воссоздание исторической памяти, в завязывание связей с Азербайджаном. Следуя тексту книги, несложно заметить и самую настоящую гражданскую сознательность, характерную для автора, когда речь идет о будущем Литвы, об отношении страны с представителями национальных меньшинств, а также и о его родине у Каспийского моря. Важность литовских традиций раскрывается при описании автором Литвы и его собственного опыта в проводимых литуанистических пассажах литовской литературы, ее популяризации и лелеяния. В изложенном материале об отголосках организуемых азербайджанцами в Литве праздников, об искренней и сознательной вовлеченности национальных меньшинств во время Восстановительного сейма Литвы, можно в полной мере ощутить преданность автора общественной деятельности, вносящей свой вклад в стремительное ускорение поиска её смысла.

Исчерпывающе изложенная история научно-просветительских связей Литвы и Азербайджана XX–XXI вв. отражает и фрагменты литуанистической интеллектуальной биографии самого автора: творчество Винцаса Креве, как отправная точка, Юстинас Марцинкявичюс (1930 – 2011) и другие литовские поэты, как источник вдохновения, Витаутас Ландсбергис и другие деятели страны – как гармоничное приятие. Эти и множество других основополагающих переломных творческих и жизненных дел объединены в одну ключевую идею – усилия по открытию культурных мостов.

Как и множество изложенных сюжетов, так и эта книга стали еще одним культурным мостом. Несмотря на огромные расстояния, для творческих, а особенно для литературных связей дистанции роли не играют и достигают своей цели, что и удалось сделать этой книге и ее автору.

И в заключение хотелось бы поразмыслить о понимании Азербайджана, да и в целом о понимании многоликого Востока в случае Литвы. К примеру, литовский философ Стасис Шалкаускис (1886–1941) в межвоенный период пришел к умозаключению, что, мечтая о Западе, литовцам не следует отворачиваться от Востока, отличительной чертой которого является безудержная творческая мощь. Всё же одним из основных инструментов открытия культурных мостов как раз и является способность к творчеству.

г. Вильнюс, январь 2024 года

МИХАИЛ СМИРНОВ

(Уфа)

Горечь полынная

Рассказ

Глухая ночь. Город спит. Пустынные осенние улицы. Уж который день летит мелкая морось, скрывая редкие тусклые фонари в туманной дымке. И свет этих фонарей не достигал земли. Словно светящиеся шары повисли в воздухе. Слышны редкие шаги по ночным улицам. Одни торопятся, словно чего-то опасаются, а другие ничего не боятся, и шагают вразвалочку, как хозяева ночных улиц. Новая жизнь и новые порядки. Одним в радость, а другим...

Геннадий Мурашов стоял в дверях подъезда. Поехился. Холодно. Запахнул куртку. Натянул кепку на глаза. Руки в карманы и скукожился, пытаюсь спрятаться в поднятом воротнике. Порыв холодного ветра, и тут же зазнобило. За порогом промозглость. Сейчас бы дома сидеть с кружкой горячего чая или лежать под теплым одеялом, включить транзистор, пусть потихонечку бормочет, и слушать, как шипит осенняя морось за окном, а вместо этого он стоит в подъезде, словно щенок бездомный, который забился в угол и потихонечку поскуливает, не решаясь выйти на улицу.

Геннадий засиделся в гостях. Честно сказать, не хотелось уходить, и тянул время. Не было желания возвращаться по мерзкой погоде в холодную холостяцкую квартиру, где и поговорить-то не с кем, разве что какой сосед забежит на минутку, и все на этом.

Геннадий пришел в гости к старому знакомому. На кухне устроились, чтобы не мешать супруге смотреть сериал. Высокий и нескладный Геннадий заглянул в зал, поздоровался с ней, прошел на кухню, сунулся в угол и уселся на табуретку возле стола. Вытянул худые ноги в промокших носках. Серый свитер в затычках и катышках, все равно под курткой не видно, воротник растянулся, из-под него зеленая рубашка виднеется. Худая тонкая шея и крупный кадык. Вытянутое худое лицо. Недельная щетина. Унылый крючковатый нос навис над тонкими губами. Хмурый недовольный взгляд из-под густых бровей. Давно не стриженная и не мытая шевелюра на голове. И немного оттопыренные уши. Прядки волос свисают на воротник. В мокрых руках зажата шахматная фигура. Он смотрел на шахматную доску и думал. Делал ход и потирал руки, а потом тянулся к бокалу с чаем. Глоток-другой и снова взгляд на шахматную доску. Хорошо было в гостях. И не хотелось уходить. С давним знакомым, Николаем Носковым, играли в шахматы и разговаривали за жизнь. Вроде все уж было переговорено за долгие годы знакомства, но темы всегда находились. И сейчас прошлое вспоминали. Геннадий рассказывал, как жил в деревне, как с пацанами шkodничал, и не заметил, как время пролетело. Радовался, хоть наговорился вдоволь. Но в то же время, как представит, что тащиться через весь город, да еще в ночное время, и сразу настроение портилось. Но храбрился. Мол, доберусь. Раньше через весь город ходил по кварталам и ничего не боялся, и сейчас добегу. Да кому я нужен? В такую непогоду хулиганье дома сидит. И что с меня взять, кроме анализов, да и те с глистами? Ну и все в таком же духе...

– Ну, смотри, – позевывая и почесывая живот, закартавил невысокий Николай Носков в линялой майке неопределенного цвета и растянутых трико, которые то и

дело поддегивал. – А то бы еще партеечку сыграли, потом спать завалился на раскладушке на кухне. Конечно, это не родной диван, но все же лучше, чем шагать по ночному городу. Бр-р!

И передернул плечами.

– Правда, Ген, оставайся, – сказала супруга Николая, поправляя фланелевый теплый халат и, прикрывая рот ладошкой, украдкой зевнула. – Что в такую мерзкую погоду идти – не понимаю... Переночевал бы, утром позавтракал и пошел бы домой. А так...

Она пожала плечами.

– Спасибо, друзья мои, но пойду, – запахнул куртку Геннадий и взялся за дверную ручку. – Если решил, значит, так тому и быть.

И вышел на лестничную площадку, и затопал по лестнице.

А теперь стоял в подъезде и не решался выйти на улицу, прислушиваясь к шороху осенней мороси и ночным звукам, и жалел, что не остался с ночевьем. Не осеннего дождя боялся, а ночного города...

Осень на дворе. Тьма в окнах и за окнами. Новая жизнь приучила к этому. Экономия должна быть экономной. За окном редкие тусклые фонари горят – этого вполне хватит, чтобы ложку мимо рта не пронести, кто захочет ночью поесть. Смешно сказать – ночью жрать. Здесь у многих головы болят, как прожить на нынешние зарплаты, которые месяцами задерживают. В магазинах глаза разбегаются от всевозможного товара. Кажется, всё бы купил, но взглянешь на ценники, и дурно становится. Это же кто такие зарплаты получает, чтобы в наших магазинах отовариваться...

Геннадий Мурашов вздохнул. Пешком шагать в такую мерзопакостную погоду на окраину города – это геройский поступок. Он не герой, и жизнь одна, и одежда старенькая, и сам уж не такой прыткий, чтобы отмахаться от хулиганов или сбежать, и осенняя промозглая погода, и... И этих «И» было очень много. Но в то же время подмывало, что нужно шагать домой. В гостях хорошо, а дома спится лучше, хотя его никто не ждет. Эх, жизнь-жизня – горечь полынная!..

Геннадий вспомнил бывшую супругу, как она обрадовалась перестройке. Одним горе, а для других – радость. Валька при советской власти не хотела работать на эту самую власть. Он уж сколько раз винил себя, что не нужно было ей потакать, а стукнуть кулаком по столу и отправить ее на фабрику, если так хочется заниматься шитьем. А он пожалел ее – маленькую и худенькую, как она будет пахать на этой фабрике. Думал, после замужества пройдет эта дурь. А спохватился, уже поздно было. Она слушать не хотела его. Устроилась сторожем в небольшую конторку. Главное, что запись в трудовой книжке была, а сама шмотки на заказ шила, а по выходным уезжала в соседний город и торговала на рынке. А бывало, к ним приходил неприметный мужичок, который забирал готовый товар и тут же выкладывал денежки за него. И Валька, едва закрывалась дверь за мужиком, раскладывала деньги на столе и принималась хвастаться, что не он, а она в доме мужик и главный добытчик. Это она кормит его и содержит – тоже. И шмотки на нем куплены на ее деньги, и спасибо сказал бы, что терпит его, а не выгоняет, как другие сделали, и... И этих «И» было несчитано. И все в ее пользу...

– А как же моя зарплата? – возмущался Геннадий. – Между прочим, у меня шестой разряд слесаря и руки золотые, как говорят, и моя зарплата одна из самых высоких на заводе, а доплаты за рацпредложения, а дежурства в выходные – это не считаешь? Раньше хвасталась подругам, что я много зарабатываю, а теперь оказывается, что я нахлебник. Знаешь, Валька, не нравится, тогда ищи другого, а попрекать меня не нужно.

– Твоих копеек не хватит даже мне на пудры и помады, – пренебрежительно отмахивалась Валька. – Раз в полгода дадут копейки, чтобы с голоду не подошли, и

живи, как хочешь. А жрать просишь каждый день. Даже три раза в день, да еще покуснее. И куришь через каждые пять минут. Не напасешься! А сам не думаешь, на какие шиши тебя кормлю, пою и одеваю. Молчал бы уж – добытчик! Тоже мне – мужик!..

Разлаются. Валька подхватит баулы с товаром и опять куда-то уезжала. И так до следующего раза...

– Ты, Генка, открыл бы кооператив, как некоторые делают, да зарабатывал деньги, – опять завелась супруга. – Мне надоело слушать рассказы, что деньги не дают, что задержали. Я что, должна разорваться? Ты каждый день за стол садишься и не спрашиваешь, откуда взяла. Мне осточертела такая жизнь. Это твои проблемы, что вам деньги не выплачивают. Думай. Иначе...

И Валентина неопределенно покрутила в воздухе рукой.

– Ты куском хлеба попрекаешь? – взвился Геннадий. – Я плевал с колокольни на эти деньги. Все словно с ума посходили. Одно на уме – деньги! А мне плевать на новую жизнь и на вас – тоже. У тебя вместо мозгов счетная машинка стоит, сколько можно содрать с клиента. А других мозгов, которые думают о семейной жизни – нет, не было и не будет. Знаешь, Валька, порой думаю, зря женился на тебе. Столько хороших девок вокруг было, а угораздило в тебя влюбиться – маленькую и плюгавенькую. Мимо пройдешь и не заметишь. И что хорошего в тебе нашел – не понимаю... Хотел семью и детишек, а получил швейную фабрику. С утра и до ночи машинка тархтит, и вся квартира в склад готовой и неготовой продукции превратилась. Вот тебе и любовь, и дружная семья, и куча ребятишек...

Он вздохнул.

– И я думала, что выйду замуж. И у нас будет все, что душе угодно. Как сыр в масле станем кататься, как ты обещал, но все осталось на словах. Ни денег, ни масла с сыром – ничего! Зато у тебя есть брат – дурачок, из-за которого даже детей заводить опасно. Ладно, буду думать своей счетной машинкой, которая вместо мозгов у меня, как ты говоришь, как мне дальше жить, – сказала Валька. – А ты сиди у разбитого корыта и мечтай о семейной жизни...

Встречи и презентации, ужины в ресторане и на природе, но без него, поездки с товаром и без товара, и тоже без него. Один знакомый подвез, другой, а это старый друг, с кем тыщу лет не виделись. И снова друг, и опять друг... Геннадий давно стал подозревать неладное, но ругаться не хотелось. Ведь он же и сам не без греха. Жена в поездку, и он за порог. Но всегда возвращался. Думал, обойдется и она вернется. Все же семья, что ни говори, хоть и не было детей. Но в один прекрасный денек она подала на развод и на раздел квартиры и имущества. Прожили двадцать лет, а оглянись, и вспомнить нечего, кроме тряпок и нужных людей...

Геннадий Мурашов еще раз прислушался к осенней мороси, оторвался от стены и затрусил вдоль подъездов, стараясь не выходить на освещенные места. Матюгнулся, когда в темноте наступил в лужу. Ладно, не зачерпнул. Постоял на углу дома. Прислушался. Издалека донесся шум машины, а на проспекте заверещали сирены, но вскоре стихли. Видать, для острастки включили. Мол, мы стоим на посту. Геннадий затрусил в тени домов, не обращая внимания на лужи.

Он добрался до больничного городка. По тротуару, который был в тени, зашагал в сторону улицы Нефтяников (в округе никакой нефти, а улицу назвали), затем свернул возле Дворца культуры (какая уж культура в наше время, когда быстрее услышишь матерные слова в свой адрес, чем ласковые, а еще могли по роже врезать...). Свернул на Гагарина и зашлепал в сторону городской окраины...

«Занесло, где Макар телят не пас!» – матюгнулся Геннадий Мурашов. Они разменивали квартиру, кстати, которую он получал на предприятии, как и гараж. Квартира была шикарная. Улучшенная планировка, две лоджии, престижный район, да еще новенькая – такой проект впервые строился в городе. И ему дали квартиру в

этом доме. Как в лотерею выиграл, радовался он. Уже тогда за нее предлагали бешеные деньги. А сейчас цена на нее взлетела до небес. И эту квартиру пришлось разменивать. Как Валька сказала, мы вместе жили, значит, – это нажитое имущество, а будешь сопротивляться, я найду способы, как вообще оставить тебя нищим. И предложила ему перебраться на окраину города в обычную хрущевку, которую приобрела якобы для него с видом на водоем и лесной массив, а потом оказалось, купила квартиру за копейки у какого-то алкаша, в которой ни разу не делался ремонт, и Геннадия спровадила.

– Эй, мужик, ну-ка, стойте! – послышалось из темноты, когда Геннадий уже дошел до дома и радовался, что благополучно добрался, а тут аж сердце провалилось в штаны или еще пониже. – Слышь, чё, не понял, чё говорят? Тормози, пока тормозилки не сломали!

И навстречу ему от стены отделилась фигура в спортивном костюме и заматюкалась, когда нога в кроссовке попала в лужу. Приостановился. Дрыгнул ногой, как собаки стряхивают, опять ругнулся и, набычась, направился к нему.

У Геннадия ноги ослабли, когда увидел бандитского качка, как называли всех, кто коротко стригся и носил спортивные костюмы. «Все, сейчас будут метелить», – промелькнуло в голове.

– Слышь, чё здесь ходишь? – зачёл качок, а за ним мелькнул еще один. – Чё те надо? Ты к кому пришел в наш район? Ты кого знаешь? Кто за тебя может слово замолвить?

«Вдвоем отметелят, что мало не покажется», – промелькнуло в голове.

– Я живу тут, – неожиданно фальцетом сказал Геннадий. – В последнем подъезде.

– Правда, свой мужик, – осветил зажигалкой и разочарованно сказал качок. – А чё шляешься по ночам? Наверное, к телкам ходил. Слышь, у вас, старперов, столетние телки? И скока за час башляете? Прикольнo с бабками-то?

И захохотал во весь двор, и было ему наплевать, что ночь на дворе и люди отдыхают.

Геннадий несмело улыбнулся.

– Слышь, Кузя, ну и чё, что свой, – от стены отклеился второй. – Давай, ему тырды ввалим для этой самой... как его... А, вспомнил... Для профилактики! Пару рачков пнем по ребрам, хоть согреемся. Холодрыга – жуть! Говорил же, надо было пива понабрать. Сейчас бы сосали его потихонечку, а ты – от пива будешь криво... И чё теперь? На трезвяк стойте – себя не уважать.

Он передернул плечами.

– Не тебе меня учить, чё я должен делать. У себя будешь правила устанавливать, – оттолкнул качок дружка. – А тут я решаю вопросы, кому и чё выписать – по роже настучать или ливер отбить. Слышь, мужик, дай закурить.

Геннадий мало курил, но всегда таскал с собой сигареты на всякий случай. Вот и сейчас такой случай представился. Он похлопал по карманам, вытащил помятую пачку «Примы» и протянул.

– На, закуривай, – обрадовался он, что попал на своего и его не станут «метелить». – Забирай.

– Ты чё, мужик? За кого меня держишь? Последнюю даже менты не забирают, – буркнул качок, вытащив помятую сигарету. – Держи. И вали отсюда, пока я добрый. И уже не обращай внимания на Мурашова, опять скрылся в тени.

Геннадий обрадовался, что обошлось без мордобития и, шлепая по лужам, заторопился в темный подъезд. На душе была радость, что не тронули, но в то же время стало обидно, что вот такая молодежь, вместо того, чтобы получать знания в школе, заниматься спортом и уважать старших, многие выбрали другую дорогу и уверенно по ней идут, не думая о последствиях. Обидно, что раньше молодые все же уважали

взрослых, а сейчас ни во что не ставят. Мир опрокинулся и разделился надвое, у одних жизнь пошла наперекосяк, а у других в гору. Он поднялся на второй этаж, звякнул ключом, открывая дверь, и лишь после того, как оказался дома, он вздохнул – добрался. Мой дом – моя крепость!

– Сволочи, – рыкнул он. – Сволочи и гады! Всех вас нужно расстрелять. Вот прямо так ставить к стенке и стрелять, пока ни одного бандита не останется. Повыбирался из щелей, тараканы проклятушие. Гадские сволочуги!

Он содрал мокрую куртку. Раскинул на вешалке, чтобы просушилась. Туда же забросил кепку. Скинул растоптанные ботинки. Ноги насквозь промокли. Пошевелил пальцами. Сунул ботинки на холодную батарею. Как бы успокаивал себя, что просохнут. Прошел в зал. На стул бросил свитер, штаны. Рядом носки на пол. Натянул трико и плюхнулся на продавленный диван. Правда, в гостях хорошо, а родной диван лучше!

Он сидел на диване. Свет не включал. Чуть сбоку горел фонарь за плачущим окном, по которому стекали струйки дождя, но этого было достаточно. Геннадий поднялся. Прошел на кухню. Поставил чайник. Ночь на дворе, а он собрался чай гонять. Замерз, словно цуцик, пока добрался. Вся одежда насквозь мокрая. Хоть чаем кишки прополоскать, чтобы согрелись. Правда, не с чем в последнее время. С работы уволили, а новую не найти. Приходилось случайными заработками перебиваться. Не разгнешься.

Конечно, можно было за продуктами – картошка, соленья, а повезет, так и мяса кусочек, съездить в деревню, куда уж с десяток лет, а то и поболее, носа не показывал. В деревне жил отец и больной брат, но из-за брата не хотелось появляться. С малых лет не заладились отношения с ним. Дурачок он – этим всё сказано. Геннадий школу закончил и смотался в город. Пока жил в деревне, хочешь или нет, но приходилось присматривать за братишкой, который по пятам за ним ходил. Сопли и слюни ему вытирать, но особенно бесил его преданный собачий взгляд. Уставится и глаз не оторвет, а у самого слюна на подбородке. Пока маленький был, как-то незаметно было, текут и текут, как у всех малышей, но чем взрослее становился, тем заметнее стало. Постоянно приоткрытый рот, в уголке слюна собирается и ползет по подбородку. Фу, противно! Друзья смеялись над Генкой. Мол, если брат дурачок, значит и ты без мозгов. И все в таком духе. Ваш Ванька дурак, а ты – полудурок. И хохочут! Геннадий дрался с ними. А они все равно смеялись. Геннадий братишку избегал, лишь бы за ним не увязался на улице, иначе покоя не будет от друзей. А тот словно приеванный, куда Геннадий, туда и Ванька приходил. Улыбается ему, радуется старшему брату. А Геннадий злился на него. Лупил исподтишка и обижался, если родители узнавали об этом, и ему доставалось по первое число. Отец сразу хватался за ремень или вожжи и лупцевал до крови. А мать плакала, мол, Ванечка – это же твой родной братик. Он и так Богом обижен, а ты еще бьешь его. Ванечку жалеть нужно. Сам подумай, как он останется в жизни один, если нас не будет? Он же пропадет. И плакала. А Геннадий злился и убегал...

И уехал в город после восьмилетки. Радовался, что вырвался на свободу. И молчал в училище, если расспрашивали про семью, всех называл, а про Ваньку что больной, ни словечка не говорил. Деревни хватило, где дружки обзывали его полудурком из-за братишки. И поэтому отмалчивался, если о нем спрашивали.

Домой приходилось ездить, пока учился. Хоть на полном довольствии, как говорили в училище, а денежки никому не помешают. И катался в деревню. Правда, приходилось помогать. Приедет, а Ванька стоит рядом, улыбается и радуется, что он приехал, и гладит его по плечу, а сам что-то пытается рассказать, да не получается. А Геннадий отдергивался. Неприятно смотреть на приоткрытый рот и слюну, что собиралась в уголке, а потом медленно сползала по подбородку.

И своей будущей жене не рассказывал про Ваньку. И все было хорошо, пока с

Валькой не приехал в деревню, чтобы познакомиться с родителями. Валентина руками и ногами замахала, когда увидела Ваньку. На дух не нужна такая родня. Ты хочешь, чтобы наши дети родились умственно отсталыми? Забудь, Геночка! Детей у нас не будет. И вообще, к твоей родне ездить не буду. И все, как отрезала!

Геннадий расстраивался, что у них не было детей. Все же наследники, но супруга была против. Не дай Бог, чтобы такой же Ванька появился в семье. Сам же не захочешь воспитывать. У них гены плохие, если дурачок родился. А значит, и у нас может появиться, как врачи объяснили. Не хочу, и все тут! Геннадий первые годы расстраивался, а потом привык. Может, и к лучшему, что детей не было.

Геннадий налил в бокал чай. Заварка старая. Так, чуточку подкрасила, и все на этом. Сунулся было в сахарницу, но вспомнил, сахар закончился. И конфеток нет. Хотя есть одна, он нашарил в шкафу. Обертка прилипла, что не отдерешь. А сладкого хотелось. Он долго скрябал по конфетке, сдирая обертку. А потом психанул. И так сойдет. Отгрыз половинку и зачмокал, катая ее во рту. Вкусотища какая!

Конечно, можно было бы съездить в деревню, в которой уж давненько не был. Глядишь, продуктами бы разжился. Но был в обиде на отца. Матери уж давно не было. Прислали телеграмму, что она болеет и просит, чтобы он приехал. А Геннадий махнул рукой. Мать всю жизнь болела. То одно мозжит, то другое болит, то там свербит... И все лечилась травками да настоями. И сейчас Геннадий думал, похандрит старуха, и опять будет бегать. А она возьми да помри. Не поверил, когда телеграмму прочитал. Едва успел на похороны. Уж ко двору вынесли, когда он появился. Сунул пакеты с продуктами старухам, сам остался. С мужиками покурил. С отцом поговорил. Правда, отец молчал. Всё на мать смотрел да Ваньку прижимал к себе. А тот, уж взрослый несмышлениш, не понимал, что произошло. Здоровый мужик, а ум словно у ребенка. Улыбка глуповатая на широком, словно блин, лице, слюна на подбородке, а взгляд мутный, и все старается его удержать на Геннадии. Обрадовался брату. А Геннадий делал вид, что не видит его. Потоптался возле гробика. Мать маленькая. Она и так была небольшой, а тут словно усохла. Личико с кулачок. Морщинки разгладились. Лишь возле глаз две виднеются. Того и гляди заплачет. Губы впавшие, нос восковый заострился. И платок по самые брови. Руки тонкие на груди и иконка в них. Казалось, плакать должен Геннадий. Головой биться и каяться, что забыл деревню и родителей – тоже. А он стоял, и было чувство, будто на чужие похороны попал, а не мать провожал в последний путь...

И после похорон, когда все сидели за столом и поминали, он выпил одну, затем другую рюмку, слушал, что говорили соседи, а за душу не брало, словно о чужом человеке шла речь. Он закрутил головой. Взял стакан. Налил. Выпил. Потом поднялся и вышел на крыльцо. Долго стоял и курил. Выходили мужики. Здоровались с ним, а он многих не помнил. Отец появился на крыльце. Закурил. А сам нет-нет, украдкой вытрет глаза, словно соринка попала. И взгляд в землю. Потом ушел. Ни слова не сказал сыну. Геннадий пожал плечами. Он не знал, о чем говорить. Да и нужны ли будут его слова – соболезнующую, сочувствующую, ты держись...

Уже после поминок, когда все разошлись, они остались втроем в доме. Отец сидел возле кровати матери. Взглянет на нее, проведет рукой по подушке, словно погладит, и молчит. Ванька шмыгал носом. Посмотрит на Геннадия и улыбается, а у самого слюна на подбородке. Радует, брат приехал. Он всему радовался в жизни. В этой жизни, в которой был. И не понимал, почему люди плачут. И готов был жалеть всех и делиться своей радостью с каждым, да не всякий подпускал его...

Геннадий не мог объяснить, почему его не тронула смерть матери. Наверное, рано оторвался от семьи и редко бывал в последние годы. Честно сказать, желания не было. Ладно, помочь по хозяйству. Но мать постоянно напоминала ему, с кем останется Ванька, если с ними что-нибудь случится. И это раздражало...

Он не остался на девять дней. Сослался на занятость. Работы много. План не-

подъемный, а выполнять придется. И уехал. Уехал, даже не поговорив с отцом, который до утра просидел возле кровати. Даже не поддержал его. Да о чем говорить, просто не посидел рядышком и не сказал, мол, ты держись, отец, все наладится. А уж про Ваньку и говорить нечего. Даже не взглянул, когда захлопнул калитку, а Иван навалился на забор, махал рукой и долго смотрел ему вслед. И не дождался, когда брат оглянется...

Геннадий давно оторвался от деревни, хотя родители хотели, чтобы он после учебы вернулся в родной дом. Многие его дружки возвращались. Поживут два-три года, хлебнут эту яркую городскую жизнь с ее разноцветными витринами, барами и ресторанами, с почти доступными девчонками, как им казалось, все испробуют на вкус, а потом манатки в сумку, и уезжают в родную деревню, которая находится за тридевять земель. Вернется, и нарадоваться не может. А Геннадий не мог понять этого. Ну, чему радоваться – непролазной грязи или горам навоза, который скопился, и его нужно вывозить, а может, сенокосу, на котором пластаешься, ни днем, ни ночью покоя нет, а потом его еще нужно в омет сложить, да не в один, зимы длинные, а животные пожрать горазды. Ну, в чем радость-то? Геннадий не понимал, а может, просто хотелось легкой и сладкой жизни...

Геннадий не отказывался, когда из деревни привозили картошку и всякие овощи на зиму. В основном, отец приезжал на колхозной машине. Разгрузят. Зайдут в дом, но батя старался не задерживаться, а Геннадий не удерживал. Редкий раз перекусят, чай попьют и батя заторопился в обратную дорогу. Там же мать одна осталась и Ванечка. За ним присмотр нужен. И уезжал... А бывало, Геннадий сам договаривался с машиной и по осени ездил за картошкой. А морозы ударяли, уже привозил гусей да уток, курей да половину свинки. Зима долгая, всё уйдет. И тоже никогда не задерживался. Занят. Это только кажется, что в городе жизнь легкая, а на деле наоборот. С утра и до ночи приходится пахать, как пчелке, чтобы нормально жилось. И подавался к выходу, но говорил, звоните, если что, я приеду...

Геннадий мотнул головой. Взглянул на темное окно. Прислушался. На улице моросит. Осенние дожди длинные. Как зарядят, и не остановятся. Отопление еще не скоро дадут. Он передернул плечами. Зябко! Отхлебнул из бокала. Чай остыл, а разогревать не хотелось. Что-то деревня вспомнилась. К чему бы это, а? Он нахмурился. После похорон матери всего лишь один раз съездил, и все на этом. Времени не было, да и желания – тоже. Отец молчком будет сидеть, а Ванька – этот убогий, глаз с него не сведет и будет лыбиться, а на подбородке слюна. Тьфу, аж чай расхотелось пить!

Геннадий чертыхнулся. Потом напрягся и сделал стойку, когда за окном раздался истошный крик. Наверное, он не один, кто прилип к окну, пытаясь в осенней ночной тьме рассмотреть, что происходит. Окраина города – это особый район, где по одну сторону дороги стоят жилые дома, а по другую тянутся старые выработки, больше смахивающие на болота, где летом вовсю квакают лягушки, не давая уснуть, а зимой покрываются льдом, но шагни, и провалишься. Опасное место! А за выработками тянулся густой лес, где легко можно заблудиться. И тонули на выработках, и терялись в лесу...

Да уж, город – это не деревня. В деревне, наверное, до сих пор в социализме живут и в ус не дуют. Плевали они на перестройку, на эти бизнесы и стрелки. У них своя жизнь. А Ваньке вообще наплевать, что вокруг него происходит. У него свой мир. И взгляд на этот мир тоже свой. Наверное, для него всё в розовом цвете, если с малых лет ходит и всем улыбается, а Геннадия увидит, ни на шаг не отстанет, словно хвостик за ним будет таскаться...

Геннадий чертыхнулся. Опять деревня, и снова Ванька перед ним. К чему бы это, а? Он закрутил головой. Зевнул. Потянулся. И завалился спать. Что караулить возле окна, если и так было понятно, что делается на улице. Телевизор включишь – то же самое. Криминальные разборки, воровство, грабеж и прочие похожие дела,

будто вся страна разделилась на два лагеря – одни грабят и убивают, других грабят и убивают. А где же оно – светлое будущее?

Геннадий закурился на продавленном диване.

– Уйди от меня, – забормотал он и отмахнулся. – Ванька, отстань, говорю! Что пристал, как банный лист? Пшел отсюда!

Дрыгнул ногой и проснулся от грохота табуретки, по которой попал ногой. Чертыхнулся, с недоумением осматривая комнату, а в глазах все еще был братишка, который обнимал его, в глазах радость, что брат приехал, а слюни текли по подбородку. И Геннадий невольно дернул плечом, словно хотел скинуть его руку. И непроизвольно смахнул. Плечо сухое, а чувство, будто Ванька рядом с ним стоит.

Чертыхнулся. Но в то же время закурились мысли, что делает батя. После смерти матери они почти не общались. Геннадий перестал ездить в деревню. Однажды по осени передал через знакомого, чтобы картошку привезли и мясо, если есть, но отец промолчал. Геннадий снова напомнил, и опять молчок. И он обиделся. Психанул, что все внимание Ваньке, а ему ничего, хотя батя наверняка знает, как сейчас тяжело живется в городе. Наверное, решил, смотался от нас, значит, сам пробивайся в жизни...

Когда Геннадий переехал на окраину, несколько дней бродил по пустой квартире, где на кухне стоял стол и старенький холодильник, в зале продавленный диван и маленький телевизор, а в спальне еще один диван и два стула на всю квартиру. Сравнил, что у них было, а что досталось ему. И впервые пожалел, что перебрался в город. Родители не раз говорили, что горечью полынной аукнется городская жизнь, а он смеялся. Разве сладкая жизнь может превратиться в горькую? Оказалось, может...

Отцу не стал жаловаться, что разошелся с женой. И что говорить, если перестал ездить в деревню. Может, знакомые передавали отцу, что они разбежались – Геннадий не знал, потому что сам не ездил, а новый адрес забыл сообщить отцу. Может, приезжал к нему, но там новые жильцы, которые не знали его адреса, а сноху не станет искать. Батя сразу говорил, что не нужно жениться. Не создана девка для семейной жизни. А Геннадий уперся. Люблю, и все тут! Аукнется любовь-то, буркнул отец. Как в воду смотрел. На пятый десяток перевалило, а у него ни семьи, ни детей, ничего. Эх, жизнь, горечь полынная!..

Геннадий поднялся. Взглянул на окно. На улице моросил дождь. Было слышно, как стучит по железке. Вздохнул. Поежился. Не любил осень. Зябко. Зашел на кухню. Громыхнул чайником. Заглянул в холодильник, хотя знал, там мышь повесилась. В ведре под раковиной немного картошки в ведре. На полу пара банок с огурцами – это соседка Нинка угостила. Хорошая баба. Через стенку живет. Она иной раз забегала в гости, когда ее благоверный уезжал в рейс. Дальнотойщик. Чем дальше умотает, тем больше заработок. Вот и катается по стране, редкий раз появляясь домой. И ему хорошо, никто плешь не проедает. Вроде женат, а в то же время жену видит реже, чем проституток на обочине дороги. И Нинке хорошо. И муж есть, и к соседу можно заглянуть на огонек, чтобы на его тощей груди поплакаться, как ей плохо и одиноко живется в наше суровое время, а если бы нашелся такой человек, кто согрел бы ее душу и тело, она бы вся отдалась без остатка и показала бы, на что способна. Вот уж Геннадию повезло с соседкой! Разве настоящий мужик может отказать, когда женщина хочет? Да ни в жисть!

В шкафчике два упаковки с рожками и одна с горохом. Немного осталось риса. Заварка в мешочке. Это он ходил на оптовую базу, что была неподалеку. Хотел на работу устроиться, да места не было. Зато повстречал знакомого. На заводе работали вместе. У них цех первым попал под сокращение. Вот и попал с должности мастера в грузчики. И этому был рад до без ума. И сейчас столкнулись, долго вспоминали прошлую жизнь – почти сказочную, как казалось, а под конец разговора, когда зна-

когого позвали фуру разгружать, он втихаря вынес полный пакет с развесным чаем – гостинчик. И сказал, чтобы заглядывал почаще. Может, еще что-нибудь обломится. И заторопился, на ходу надевая рукавицы.

Да, раньше бы этот чай даже не стал заваривать, даже нюхать не стал, а сейчас идет за высший сорт. Вскипятит чайник. Нальет в кружку, щепотку заварки туда и не больше, и сидит, смотрит, как чайники опускаются на дно, и вода начинает окрашиваться в светло-коричневый цвет. И запах, от которого раньше бы стошнило, а сейчас словно индийский со слонем заварил. Эх, жизнь, горечь полынная, когда же ты повернешься ко мне светлой стороной?..

А в деревне мать любила чай со слонем. И опять чертыхнулся. Невольно вспоминается деревня, родители, а вместе с ними Ванька. Любые мысли приводят к нему. О чем бы ни подумал, смотришь, снова Ванька перед глазами... Мать где-то доставала чай со слонем. Нарвет листья смородины, вишни, немного мяты и чуточку заварки. И такой запах, аж голова кругом идет. Пьешь, и напиток не можешь. А Ванька смотрит на тебя и улыбается – радуется старшему брату и все норовит погладить по плечу, а у самого слюна по подбородку. Тьфу, ты! Геннадий чертыхнулся. Не захочешь, а начнешь ругаться, вспоминая братишку. Вроде понимал, что больной он, что нужно жалеть и помогать, но себя пересилить не получалось...

Он отхлебывал жиденький чай, посматривая в окно. Унылый осенний вид на заросшую выработку, покрытую островками и водной растительностью. Геннадий, наконец, правильно сделал, что отцу не рассказал о разводе с Валькой и что переехал в другой район. Батя не хотел, чтобы сын женился на ней. Махнул рукой. Тебе мучиться, сынок. Это твоя жизнь, а какой она будет – неизвестно, но хорошей – это вряд ли...

Правда, твоя, батя. Как в воду смотрел. Ремнем нужно было лупцевать, на цепь сажать, да поздно было. Геннадий уже в то время жил своим умом. Вот и нажил головную боль. Почти полжизни прожил, можно сказать, на пятый десяток перевалило, а за душой ничего. Вот так счастье нашел – врагу не пожелаешь. Эх, жизнь!..

Ну, а послушал бы отца с матерью и что? Ну, женился бы на какой-нибудь другой девке или деревенскую взял, как многие делали. И что тогда? Неужто жил бы лучше? Ага, как же! Еще неизвестно, какой бы эта жена оказалась. Может, еще хуже, чем Валька. Валька лаской взяла, когда гуляли. По киношкам бегали, по кафешкам. Проводит, а она с бабкой жила. Постоят в подъезде, пообнимаются. Она чмокнет тебя, выскользнет и убежит. Растравит, хоть на стену лезь. А потом к себе позвала. Бабка к подружкам уехала. И остался с ночевкой. А утром, как честный человек, он просто обязан был жениться на ней. Но уже тогда Валька заявила, что ни дня не будет жить с его родителями. Что нужна своя квартира, потому что она будет заниматься шитьем, а для этого нужно... и долго перечисляла, что требовалось. Все сделал для нее, а в итоге оказался у разбитого корыта. А что было бы, женись на другой. Может, еще хлеще попалась. Так бы в оборот взяла, что не пикнул бы, без штанов бы оставила. А на деревенской жениться и там жить, чтобы грязь месить и в навозе копать? А тут еще Ванька под боком, который каждый день к ним приходил. Ему ничто не докажешь – дурачок. И неизвестно, как бы жена его приняла. Валька же сразу заявила, чтобы глаза ее не видели Ваньку. И другая бы тоже так сделала, а родители ему бы плешь проедали. И получается, что попал бы промеж двух огней. Да на хрена мне это нужно! И Геннадий с психу толкнул кружку с чаем...

Геннадий считал, что ничем не обязан братишке. Да, вроде понимает, что Ванька не виноват, что родился больным. Ведь у других тоже есть такие же дети и родители находят способ или выход, как с ними поступить, а его родичи наотрез отказывались, чтобы Ваньку отдать в интернат, когда им предлагали, а Геннадия вообще ремнем отлупил отец, когда он заикнулся об этом. Пока молодым был, обижался на родителей. А когда стал взрослым, эта обида переросла в неприязнь и равноду-

шие, что ли...

Геннадий ездил в деревню. Общался с матерью или с отцом, а Ваньку старался не замечать, что тот радуется его приезду и старается прислониться к нему или дотронуться, но Геннадий исподтишка отворачивался, словно его не видел. Не замечал его блуждающий взгляд, слюну на подбородке и постоянную, словно приклеенную, радостную улыбку, будто он радовался всему на свете, и своим обидчикам – тоже. Он сидел, куда-то постоянно смотрел поверх голов и улыбался, словно что-то видел за спинами людей, чего не мог заметить обычный человек. У Ваньки был свой мир, который для других был недоступен...

И снова Ванька перед глазами, когда ребяташки прибежали к ним и звали его на улицу. Не Генку звали, а убогого, хотя Ванька уже в то время был куда старше деревенских ребят. А они играли с ним и бегали по полю, гоня мяч, а Ванька торопился за ними, пинал мяч и промахивался, а ему кричали – «Эх, мазила!». И он смеялся. Булькающе, захлебываясь, смеялся над этим, а вместе с ним хохотали ребяташки, и Ванька снова пытался пнуть мячик. А дома всякий раз прислушивался, когда за окном раздавались голоса детей. И тут же начинал улыбаться, и что-то лопотал непонятное, тыкал пальцем в окно, по подбородку слюна, а в глазах была радость...

За окном рассвело. Бабье лето, а не видно. Небо в обложных облаках. Сеет и сеет морось. Редкий раз проглянет солнце, но тут же прячется. И опять застучало по стеклу. Погода плачет, что-то всплыло в голове. А кто сказал – не помнил. Правда, плачет. Струйки стекают по мутному нечищеному стеклу, словно слюна по Ванькиному подбородку. Тьфу ты, чертыхнулся Геннадий. Сразу настроение испортилось. Он зябко передернул плечами. Какое уж тут бабье лето, повсюду грязь непролазная и ночи чернее черного... Он невольно посмотрел в окно, вспоминая, как ночью добирался до дома. Нормальные люди по ночам не гуляют. Это время для всяких там жуликов и бандитов. Повезло, что на знакомого нарвался возле дома, а то бы могли не только отлупить, но и все забрать у него. Хотя и забирать нечего, но чувствуешь себя мерзопакостно, когда чужие руки начинают неторопливо, по-хозяйски, шарить в твоих карманах, как в своих собственных. Раньше жены искали заначки, а теперь всякие отморозки шарятся. Мерзко стало на душе, словно в рожу плюнули. Эх, жизнь-жизня, глаза бы не смотрели!..

Геннадий наскоро собрался. Морось за окном. Куртку взял, а она еще не просохла после ночи. Старую сдернул. И такая пойдет. Ноги ткнул в стоптанные туфли. Сейчас решил пройтись по магазинам, поспросить какую-нибудь работу.

Геннадий спустился по лестнице. Постоял возле оторванной двери. Выработку затянуло пеленой тумана и мелкого дождя. Казалось, сейчас со стороны туманных выработок донесется долгий страшный вой собаки, и словно к Конан Дойлю попадешь про собаку Баскервилей. Геннадий невольно передернул плечами. Нужно было идти. Уж сколько времени ищет работу, и не получается. Городок с ладошку, и найти работу сложно. Уволился, а теперь пожалел. Сколько времени ищет новую работу, и бесполезно. А вернуться в деревню не позволяла гордость, что ли, и желания не было, честно сказать...

И сейчас стоял в подъезде и не знал, куда направиться. В который уж раз обошел город вдоль и поперек, надеясь устроиться на работу. Но работы не было. Никакой. Правда, толпы за забором стоят, и каждый пытается доказать, что он умнее остальных, а что касается работы – это он на все руки мастер. Ну и что, что работал грузчиком? Я могу слесарить или сварщику баллоны таскать, а еще знаю разные языки. Когда работал грузчиком, все надписи на ящиках и контейнерах прочитал. Даже без словаря знал, где и что находится. О, какой я умный! Вы знаете, сколько я всякого груза перетаскал за свою жизнь грузчика? О, вы не поверите! Меня работой не напугать. Я могу и мастером быть. Нет, начальником не потяну. Там много писанины, а я пишу с ошибками, зато читаю на всех языках... Но вы не подходите нам. И

выпроваживали. А следом следующий начинал соловьем заливаться, что без него предприятие точно остановится, если не возьмете на работу. Кем? Хотя кем, я на любую работу согласен, и даже по выходным. Оставьте свои координаты. Мы сообщим, если нам подойдете. И следом уже опять следующий в окошечко заглядывает. А вы знаете, как я умею? И так изо дня в день, неделями, месяцами и уже годами...

Геннадий долго бродил по городу. Заходил в магазины. Грелся. Заодно спрашивал, есть ли какая-нибудь работа? Ну, хоть копеечная. Можно и бартером. Но бесполезно. И Геннадий шагал дальше...

Геннадий чертыхнулся. Опять про Ваньку вспомнил. Ему рассказывали, когда матери не стало, Ванька к отцу привязался. Словно хвостик за ним повсюду ходил. Куда батя, туда и он. Чуть ли не в уборную провожал. Ругай-не ругай – бесполезно. Смотрит и улыбается, и старается коснуться тебя или прижаться, а у самого слюни текут. Тьфу ты, не удержался Геннадий. Здесь и так тошно, а тут еще Ванька в бошку лезет. Тьфу ты!

– Геша, что плюешься? – возле него раздался голос. – Идет, глаза в землю и никого не замечает. Здоров был, босота!

Весь в фирме перед ним стоял мужик, темные очки на лбу, короткая стрижка, на пальцах два золотых болта, на бычьей шее почти такая же золотая цепь, а в руке барсетка, которую старательно прижимал к себе.

– О, какие люди и с охраной, – Геннадий увидел старого знакомого, с кем когда-то работал на заводе, а потом тот в бизнес подался. Процветает. Джип стоит, а подле него два амбала в темных очках наблюдают за ними, того и гляди за пушки схватятся. – Здорово, Петруха! А ты какими судьбами да еще в этих краях? Здесь окромя нищеты никто не живет. Вижу, крутая машина, да еще два мордоворота стоят. Того и гляди, кинутся. А ночью они возле кровати вас с женой охраняют, пока вы шурымуры, или все же за дверью стоят?

Он кивнул на них и засмеялся.

– Кинутся, если «Фас!» скажу. Они послушные. Любого порвут. И еще, Гендос... Я уже давно не Петруха, – нахмурился знакомый. – Это ты, как был Гешей по жизни, им же и останешься, а меня кличут Петром Василичем. Чувешь разницу, босота? Что бродишь? Ищешь, что своровать? Не беспокойся, все, что можно было и нельзя, уже без тебя сперли.

– Гляди, как высоко поднялся, – мотнул головой Геннадий. – Туалетной бумагой торговал и разбавленным стиральным порошком, а сейчас взлетел до небес. Умеют же некоторые... – он завздыхал. – А я работу ищу. С заводы выперли и не посмотрели на мои заслуги. Сам знаешь, сколько для них сделал. Ничего не помогло. В один день выкинули и тут же забыли. Обидно, Петрух... Петр Василич. С той поры случайными заработками с копейки на копейку перебиваюсь.

– А что в бизнес не пошел? – вздернул брови знакомый, а рожа сытая и холеная. – Сейчас столько возможности, только лентяй в бизнес не идет. Слышал, твоя жена неплохо делами заправляет. Одни попытались сломать ее, и не получилось. Крутой характер у нее! Ей бы мужиком родиться, вообще бы город под себя подмяла. И ты бы занялся делами, а она бы помогла подняться. Сам знаешь, я тоже на пустом месте начинал, а сейчас целая сеть магазинов подо мной, да ткацкую фабрику по дешевке прикупил. Почти задарма взял. За одним челом должок числился. Вот в счет долга отдал. И ты бы попытался...

– Не по мне этот бизнес, – завздыхал Геннадий. – Пробовал. Мешочки политические продали. Две машины. Тазики и детские горшки загнали. Белизну толкнули. Но все это копейки, как ты знаешь. А тут один предложил целый состав топлива продать. Даже показал его на путях. Говорит, копеечку накрутим, а в конце такие миллионы получатся, что будем лежать на личных островах, а местные аборигенки будут

нам кокосы с пальм доставать, а по вечерам на берегу океана пляски устраивать. Ну, и сунулся... Так залез, чуть голышом не остался и даже без головы. Такую неустойку повесили, хоть в петлю головой. Ладно, жена помогла. На всякий случай переписал квартиру на нее, чтобы другим не досталась. Отстали от меня. Кстати, я с женой разошелся. У нее свои дела, а я – не пришей кобыле хвост. Как жена сказала, балласт в жизни. Наверное, правда. Кстати, у тебя, Петр Василич, есть работа? Я на любую согласен. Могу сторожем пойти в твой магазин. Жрать нечего. За квартиру не плачу. Скоро жена выкинет меня. Есть, Петр Василич?

Он взглянул на знакомого и замолчал.

– Разбежались... А Валька ничего с виду и деловая, – так, словно не слыша, сказал знакомый. – Расцвела, как в бизнес ушла. Прямо вся такая из себя, аж мужики оглядываются. Заеду к ней. Есть одно дельце. Не знаю, куда фабрику приспособить, какую задарма забрал. Может, сговоримся. Что говоришь? Работа нужна? Ну, брателло, в наше время работа – это роскошь. Сейчас люди бухают по-черному. Все пьют, а ты бутылки за ними собирай. За день можно вагон и маленькую тележку собрать. Говорят, один миллионером стал. Глядишь, и ты будешь. Ладно, мне пора. Забегай, если что... – он зашагал к машине, потом оглянулся. – Считай, повезло тебе с составом горючего. А мог бы без башки остаться. Бизнес не для тебя – это точно. Бутылки собирай, как другие делают. На вот, помогу по старой дружбе...

Он покопался в карманах, вытащил из кожаного кошелька тугую пачку долларов, покрутил ее и обратно сунул, зато достал несколько мелких российских купюр и немного мелочи. Сунул в руку Геннадия и, уже не оглядываясь, уселся в машину, охрана возле него, и они умчались...

Геннадий с недоумением посмотрел на ладонь, где лежало немного денег, мотнул головой – как он мог подумать такое, я же не нищий. Размахнулся, и хотел было бросить вслед знакомому деньги, но так и застыл с поднятой рукой, покрутил головой, никто не заметил, как ему сунули деньгами, словно нищему на паперти, и спрятал в карман.

– Словно в морду плюнул, – буркнул Геннадий. – Опустился ниже некуда. Ладно, трусь...

Потоптался, думая, куда направиться и пошел в сторону хлебного магазина.

Мимо промчались пацаны. Один приостановился, с земли поднял окуроч, осмотрел, прикурил, несколько быстрых затяжек, и бросил. Закашлялся. Поддержнул помятые штаны и зашлепал вслед за друзьями, которые столпились возле торговых палаток посреди площади и что-то рассматривали, а потом кинулись врассыпную.

– Сволочи, отдайте! – вслед за ними кинулся продавец, но в этот момент еще двое подскочили к товару, что-то схватили и помчались прочь. – Ах, вы, гаденыши! Да чтобы вы сдохли, сволочуги! Да чтобы у вас...

Геннадий купил булку хлеба. Прошелся по магазину. Притормозил возле колбасного отдела. Всякая колбаса! Раньше о такой не слышали, а сейчас бери – не хочу. Так и манит, чтобы ее купили, но, будь при деньгах, Геннадий бы еще подумал, брать или нет. Нынешняя самая лучшая колбаса куда хуже советской самой дешевой. Зато сейчас много всего. Полки ломаются, и глаза разбегаются от ярких этикеток. И на лоб вылезают при виде ценников...

– Растуды твою в качель, – ругнулся Геннадий, подошел к выходу и остановился, зябко поводя плечами. Опять морось полетела. Вот тебе и бабье лето. Глядя на мерзкую слякотную погоду, скажешь, что это недержание столетней старухи, а не краса бабьего лета.

Он поднял воротник. Хлеб в пакет. Руки в карманы куртки. Кепка на глаза и взгляд в землю. Пошлепал домой. Геннадий задрал голову. Кар-р! Над ним кружились вороны. И шлепок на лицо. Геннадий махнул ладонью и не удержался. Заматерился на всю улицу.

– Господи, даже здесь ты наказал меня! – рявкнул он. – Ну что я сделал плохого, если даже вороны обосрали меня?

Боженька молчал. Зато вороны продолжали кружиться над головой. И прохожие, услышав, как ругался Геннадий, заметив, он вытирал лицо, опасливо заторопились мимо, поглядывая вверх, как бы тоже не получить вороной подарок...

– Генка, здоров был! – от ларька с пивом отделился худой испитый мужик в потрепанных штанах и пиджачке, несмотря на холодную морось. – Слышь, друг, не в службу, а в дружбу, займи на пару кружек. Шланги горят, спасу нет. Сдохну ведь...

И словно преданная собачонка посмотрел на него.

– Ты с дуба рухнул, сосед? – не останавливаясь, сказал Геннадий. – Ты еще с советских времен должен мне и до сих пор отдаешь. Нет у меня. Отвали!

– Ну, дай, Геша, – заканючил мужик. – Когда я сидел в кабинете, всем давал и тебе – тоже, а выгнали, и никому не нужен. Сволочи!

Геннадий прошел мимо него. И правда, сидел в кабинете, подписывал бумаги, а потом попался на воровстве. На копейку спер, но выгнали сразу. И даже уголовное дело завели. Жена тут же разошлась с ним, квартиру оттяпала – не пропадать же добру, если конфискуют. И умотала из города, а ему задрипанную однушку на окраине оставила. Пусть отбирают – не жалко. И растворилась на бескрайних просторах нашей родины. А соседа таскали-таскали, припаяли условный срок и отпустили. Обрадовался сосед, что не посадили. Загулял от радости. И до сих пор остановиться не может...

Опять мысли о деревне. Геннадий завздыхал. Если бы в деревню ездил, все равно было бы полегче, тем более сейчас. Мешок картошки всегда бы привез. Соленья-варенья, овощи, а под зиму кусок мяса и сало шмат, а что ему еще нужно – ничего, но гордость, сволочь такая, покоя не давала. И обида осталась, что Ванька при матери был на первом месте, а теперь вообще стал главным. Но ведь он тоже сын и брат! Он тоже родная кровь. Но про него забыли или думали, что он и сам может всего добиться в жизни. И Геннадию было обидно. Многого не прошу, а всего лишь капельку родительского внимания, но его не было. Уж сколько лет прошло с той поры, как перестал ездить, а все равно было неприятно...

Он помнил, когда в городе уже всю стали перестраиваться, он в это время ездил в деревню. С неохотой ехал, через не хочу, и глаза бы не смотрели на деревенскую жизнь, представляя, что сейчас там творится с новыми веяниями. Наверное, потомки кулаков головы подняли, откопали припрятанные обрезы и принялись отбирать у народа отобранное кулацкое добро. Ведь должны были вернуться к старому. У кого что было, то и можно вернуть и распорядиться этим, потому что ты прямой наследник и хозяин всего, что было у твоих предков. А Геннадий приехал в деревню и глазам не поверил. Как жили, так и живут, словно эта новая жизнь мимо них проскочила и забыла заглянуть в деревню. На работу ходят, хлеб сеют и убирают, сено заготавливают и все делают, чем обычно занимались. И ни одного крикуна на трибуне, ни одного потомка бывших кулаков или подобных им. Мир разделился на две половины. В одной стремятся к непонятной свободе и яркой жизни, а другая живет по-старому.

– Батя, а что вы не перестраиваетесь? – сказал Геннадий, когда они после бани уселись отдышаться на крылечке. – Ты же говорил, будто нашего деда в ссылку угнали, что землями владел – мама не горюй, и мельница была, и рыбозавод и маслобойка и еще много всякого добра... Ты же богатеи! Что не пользуешься своим добром?

– Бренчать языками все горазды. По телевизору с утра и до вечера одна мольба языками идет, и никакого толку. Стоят и рассуждают, в какую сторону нужно двигаться, а самих не заставишь работать, – буркнул отец. – А на земле-матушке нужно работать от зари и до зари. Богат тот, кто душу в землю вкладывает, а не тот,

кто горазд языками бренчать. А мы разучились ценить землю. И в деревне болтунов хватает, которые готовы хоть сегодня нарезать землю, а что с ней будут делать, и сами не знают. Главное – хапнуть, а там трава не расти. Эх, люди-людишки!..

Он махнул рукой и замолчал.

И Геннадий молчал. Может, батя и прав, что люди перестали ценить землю. И за примером далеко не нужно ходить. Он же сбежал из деревни, потому что не хотел ковыряться в земле, а захотелось яркой и сладкой жизни. Да, что ни говори, а жизнь была яркой. И свобода была. А сейчас остался у разбитого корыта и что делать – не знал. Эх, жизнь – горечь полынная!..

Мимо промчалась машина. Окатила его из лужи. Специально прижалась к тротуару и газанула. Дыхание перехватило, словно под холодный душ попал. И матюги на всю улицу и кулаком помахал, когда машина скрылась за поворотом.

– Вот и меня так, когда в магазин отправился, – проскрипел старичок и заторопился, пытаясь пристроиться рядышком с ним. – Никакой совести не осталось. Раньше попробуй старикам слово сказать, можно было по шее получить, а сейчас старище стало лишним. Меня окатили водой и ржут, сволочи. А ведь у каждого есть родители. А если их окатят? Об этом не думают. Эх, скотские времена – горечь полынная...

Сказал и отстал, что-то продолжая ворчать под нос.

А что Геннадию ответить? Каждый на себе испытал эту жизнь, да не каждому по вкусу пришлась. И обратно не вернешь. Поздно.

Геннадий добрался до дома. Во дворе никого не видно. Над старой выработкой кружат вороны. Всполошились. Разорались. Видать, что-то напугало птиц. И они умчались.

Геннадий зашел в подъезд. Остановился. Постоял возле сломанной двери. Прислушался. Откуда-то доносились голоса. У кого-то был включен телевизор. Пахнуло жареной картошкой. У него заурчало в животе. Громко сглотнул. Хотелось есть. С утра маковой росинки не было, если не считать, что по дороге исподтишка, чтобы не заметили прохожие, он отщипывал кусочки от горбушки и потихонечку жевал. Вот и вся еда за весь день. И опять громко уркнуло от запаха картошки.

Геннадий затопал по ступеням. Матюгнулся, вытряхнув из почтового ящика всякие газетенки, как лечить, что лечить, как после уринотерапии начинается вторая молодость, а уж после курса приема собственного кала вообще можно стать бессмертным. Гадалки, целители, ясновидящие, экстрасенсы помогут избавиться от всех болезней, а от денег – это в первую очередь. Он чертыхнулся. Бросил газетенки на подоконник. Зашел в квартиру и громыхнул дверью. Содрал влажную куртку. Набросил на дверь. Пусть сохнет. Кепку на вешалку. Мокрые ботинки скинул и зябко повел плечами. Прошлепал в зал и плюхнулся на диван. Устал...

Не успел отдышаться, заторопился на кухню. Вспомнил запах картошки, и кишка кишке принялась протоколы сочинять. Сунулся в ведро. Есть картошка, но мало. А масла нет. Никакого. Завздыхал. А жрать-то хочется. Несколько небольших картошек помыл. Чистить не стал. В мундирах решил сварганить. Экономнее. Тем более есть огурцы, какие соседка приносила. Сейчас сварится картошка. На половинки ее, да с огурчиком, а еще лук четвертинками и с солью – у, какая вкуснятина!

И заторопился. Все приготовил. Картошку не стал доваривать. И с сыринкой пойдет. Так даже вкуснее и полезнее. Уселся за стол. Причмокнул, оглядывая его. В бокале чай горячий. В тарелке картошка нарезанная, рядом кругляши огурцов. Запах лука свербит нос. Ломти хлеба. И полная солонка соли. У, шикарно! И принялся хватать все подряд и есть, есть и есть...

Уже после ужина, прихватив бокал с чаем, он включил телевизор и уселся на диван, слушая новости. И не допил чай, когда в дверь торопливо застучали.

– Кого принесла нелегкая? – буркнул он, хотя по стуку узнал соседку Нинку, но сегодня у него никакого желания не было утешать ее на своей тощей груди. – Почти ночь на дворе, а она приперлась.

Он буркнул. Поставил бокал на стол и зашлепал к двери.

– Что ломишься? – хмуро сказал он, увидев перед собой низенькую полнова-
тую рыжую соседку в ярком цветастом халате. – Я уж спать собрался. Устал нынче.
Никакой силы не осталось. Хоть самого, а тут ты примчалась...

И нарочито протяжно зевнул.

– Где шлялся весь день? – не обращая внимания на его будто бы сонное лицо,
сказала соседка, оттолкнула его, прошла в зал и остановилась, уперев руки в бока.
– Я уж весь кулак отдолбила о твою дверь. Думала, или его сломаю, или дверь вы-
сажу. Нечем заняться, что по городу носишься?

И вздернула тонкие бровки.

– Тебя мужик кормит, а мне приходится самому зарабатывать. Что пришла,
спрашиваю? – буркнул Геннадий и снова зевнул: разморило в тепле. – Работу искал,
а ты – мотался. Весь город объездил, во всех конторах был, и нигде не берут. Своих
некуда девать, как говорят. Может, правда, бутылки собирать, как один знакомый
посоветовал? Говорит, даже миллионером можно стать. Врет, наверное...

– Да погодь с бутылками, – отмахнулась Нинка и достала из кармана сложен-
ный листок. – Телеграмму принесли, а тебя Митькой звали. Ты, Ген, извини, но я про-
читала ее. На, смотри...

Нинка сунула ему развернутую телеграмму.

«Отцом плохо. Срочно приезжай. Тетя Фая».

Геннадий нахмурился. Что с батей случилось, если велят срочно приехать? За-
болел, что ли... Сколько лет ни слуху, ни духу, а тут и адрес нашли, и телеграмму от-
били. Если бы помер, так бы и написали, а то – плохо. И что это значит? Примчусь
туда, а он жив-здоров, как уже бывало. Полежит, оклемается и снова занимается де-
лами. А тебя сорвали с места. Правда, сейчас не с чего срывать. Работы нет, семьи
нет, ничего – нет, а есть всего лишь головная боль.

– Что молчишь, Генка? – ткнула в бок соседка. – Ехать нужно, а ты застыл аки
столб и ни словечка не проронил. Что там могло случиться, а?

И уставилась на него круглыми совиными глазами.

– Откуда я знаю? – пожал худыми плечами Геннадий. – Может, опять спина
покоя не дает. Всю жизнь мучается с ней. Сорвал в молодости, с той поры болит. Не
знаю, Нин... Нужны деньги на поездку, а где мне взять? Они бы тоже думали бош-
ками, присылая такие телеграммы. Приезжай, и все тут! Даже не знаю, как быть...

Он снова пожал плечами.

– А ты давно в деревне был? – не унималась Нинка. – Вроде постоянно дома.
Я бы заметила. Особенно, когда мой благоверный в отъезде.

Повела плечиком и словно невзначай прижалась к Геннадию, а потом засмея-
лась.

– Как сказать, когда был... – задумался Геннадий и пожал плечами. – Даже не
вспомню, Нин. Давно. Мать схоронили в восьмидесятых. Потом еще разок съездил,
когда новая жизнь началась, и все на этом. С той поры глаз не казал. И с батей на-
чалась напряженка, а тут еще моя Валька на развод подала, когда занялась бизне-
сом. Квартиру разделили. Я переехал, а адрес забыл сказать. Откуда они взяли адрес?

Он замолчал. Нахмурился. Взгляд в землю и молчок.

– Через паспортный стол или адресное бюро, а может, какой-нибудь знакомый
сказал, где живешь, – сказала Нинка. – Городок маленький. Все друг друга знают. Что
будешь делать, Ген? Я бы поехала на твоём месте. И отца бы проведала, и посмот-
рела бы, как в деревне живется...

Соседка неопределенно покрутила в воздухе рукой.

Геннадий долго молчал. Думал. Деревню вспоминал и отца с младшим братом. Хотел было подсчитать, сколько лет не был в деревне, и не получилось. Забыл. Забыл точную дату, когда мать снесли на мазарки. Даже приблизительно не получалось. А за этот срок много воды утекло. И что будет ждать его в деревне – он не знал...

– Знаешь, Нинка, я, наверное, поеду, – задумавшись, сказал Геннадий. – Поеду, если найду деньги.

Он закрутил головой, осматривая пустую квартиру, словно решал, что бы продать.

– А много нужно? – заторопилась Нинка. – У меня есть немного. Могу дать. Потом вернешь, если сможешь. И мазь для спины дам. Хорошая, импортная! Разок намажешь, словно заново родился. Отвезешь отцу. Ехать тебе нужно, Ген. А может, у своей бывшей спросишь? Как ее... Валька, что ли?.. Ты вернешься оттуда?

– Честно сказать, не знаю, что произошло там, – помолчав, сказал Геннадий. – Адрес оставлю. Ключи от квартиры есть у тебя. Хорошая ты, баба, Нинка! Жаль, мужик есть...

– Ты к бывшей сходи, – опять сказала соседка. – Глядишь, поможет...

Геннадий вскинулся. А правда, если у Вальки спросить? Все же была женой. И не один год вместе прожили. Ей все досталось, когда разбежались. Может, сейчас может, все же бизнесменша. Правда, что, нужно к ней сходить.

– Уже темно, – сказал Геннадий и взглянул на окно, за которым сгущались вечерние сумерки. – А бежать почти до центра. Она живет там. Наверное, схожу. Больше ни у кого не найти.

– Правильно, Геночка, – закивала головой Нинка. – А вернешься, стукни мне. Я зачачку принесу. Тебе нужнее.

И соседка ушла.

Геннадий заторопился. Нечего время терять. Пока туда доберется. Пока с бывшей поговорит. Хорошо, если даст деньги. А нет, хоть пешкой шагай. С отцом что-то случилось, а ехать не на что. Он поднялся с дивана и заторопился в прихожку...

Домой вернулся, когда на улице было темно. Всю дорогу радовался, что Валька не стала ругаться. Полезла в шкаф и положила перед ним тонкую пачечку крупных банкнот.

– Этого хватит на лечение или похороны, – сказала она и помахала документом. – Не забывай, квартира на мне. Живи, сколько проживешь. А сейчас уходи. Не когда мне.

И выставила его. Но Геннадий успел заметить в прихожей мужские ботинки. Новенькие и дорогие, видать. Наверное, новый мужик. И как-то равнодушно мелькнуло. Не задело его, что Валька завела себе мужика. А может, он и раньше был, только Геннадий не знал. Ничего не скажешь – это жизнь. Хоть она и бизнесменша, как говорится, в то же время она – женщина. Ведь и он же не безгрешен. Вон, по-соседски Нинка забегает и не один раз, пока ее мужик в рейсе. И другие бывали, и ничего. Ну и пусть живет. Геннадий махнул рукой. Главное, что дала деньги. Он радовался, но в то же время опасался, пока доберется до дома, его остановят местные пацаны. А они не станут расспрашивать, для чего деньги. Заберут и еще по шее настучат. И поэтому он торопился, произвольно оглядываясь на каждый шум или окрик...

Уже на следующий день ранним утром Геннадий трясся в рейсовом автобусе с сумкой, где лежали гостинцы – пара банок импортного компота с экзотическими фруктами, кулек с конфетами, парочка пачек печенья, чудодейственная мазь для спины и сверток с пирожками – это Нинка успела приготовить ему в дорогу. Хорошая баба. Жаль, другому досталась. Эх, жизнь!..

В автобусе мало пассажиров. Может, посреди рабочей недели отправился в дорогу, а может, просто люди стали реже ездить. И сейчас на первых сиденьях расположились две старухи с корзинами и сумками. Из деревень одно везут, из города

другое. Так и курсируют, пока здоровье позволяет. Уселись, клушки, обняли корзины, словно сопрут в закрытом автобусе и громко рассказывают, как сторговались, что купили. И было видно, довольны. Ну и ладно. Всем нужно жить, а старухам тем более, ведь на пенсию не разбежишься. Рядом с ними поодиночке сидят две женщины. Одна дремлет. Укуталась в плащ, нос уткнула в воротник и дремлет. А другая как повернулась к окну и взгляд не оторвет. Может, соскучилась по здешним местам, а может, не хочет ни с кем общаться. Перед Геннадием мужик расположился. Запах перегара доносится. Снял фуражку. Лысина вполголовы. Как раз фуражкой закрывал, а сейчас скинул, лицо загорелое, а лысина аж с синевой. Смешно. На последних сиденьях молодежь устроилась. Вроде учеба идет, а они в деревню едут. Может, помощь колхозу, как раньше было? Хотя какие сегодня колхозы, если все рассыпалось в пух и прах. Геннадий не стал голову ломать, куда они едут. Отвернулся к окну, сумка на коленях, прислонился к стеклу, кепку на глаза, куртку поплотнее запахнул и задремал...

– Сынок, помоги, – донесся голос отца. – Вот доски привез. С Ванечкой загрузили, а ты уж по дому помоги. Одна надёжка на тебя. Лесник дал. Говорит, бери и все. В хозяйстве пригодится. Я беру доски, а они легонькие, словно пушинка. Сразу видно, долго вылеживались. Потрогал, а они теплые. И сосновый запах, который люблю. И мать радуется, что доски припасены. Пусть немного досточек, но для меня хватит. Очень уж хороши! Кум Наум сказал, что непременно в дело пустит. А ты знаешь, какой он мастер. Сынок, слышь меня?..

Геннадий вскинулся. Замотал головой. С недоумением осмотрелся. Бабки продолжали бесконечные дорожные разговоры. Два мужика скооперировались и исподтишка потягивают бормотуху из бутылки. И молодежь в конце автобуса хохочет. А у него отец перед глазами, и до сих пор в ушах его голос...

Он мотнул головой. Взгляд за окно. Подъезжаем. Взглянул на старенькие часы. Правда, вроде только задремал, а уже деревня виднеется. Он прислонился к окну. Лес в разноцветье, а опушка пожухлая – коричневой отдает. Птицы кружат над лесом. В стаи собираются. Скоро отправятся в долгую дорогу. И плачут с небес, прощаются.

Автобус заскрипел рессорами и остановился. Геннадий подхватил сумку, спустился по ступеням и отошел. Вслед за ним вышла женщина, что тоже дремала всю дорогу, а может, не хотела ни с кем общаться. Она медленно осмотрелась, словно не узнала здешние места. Нахмурилась.

– Скажите, а куда делась деревня Ивановка? – сказала она и неопределенно обвела рукой оком. – Она тут стояла, а сейчас...

И снова взгляд по сторонам.

– Была такая Ивановка, да исчезла, – буркнул Геннадий. – Одно лишь кладбище осталось от нее. Вон виднеется в березовом колке! Это всё, что осталось от деревни..

И Геннадий махнул в сторону пологого холма, на котором виднелась березовая рощица.

– Не успела, – не сказала, а выдохнула женщина, и взгляд не отрывает от березового колка. – Всю жизнь откладывала на «Потом», а оказалось, что поздно спохватилась.

– У нас всегда так. Думаем, что выберем время и наведаемся, а оказывается, что поздно собрались. Время ушло. Вот и я приехал и не знаю, что меня ждет... А к кому вы приехали? — не удержался, сказал Геннадий. – Вы здешняя?

– Всё времени не было, чтобы родителей проведать, а теперь... – она снова оглянулась и, не обращая внимания на Геннадия, напрямую направилась к березовому колку.

– Вот и я много лет собирался к отцу. Думал, еще успею. А сейчас стою и не знаю, что думать, – сказал вслед Геннадий и повторил. – Не знаю...

– Слишком поздно вспоминаем о них, а потом плачем... – донеслось издалека.

То ли женщина ответила, то ли ветер шепнул...

Геннадий шагал по обочине, с любопытством посматривал по сторонам. Сколько лет не был в деревне. Изменилась. А что – не мог понять, а потом дошло, что не слышит работу тракторов, и машины редкий раз проезжают по деревне. Одна при тормозила. Шофер выглянул, пристально посмотрел на него, но не стал останавливаться, а газанул и умчался, гроыхая разболтанными бортами.

Кинулась собачонка под ноги. Залилась лаем, того и гляди цапнет, но отскочила, когда донесся чей-то окрик, закурила лохматой башкой, решая, куда податься, а потом потрусилась вдоль домов по своим собачьим делам.

На улице никого не видно, если не считать деда, который сидел на лавке возле дома в теплом зимнем пальто и шапке, надвинутой на глаза, и дремал, пригревшись на солнце. Мимо прошмыгнула кошка. Серая и полосатая, она почти сливалась с землей и гравием. Притаилась, заметив стайку воробьев, но те – хитрецы, почуяли ее и фыркнули в разные стороны. Поймай-ка нас! Кошка разочарованно пошла к сеновалу. Там мыши, которые днем и ночью покоя не дают – шуршат и шуршат...

Геннадий не утерпел и остановился возле большого киоска, которого раньше не было. Магазин, а рядом этот киоск, возле которого толпились в основном мужики. Геннадий зашел в магазин. Остановился в дверях, оглядывая полки, на которых почти ничего не было. И раньше не разгуляешься, но хоть что-то было. Хлеб, к примеру, сахар и соль, спички и курево. Да много всего было, если перечислять. Даже спиртное было, но на время посевной и уборочной его не продавали. Запрет был. А сейчас взглянул на полки и мотнул головой, даже малой части не осталось ль прошлой жизни. Продавщица с любопытством взглянула на него. Видать, новенькая. Хотела было что-то спросить, да поленилась. Навалилась на руку и прикрыла глаза. Можно и подремать, все равно никто не заходит...

– А почему полки пустые? – Геннадий обвел рукой магазин. – Зайди в любой магазин и глаза разбегаются. А тут...

Он пожал плечами.

– Это не ко мне, а к начальству, – протяжно зевнула продавщица и с любопытством взглянула на него. – А вы проверяющий, что ли?

– Нет, бывший проживающий, а теперь приехал в гости, – сказал Геннадий. – Помню, даже в старые времена здесь был товар, а сейчас хоть шаром покати...

– Если не с проверкой, тогда нечего и спрашивать, – буркнула продавщица, напрочь утрачивая интерес к нему. – Вон, идите в киоск и покупайте. Это жинка нашего директора держит. А нас скоро закроют, как сказали. Выручки никакой. Одни убытки. Зато его жинка развернулась, сволочуга!

И принялась лаяться, рассказывая все торговые сплетни.

Геннадий не стал слушать и вышел. Правда, процвечают, взглянул на киоск, возле которого толпится народ. Одни хлеб покупают, другие за мелочевкой пришли, а мужики торопятся похмелиться – шланги горят. Огонь полыхает изо рта, того и гляди всё вокруг вспыхнет. Геннадий сунулся к киоску. Спиртным залейся. Любое и на любой вкус и круглосуточно! Он непроизвольно оглянулся на сельсовет, возле которого сиротливо бродила корова, и все на этом. А сейчас еще уборочная не завершилась. И раньше запрещено было продавать спиртное в магазине. За это по головке бы не погладили. А сейчас пей – не хочу и вывеска на киоске «Райский уголок. Работаем круглосуточно». «Цивилизация, мать вашу так! В городе не просыхают, и здесь спаивают», – матюгнулся Геннадий. Хотел было что-нибудь купить, но раздумал и направился в сторону дома.

– Генка, ты, что ли? – окликнули, и он увидел крепкую женщину в телогрейке и платке, которая навалилась на забор и смотрела на него. – Это же я, Марья Ястребова. В школе учились. Ты годом старше был. А тебя не узнать. Что, твоя зазноба не кормит тебя? Был лисапед, а сейчас вообще одни ободья остались. А что задержался?

Зазноба не отпускала? Ладно, с батей успеешь попрощаться. Чать уж скоро вынести будут...

– Как – попрощаться? – перебил Геннадий, так и не признав женщину. Слишком долго его не было в деревне. – Кого вынесут? Что с ним случилось?

– Тю, будто не знаешь! Помер Егор Матвеич, помер, – поджав губы, сказала она. – Не застал его. Седни хоронить будут. Ко мне Анька Зуенкова прибежала и новость сказала. Я даже заплакала. Жалко Егора Матвеича. До последней секундочки не сдавался. Все надеялся, что выкарабкается. Ан нет, забрала его смертушка. И как теперь будет Ванюшка, светлая душа, даже не знаю. Убивается по родному отцу. Ни на шаг не отходит. А ты... Отец ждал, ты приедешь. А ты...

Она замолчала и махнула рукой.

– Как – помер? – замотал головой Геннадий, а в душе что-то сжалось, аж дыхание перехватило. – Мне же только вчера принесли телеграмму, что болеет. Я достал деньги. Примчался, а тут...

И замолчал, растерянно посматривая по сторонам.

– Дык, говорят, адрес не могли найти – это же сколько времени ушло, чтобы тебя в городе разыскать, что иголку в стог сена, – махнула рукой тетка. – Оказывается, ты переехал на другую фатеру, а адрес не сообщил. Может, боялся. Времена, сам знаешь, какие. На улицу выйдешь и не знаешь, вернешься или нет. Я зазря шагу со двора не делаю. Как начинает темнеть, все двери на засов и никому не открою. А у вас в городе одни бандиты по улицам шляются. Телевизир включишь, а там страсть господняя, что творится. Что говоришь, Генка? А, спасибо нашему участковому. Запрос сделал через милицию, что ли, так и разыскали тебя. А то батя письма писал, телеграммы отбивал, сам сколько раз ездил, покуда в силе был, а тебя и след простыл. Выбыл в неизвестном направлении. Он уж хотел было на поиски подавать, да отсоветовали. Сказали, если бы что случилось с ним, давно бы уж сообщили. А молчат, значит, живой. Но твой батя все равно всех знакомых просил, ежели повстречают тебя, пусть скажут, что ждет он. И не дождался...

Сложила руки под высокой грудью и замолчала, поджав тонкие губы.

– Манька, дай соточку на опохмелку! – раздался хриплый простуженный голос, и к забору подошел небольшой мужичок в галошах на кривых, словно у кавалериста, ногах, драной фуфайке, из-под которой выглядывала худая грудь с выпирающими ребрами. – Дай сотку, говорю. Потом верну или отработаю. Ты меня знаешь...

– Отстань, шалопутный, – отмахнулась женщина. – А что это тебя твоя ненаглядная чуть ли не голышом выставила? Не удовлетворяешь, что ли? Ну да, такую статуи обработать, племенной жеребец нужен, а ты – хиляк. Рожденный пить, в кровати спит.

И захохотала.

– Кто спит, а? Да я, если на то пошло, любую бабу ухайдакаю, – выпятил тощую грудь мужичок. – И не смотри, что тощий. Ты, Манька, не пудри мозги. Дай сотку, говорю, а то в следующий раз комбикорм не притащу.

И они принялись лаяться на всю улицу.

Геннадий растерянно потоптался возле них, потом махнул рукой и заторопился к дому. Там уже толпились возле забора. Кто-то заходил во двор, другие кучковались возле скамейки и все говорили и говорили...

Геннадий шагал, а к ногам будто гири привязаны. Жил и в голову не брал, что отец может умереть. Казалось, он будет жить вечно. Всегда хмурый, постоянно в работе, два-три слова скажет, и все на этом. Лишь с Ванькой улыбался и разговаривал. Сказки ему рассказывал, а тот слушал, разинув рот, и слюна стекала по подбородку. А бывало, брал Ваньку с собой, и они шли в магазин. И Ванька, уж взрослый мужик, а улыбался, словно ребенок, которому пообещали конфетку. И правда, возвращались, а Ванька хвастался всем, мол, смотрите, папка конфетки купил, и крутил в руке,

а с лица не сходила улыбка и опять слюна на подбородке...

– Неужели Генка приехал? – раздался голоса. – Здоров был, Егорыч! Как де-лишки, Генка? Видишь, горе какое, Генка! А что не приезжал? Денег не было или желания? А не поздновато ли надумал с отцом проститься?

Вопросы посыпались со всех сторон. Одни протягивали руку и здоровались, кто-то похлопывал по плечу, а некоторые отворачивались, будто не замечали его.

Геннадий потоптался возле соседей, отвечая на вопросы, потом распахнул калитку. Прошел по заросшему двору. Осень пришла, а дрова еще не заготавливали. Остатки полениц вдоль заборов, где выше, а там от земли едва поднимаются, тереясь в траве. А раньше, бывало, поленицы над заборами поднимались. Отец поверх рубероид положит, чтобы дождем не мочило. Огромные стоят, длинные. Дождь пол-ьет, и с рубероида словно серебряные струйки сбегают на землю, а если случайный луч солнца заденет – золото течет. А сейчас нечему сбегать, нечему сверкать... Двор захламлен. И повсюду сорняк вымахал. Репейник чуть ли не в рост стоит, да и кра-пива не меньше. Видать, отец заболел, и смотреть за двором некому стало. А Ванька... А что Ванька? Что с убогого возьмешь? Он живет в своем мире – этот взрослый ре-беночек...

Геннадий поднялся на крыльцо. И остановился. Почему-то страшно стало сде-лать этот шаг, после которого вся прошлая жизнь исчезнет, где были живы роди-тели, где было все по-другому. Исчезнет, а что останется взамен? Геннадий пожал плечами. Он не знал, что будет дальше и как нужно жить...

Он стоял и осматривал двор. Несколько кур бродили по нему, копаясь в му-соре. Белый петух захлопал крыльями, хотел было заорать, и не получилось. Про-хрипел, и все на этом. Открытый сарай. Коровы уж давно не было. И козы не видно. Пару овец держали, но сейчас тишина. Запустение пришло в дом. Матери не стало, а отцу тяжело было справляться с хозяйством, когда еще одна забота – Ванька, ко-торый постоянно требовал внимания. И отец выбрал Ваньку, забросив хозяйство. А Геннадий... Да что Геннадий? Он укатил в город за сладкой жизнью, а сейчас она превратилась в полынь-траву, от которой горечь непроходящая и больше ничего. Пока была жива мать, он ездил и помогал. Матери не стало, он рукой махнул на де-ревню. И если бы не телеграмма, еще неизвестно, когда бы собрался и приехал сюда. А сейчас отца не стало. Не к кому будет ездить. А Ванька... А что Ванька? Он же не сможет жить один. Он неприспособлен к этой жизни. У Ваньки свой мир, в котором он находится. И куда его? Геннадий пожал плечами. Он не знал...

– Гена приехал, – заскрипела дверь на веранде и на крыльцо вышла худая тетка Анисья в черном платье до пят, черном платке по брови, в руках молитвенник и носовой платок. – А что не заходишь? Боишься? Не бойсь, Генка. Отец словно живой лежит и улыбается, будто радуется, что отмучился и с мамкой встретился. А у самого лоб хмурый. Видать, так и думает, как же Ванечка один останется. Очень уж жалел Ванечку и расстраивался, что случись, как он жить будет. В интернат, наверное, при-дется отдавать. Ты же не захочешь этот хомут на шею вешать. А Ванечка... Сейчас сам увидишь, когда зайдешь...

Не договорила тетка Анисья. Заплакала. Махнула рукой и спустилась с крыльца.

Геннадий вздохнул. Оглянулся, словно искал поддержку от соседей, но все были заняты. Одни стояли возле дома, а кто сидел на лавочке, и говорили и говорили, не обращая на него внимания.

Он снова закрутил головой. Тяжело было, но Геннадий толкнул дверь и зашел в дом. В задней избе, где стояла печь, суетились соседки. На столе места свободного не было. Тарелки и чашки, чугушки и ложки, стаканы и стопки... Он остановился в дверях. Пахло едой и уже отсюда тянуло запахом тлена, от которого некуда было деться. А еще из передней избы доносился заунывный голос – «А-а-а – а... А-а-а – а!», словно кто-то укладывал младенца. И это было непонятно и как-то не по себе, аж на

сердце стало нехорошо...

– Старший сын приехал. Слава Богу, поспел, – донесся старушечий голос. – А отец расстраивался. Приехал, как чуял. Столько лет не было, а тут... Геночка, с приездом! Горе какое! Вот видишь, как получается. Ехал в гости, а пришел к холодным ногам. И то, едва успел...

Не договорила. Всклинула.

– Генка и в гости? – со стороны язвительный голос. – Снег летом ляжет, если Генка приехал. Вырос не пришей кобыле хвост. Люди о семье думают, а ему все тринтрава. Видать, жизнь сладкая.

– Ошибаетесь, – не глядя, сказал Геннадий. – Горечь полынная – эта жизнь, аж скулы сводит...

– А что так? – опять язвительный голос. – Пока жилось сладко, не вспоминал про родителей, а горечь почуял, примчался? Ты еще поплачь. Глядишь, кто-нить слезки вытрет...

– Не слушай никого, Геночка. Злые языки страшнее змеиного яда. А ты, Лопыриха, придержала бы язычок. Грех это! Не забывай, где находишься, – и тут же подтолкнули Геннадия в спину. – Проходи, Ген, в избу-то. Не стой на пороге. Это и твой дом, между прочим. Иди, с бабушкой и братом поздоровайся. Они каждый день ждали тебя, а дождался один...

Геннадий снял кепку. Сумку сунул какой-то бабке, даже в лицо не глянул – знающая или нет. Остановился возле двери в переднюю избу. И шагнул в полутьму. Остановился. Душно. В нос шибанул запах воска и тлена. Тяжелый запах. Давил его, будто заставлял на колени встать. Но Геннадий мотнул головой, словно скидывая наваждение. Глаза не сразу привыкли к полутьме. Окна были закрыты ставнями, тусклое зеркало завешено простыней. На старом, едва работающем телевизоре, тоже тряпка. Посреди на табуретках стоял простой гроб, обитый красным материалом (гляди ты, заранее приготовили), вдоль него на лавках сидели старухи. Какая-то бабка в черных одеяниях читала в изголовье. В полусумраке можно было рассмотреть исхудавшего отца, нос заострился, бороденка клинышком, кадык выпирает на худой морщинистой шее. Сам в костюме. Это еще мать при жизни приготовила смертную одежду. Геннадий смеялся над ними, а не рановато ли собрались, а мать отвечала, чтобы вы опосля не мучились, когда придет наш последний час. И, правда, все было приготовлено в последний путь. Все тихо сидели, едва слышно перешептывались. Бабка читала. А спиной к нему, обнимая гроб в ногах, раскачивался его братишка, Ванька, и, не обращая внимания на соседей, заунывно тянул, словно младенца укладывал – «А-а-а – а... А-а-а – а!»...

– Горе-то, какое, Геночка! – за спиной раздался шепот. – Отец помер. Одни остались на белом свете. Ладно, ты пристроен. А как же наш Ванечка будет жить? Он же хороший, только умишка кот наплакал. Отец скока раз просил фершалку, чтобы помогла ему, хоть таблетки дала или микстуры, а она говорит, здесь таблетки не помогут, если своего ума нет, чужой в его голову не вложишь. А Ванечка безотказный. На помощь позовешь, он впереди отца торопится. И будет помогать, пока не остановишь. А похвалишь, он радуется, что угодил. Как он станет жить без отца-то? Кому нужен такой – убогонький? Вы же родные братья, ведь он пропадет же в интернате, если его определишь туда...

Геннадий зыркнул исподлобья, но промолчал. Не знал, что сказать.

Он шагнул в полутьму. Какая-то из старух, увидев его, поднялась с места и поманила.

– Присаживайся, Геночка, – зашелестел голос. – Горе-то какое, Егор помер. Осиротели вы с Ванечкой. Присаживайся. Посиди. Поговори с родным папкой. Он услышит тебя. Столько лет не был. Наверное, есть о чем поговорить с ним. Егор ждал тебя. Выйдут с Ванечкой ко двору и смотрят на дорогу. И вот дождался. Поговори с

ним, потом не получится...

И легонько подтолкнула к скамейке.

Геннадий подошел к братишке. Остановился за спиной. Неловко провел по стриженной голове, потом положил руку на плечо взрослого братишки, но Ванька не обращал внимания. «Оглянись, – это же я приехал!» – хотелось крикнуть Геннадию. И не смог...

Он потоптался и присел на краешек лавки. Взглянул на отца. От дверей не было заметно, а сейчас в глаза бросилось, как отец постарел. Сильно. Крепким был, жилистым, а сейчас старик лежал перед ним. Кадык торчит. Щеки плохо выбриты. Так и хотелось протянуть руку и дотронуться. Узкие впавшие губы словно улыбались. Отмучился, будто хотел сказать, но морщинистый лоб в то же время говорил, а с кем же Ванечка останется? Пропадет же, сынок! И Геннадий непроизвольно взглянул на Ваньку. Даже не Ванька, а Иван. Это был далеко не мальчишка или парень с постоянно блуждающим взглядом, вечной улыбкой на лице, словно он каждому встречному-поперечному был рад и неиссякаемой струйкой слюны на подбородке, каким запомнил его Геннадий. Сейчас сидел настоящий мужик, выпуклый узкий лоб, короткая стрижка и даже в полутьме была видна седина, старенькая клетчатая рубашка, наглухо застегнутый ворот, несмотря на то, что в доме духота, и помятые брюки. Он был чем-то похож на отца. Наверное, такими же густыми бровями и мо-сластыми крупными руками, а может, еще чем-либо, сейчас Геннадий не мог понять, да и желания не было. Иван взглянул на старшего брата и не улыбнулся, как обычно, – и это было непривычно. Иван посмотрел, словно не узнал брата. Так, безразлич-ный взгляд, и все. И снова опустил голову. Иван обнимал край гроба, редкий раз гла-дил рукой ноги отца, сам раскачивался и заунывно тянул, словно младенца убаюкивал – «А-а-а – а... А-а-а – а!». И так больно, так тоскливо, что Геннадий за-мотал головой, торопливо расстегнул куртку и принялся растирать грудь – сердце заболело, с перебоями заработало, того и гляди, остановится. А Ванька продолжал убаюкивать...

– Уснул твой папка, Ванечка, уснул, – старушонка погладила его по голове. – Никто его не разбудит. Вечным сном спит. Вечным...

Что-то еще прошептала и вышла из передней избы.

– На-ка, выпей, – перед ним стопка, и запахло корвалолом. – Выпей, легче ста-нет. Заметила, как в лице изменился. Что, не ожидал увидеть такое? Уехал и забыл, как многие об этом думают? Ан нет, дорога все равно приведет к родному дому, хо-чешь этого или нет. Еще ни один мимо него не прошел, и ты – тоже...

Геннадий хотел было огрызнуться, но промолчал. Выпил лекарство. Передер-нулся. Склонил голову, сгорбился и снова взгляд на отца.

В избу входили и выходили соседи. Подходили, что-то тихо говорили Генна-дию, трепали его за плечо, мол, держись, гладили по стриженной голове Ваньку, ко-торый не обращал внимания ни на кого, а только раскачивался, редкий раз смотрел на отца, а взгляд не блуждающий, как обычно, а пристальный, словно он понимал, что пришла беда и хотел что-то сказать или спросить, а в глазах боль – тягучая и тоскливая, аж душу сжимало, а он не видел никого, кроме отца, сидел, раскачивался и заунывно тянул, словно убаюкивал – «А-а-а – а... А-а-а – а!»...

– Может, покушаешь, Ген? – кто-то прошептал за спиной. – С дороги ведь. Чать проголодался. Пока на мазарки снесем, все попрощаются, куда вернемся, лишь опосля за стол сядем...

Геннадий покачал головой.

– Вот у Ванечки уж который день маковой росинки во рту не было, – опять по-слышался шепот. – Так и сидит возле отца, так и баюкает. Господи, что же с ним будет? Никого из родни не осталось. Пропадет же наш Ванечка, пропадет...

Тихий всхлип и тишина.

Геннадий оглянулся. Рядом никого не было. Кто говорил с ним – непонятно.

Опять взгляд на отца. Впавшие щеки. Темные глазницы. Узкий нос с горбинкой. Рубашка на нем была в мелкую клеточку, почему-то бросилось в глаза, а костюм коричневым. Руки вверх. Мосластые руки, крупные. Даже сейчас были видны мозоли, словно кирза. Даже после смерти руки не отмылись. А в них иконка и свечка. Отец всегда хмурился. Наверное, поэтому даже после смерти на лбу морщины не разгладились. И улыбался редко. Улыбался, когда с Ванькой баловался, а тот заливался, словно маленький ребенок. А сейчас баловаться некому стало. Геннадий хотел было подняться и подойти к Ваньке, но не стал. Иван все равно сейчас его не заметит. Он так и сидел, редкий взгляд на отца и непрерывно – «А-а-а – а... А-а-а – а!»...

Геннадий исподтишка осмотрелся. Все было, как в прежние времена. Ничего не прибавилось. Да и что может появиться нового, если жили на копейки. В городе еще можно копейку-другую скалымить, а в деревне нужно надеяться только лишь на себя и свое хозяйство. Он смотрел и не понимал, как отец один справлялся со всеми делами по хозяйству. Иван – это большой ребенок, за которым нужен глаз да глаз. И получилось, что на отца свалилось все, а он не помогал, потому что он обиделся на родителей из-за Ваньки. И эту обиду пронес через многие годы. А сейчас он смотрел на отца, оглядывался по сторонам, задерживал взгляд на Иване и не знал, что ему делать...

На стене фотографии в темных рамках. Он уж не помнил, кто на этих снимках. Родственники и родители, кто же еще. Но его не было – это точно. И Ваньки не было. А там завешенное окно, засохший цветок на подоконнике, и рядом кровать – это еще от матери сохранилась. Наверное, батя спал на ней. Геннадий не забыл, как отец сидел после похорон матери возле кровати, о чем-то думал и поглаживал подушку. Видать, мать вспоминал. Они с матерью хорошо жили. Не ругались. И времени не было ругаться. И работа, и хозяйство, и Ванька, за которым нужен был присмотр. И сам сколько проблем создавал родителям. То в школе жалуются на него, то соседи, то замечали, что Ваньку обижает. И попадало ему по первое число, как говорила мать. А ему было обидно. Ваньку жалели, а его лупили. И долгие годы сторонился Ивана. Казалось с малых лет, от него все беды. Во всем Ванька виноват и в его непутевой жизни – тоже...

Годы прошли. Но обиды не исчезли, а спрятались куда-то глубоко в душе, и иной раз напоминали о себе, и тогда Геннадий жалел себя, а вину перекладывал на других. И с той поры у него появилась привычка жить для себя и ни для кого более. Так и есть, кроме себя никого не замечал, а может, не хотел видеть. Пока был молодым, не думал о завтрашнем дне, женился, тут уж жена за него думала и решала, а он принимал это как должное. Зачем бошку ломать, когда тебе разжуют и в рот положат, а будешь глотать – сам решай. Этим он и занимался, пока с женой не разбежались. Вот тут и выяснилось, а к жизни он не приспособлен. Нет, он жил, как другие, делал все, что нужно, но думать приходилось самому, что было непривычно. А сейчас не стало отца. И тоже нужно было думать не только о сегодняшнем, но и завтрашнем дне. А получится ли – он не знал...

Геннадий потихонечку поднялся. Бабка, что сидела напротив, взглянула вопрошающе. Он достал сигареты. И потихонечку вышел. Иван даже не взглянул на него. В задней избе суетились соседки. Готовятся к поминкам. Пахло щами с кислой капустой, тут же запахи пирогов и еще чего-то, но больше всего пахло тленом. Он давил, не давая вздохнуть. Казалось, все было пропитано им. Геннадий сдернул куртку с большого гвоздя, который заменял вешалку и вышел, притворив дверь.

Он стоял на крыльце и курил. Смотрел на деревню. Вроде, все то же, но что-то в ней изменилось. Может, постарела за эти годы или он повзрослел и смотрел на жизнь другим взглядом. А может, и сюда добралась эта перестройка и начнет привычную жизнь переворачивать с ног на голову. Но в то же время мысли в который уж

раз возвращались к отцу и Ваньке. Ведь когда он приезжал на похороны матери, у отца даже не спрашивал, как он станет жить, и батя ни словом не обмолвился, потому что у него была всего лишь одна забота – младший сын, если его не станет, как будет Ванька жить, ведь он же вообще неприспособлен к этой жизни. У него был свой мир, в который никого не пускал. Геннадий помнил, как Ванька мог остановиться в любом месте и уставиться поверх голов или за спины людей и что-то там рассматривал. Тыкал пальцем, пытался сказать и улыбался, а в блуждающем взгляде была радость. Видать, он жил в куда более светлом мире, который другие не видели и не понимали...

– Здоров был, Генка, – заскрипели ступени, щуплый кум Наум ткнул жесткую ладонь – поздоровался. – Успел-таки приехать? А почему долго? Телеграмму отбили еще когда, мог бы пораньше приехать...

Он насупился. Снял затасканную фуражку. Блеснул лысиной. Достал из кармана цветной лоскут, видать, заменял ему носовой платок, вытер лоб и опять фуражку на голову и козырек на глаза.

– Здравсьте, дядька Наум, – сказал Геннадий. – Мне вчера вечером отдали телеграмму. Утренним автобусом поехал в деревню.

– Видать, в дороге затерялась телеграмма, – вздохнул кум Наум. – Нынче времена такие, что не знаешь, что завтра будет. Ну, как живешь, Генка? Чать миллионщиком стал? Говорят, в городе через одного миллионщики живут.

Он хохотнул было, оглянулся и закрыл щербатый рот. Бабки быстро отлают. Нашел время для веселья. Похороны, а он развеселился...

– Я уж был миллионером, когда мильёны платили, а сейчас даже на булку хлеба нет, – вздохнул Геннадий и нахмурился. – Как уволили с работы, с той поры с копейки на копейку перебиваюсь. Устраивался к одному ухарю. Бригадой дом строили. Все лето пропахал, а он всех послал и ни копейки не уплатил. А кому жаловаться? Таких, как мы, толпы на улице. Если на заводах зарплату задерживают, а другие ее по полгода и более не видят, что говорить о частниках? Кукиш покажут и выкинут на улицу. Знают, что жаловаться не пойдут. Всем плевать, сдохнешь ты или нет. Эх, жизнь – горечь полынная!..

Геннадий достал сигарету, закурил и запыхал, поглядывая вдаль.

– Правду говоришь, никому не нужны, – сдвинул на затылок фуражку кум Наум. – Я сколько ходил к председателю, просил бревна на доски распустить, а он завтраками кормит, а сам с гостями мотается по охотам и рыбалкам, да еще гостинцы с собой дает. А раньше бы за это с должности слетел и в кутузку бы закрыли, а сейчас им все можно. Ладно, заранее твой батька доски на гроб приготовил. Сколько лет хранились у меня. И матери вашей сделал домовину, и батьке смастерил. Легонький получился гроб, теплый, а хвоей пахнет – страсть!..

– Я знаю, что ты сделал гроб, – перебил Геннадий, затыкнул, поплевал на окурок и бросил в ведро с водой. – Отцу понравился. Он любил тепло. И мать радуется...

– Что говоришь-то, Генка? – сказал кум Наум и оглянулся по сторонам. – Откуда ты мог знать, если батька помер?

– Батя привиделся, когда ехал сюда, – буркнул Геннадий. – Он сказал про доски и хвойный запах. И мать видел. Она рядышком с ним стояла. Радовалась.

– Ну и дела... – мотнул головой кум Наум. – Кому сказать, брехуном обзовут... – он помолчал, потом взглянул. – Слышь, а что будет с Ванюшкой? Он же хороший, хоть ума кот наплакал. Покладистый. И помогает, если попросишь. Как ему жить, ведь умишка маловато? Ведь пропадет же в интернате. Он к свободе привыкший, а там словно в клетку пропадет. С тоски помрет...

– Везде можно пропасть и в городе – тоже, – нахмурился Геннадий. – Куда его в город забирать? Я сижу без работы. И он еще появится. Так-то жрать нечего, а с ним вообще сдохнем с голодухи. Я с утра и до вечера работу ищу, чтобы копейку-дру-

гую заработать. А кто за ним станет присматривать? На улицу выйдет, там такие ухари живут, что вмиг хату обнесут, а его без башки оставят. И не посмотрят, что дурачок. Остатки мозгов вышибут...

– Не дурак он, а убогонький, – с какой-то обидой сказал кум Наум. – Он же родной брат, а ты его – дураком. Эх, Генка, что с тобой говорить – все равно не поймешь! Как жил для себя, так и...

Он не договорил, махнул рукой и скрылся в избе.

– Да, жил для себя, а чего нажил? – вскинулся вслед Геннадий. – Ничего! Ничего, кроме головной боли. У меня даже запасных штанов не осталось, а ты еще попрекаешь, дядька Наум. Вот тебе и сладкая жизнь...

И отвернулся.

Геннадий не стал заходить в дом. Стоял на крыльце. Мимо ходили соседи. Одни останавливались и расспрашивали, почему он не приезжал. При жизни родителей забыл. И совестили его, носом тыкали. Не просто носом, а мордой возили и старались побольнее, чтобы до самых печенок проняла эта боль. Геннадий молчал. А что говорить, он и сам понимал, что вина его большая, но время ушло и уже не вернуть, чтобы исправить. И молчал. А другие мирно говорили. В основном, про отца рассказывали и жалели Ваньку, который ни разу не вышел из избы, а сидел и раскачивался, а сам – «А-а-а – а... А-а-а – а!» Даже на крыльце был слышен его голос – протяжный, тоскливый и больной...

Опять посыпалась нудная морось. Небо низкое. Вроде день на дворе, а словно вечер наступил. Но соседи не уходили. Так и толпились возле двора. А некоторые заходили в избу. Немного побудут и снова во двор.

И плач поднялся, когда вынесли отца. Сыпал мелкий дождь, а у отца лицо светлое стало и даже показалось, морщинки разгладились, а вот на лбу так и остались – глубокие и частые. И по этим морщинкам стекали дождевые капли, и порой казалось, отец плакал. Это природа плакала, а вместе с нею плакали соседи. А когда отца повезли на телеге, Ванька сидел в ногах и продолжал убаюкивать отца. И было непонятно, плачет он или нет, по лицу стекали капли. Стриженная голова мокрая и никак не хотел надевать фуражку. Мотал головой, скидывая ее, когда кто-нибудь из соседей пытался ее надеть. Ведь простудится. А он ни в какую. Сидел, смотрел на отца, порой поглаживал его по ногам и снова взгляд на него, почему он лежит, почему не встает, и куда его везут, он же дома всегда был, а тут... и обводил всех взглядом, а в глазах тягучая боль.

И на кладбище, когда заколотили гроб, Ванька не отпускал его, мешая мужикам, и все оглядывался на Геннадия, словно хотел сказать, ну что ты стоишь, там же отец! Но Геннадий стоял, опустив голову, и старался не встречаться с ним взглядом.

– Что стоишь, как истукан? Отведи его в сторону! – кто-то больно ткнул в спину. – Подойди к Ванюшке. Видишь, убивается он. Схоронят отца, и пропадет Ванечка. Нет у него защиты в этой жизни. Пропадет...

И опять тычок в спину.

Но Геннадий стоял и смотрел, как деревенские мужики споро работали лопатами. Вот уже холмик появился. Воткнули крест. Видать, тоже кум Наум сделал. Немного корявый, но крепкий. А у матери небольшой памятник. Теперь они вместе лежат. Откуда-то появился веночек. Небольшие букетики осенних цветов. Соседи стояли, перешептывались. Смотрели на Ваньку, исподтишка взгляды на Геннадия, который попрощался с отцом, отошел в сторону и застыл. Кепка в руках. Голова мокрая. А он внимания не обращает. Стоит, опустив голову, и молчит. Взглянет мельком на Ивана, посмотрит на деревню, что протянулась вдоль речки, окинет взглядом густые леса в осеннем разноцветье и снова взгляд в землю.

Мелкая морось не прекращалась, и соседи потихонечку потянулись с мазарок.

– Тетка Анисья, возьми деньги, – Геннадий остановил ее. – Потратились на по-

хороны. Может, кому должны. Раздайте...

– Себе оставь, – не сказала, а выдохнула тетка Анисья и оттолкнула руку. – Еще пригодятся, когда Ванечку будешь оформлять в интернат. Эх, ты, брат! Кровинка родная, называется!..

Снова толкнула и зашагала по тропинке.

Геннадий поморщился, словно взяли и ткнули мордой, и так больно, аж в груди зануло. Он потоптался, не зная, что делать с деньгами, потом сунул в карман.

– Ванечка, айда домой, а то простудишься, – некоторые останавливались возле Ивана и пытались увести его с собой, но Иван продолжал сидеть возле холмика и только мычал, с недоумением оглядываясь на соседей – куда уходите, здесь же отец остался, но соседи продолжали его уговаривать. – Ванечка, твой папка на небесах, – и они тыкали пальцами в низкие облака. – Они с мамкой сидят там и смотрят за тобой. А ты не слушаешься нас. Они будут недовольны. Айда, Ванечка, а то простынешь, кто тебя лечить станет? Папки-то нет...

Забывшись, сказала одна из старушек и всхлипнула, а потом зажала рот рукой, когда Ванька оглянулся на нее.

Все меньше оставалось соседей на кладбище. Одни еще стояли возле отцовской могилки, а другие разбрелись по тропкам, чтобы заодно поведать своих, кто тут покоится. Здесь хорошо. Березки шумят над головой. Ветер дунет, и золото с ветвей опадает. Вскоре всю землю закроет. А там и зима не за горами. Завьюжит, занесет снегом, что не пролезешь. И будешь весны дожидаться, чтобы снова сюда прийти...

– Ген, что стоишь? – заскрипел голос бабки Акулины. – Почти все ушли. Ванечку жалко. Убивается, малец! Один остался. Ты в городе, а он...

Не договорила, махнула рукой и украдкой вытерла мокрые глаза.

– Вы идите, а мы еще посидим и придем, – сказал Геннадий. – Побудем тут и вернемся.

И взглянул вслед соседке, которая едва шагала по осенней слякотной дороге.

Геннадий оглянулся. Почти никого не осталось. А кто был, они не обращали внимания на них. Геннадий потоптался возле оградки, где лежали отец и мать. И присел рядом с братишкой на узкую скамеечку. И опять взгляд на могилки. После смерти матери он всего лишь раз был в деревне, а сюда не зашел. Было видно, за ее могилкой ухаживали. Наверное, отец с Ванькой приходил, а больше никому. И холмик ровненький, и венки лежат, даже небольшой, но поставлен памятник. А ему не сказали. Он нахмурился. А как скажут, если адреса не знали. Ладно, сейчас смогли разыскать, а то бы приехал в деревню, а тут никого не осталось. И как-то нехорошо стало на душе, когда об этом подумал. Мать хоронили, в последний день приехал и сейчас опять в последний момент успел. Жизнь прошла, а времени на родителей не нашлось. А уж на Ваньку – тем более. Видел, как братишка убивался по отцу, а сам стоял, и в душе пустота. Почему? А сейчас, когда вырос холмик и Ваньку не могли оторвать от него, он смотрел на всех, и соседи отводили глаза. И Геннадий отвел глаза. Не смог выдержать Ванькин взгляд. Словно в душу хотел заглянуть, внутри всё жалось и стало так больно, аж выть захотелось. И сейчас бы завыл – громко, протяжно и больно, да головой о камень, о холмик, да так, чтобы кровь во все стороны брызнула... но не получится – поздно спохватился...

Геннадий долго сидел возле оградки рядом с братишкой. Думал. Посмотрит на могилки. Покосятся на Ваньку. И взгляд в землю. Опять посмотрит, потом на деревню, что виднелась отсюда. И опять взгляд в землю и думает. А спроси его, о чем думы твои, Генка... Геннадий Егорыч? Он бы пожал плечами. Не знаю... Вроде ни о чем, а в то же время он думал о жизни. Вспоминал прошлое и думал о будущем. Мысли о детстве, где были живы родители и Ванька, который ни на шаг от него не отставал. Повсюду таскался за ним, словно хвостик, а он злился и гнал его прочь. И опять мысли о жизни. Одно всплывет, другое и третье, и он понимал, почти полжизни про-

жито, а что у него за спиной? Да ничего! Вообще ничего не осталось. Была семья... Нет, не жена и городская жизнь, а настоящая семья, где были живы родители, и был Ванька. Где был суровый отец, который мог и ремня дать, если Ваньку обижал, где мать старалась примирить их, а он не хотел этого, потому что ему казалось, что все внимание достается Ваньке, а он не нужен в семье. И уехал после школы. Решил счастье найти. А какое оно – это счастье? Кто знает? Кто может сказать и показать его? Он думал, что счастлив стал, когда в город перебрался. Яркие огни, новые друзья, девчонки, кафешки и свидания. Свадьба и семейная жизнь, которая не принесла ничего, кроме головной боли. Годы пролетели, а на душе осталась лишь горечь полынная и ничего более...

А где же тогда счастье, за которым он уехал? Где оно – кто скажет? И почему он злился всегда, когда вспоминал деревню, родителей и брата Ваньку, а сейчас сидит возле могилки и оторваться не может. Он уж сколько раз порывался встать и не получалось. Доставал сигареты, закуривал и опять мысли о деревне, отца с матерью и Ваньку, а соседи его Ванечкой зовут. И радуются ему, и каждый норовит мимо пройти и погладить его или просто ласковое слово сказать. Вот это и есть счастье – деревня, из которой сбежал, соседи, про которых он забыл, а они помнили его и радовались, что он приехал, мазарки, на которых лежат родители, и Ванька – убогий братишка, который радуется каждому встречному и всем улыбается, но живет в своем мире?

Все давно ушли. А Геннадий с братишкой сидели на скамеечке и молчали. Редкий раз друг на друга посмотрят и снова молчат. О чем думал Ванька – непонятно, да и думал ли... Уставился в одну точку и не шелохнется. Протянет руку, погладит холмик, посмотрит на Геннадия, а в глазах боль тягучая и непроходящая, и снова гладит холмик. Геннадий помнил, так делал отец, когда умерла мать. Сидел возле кровати и гладил подушку. И Ванька повторяет...

Они долго просидели возле холмиков. Потом Геннадий склонился. Провел ладонью по холмикам, словно прощался, а может, разговаривал с родителями. Потом поднялся. Дотронулся до плеча. Ванька вскинул голову.

– Айда, Ванёк, домой, – сказал он. – Поздно уже. Соседи заждались...

Иван замычал и оглянулся на холмик. Ну как же так, отец здесь, а мы... и полынула боль в глазах.

Геннадий мотнул головой и невольно передернул плечами, заметив его взгляд, – горечь полынная на душе, от которой никогда не избавиться...

– Пошли, Ванюшка, – повторил Геннадий и ткнул пальцем вверх. – Сейчас папка с мамкой смотрят на нас с небес и радуются, что мы будем вместе. А завтра снова придем сюда. Посидим с ними и поговорим. Обо всем будем разговаривать. А потом делами займемся. Мне станешь помогать, или я буду учиться – не знаю... Работы много, успевай только поворачиваться. Ничего, Ванюшка, будем жить!

Ванька нахмурился, повернулся и посмотрел на него, словно в душу заглянул, аж сжалось внутри и опять полынной горечью охватило. Иван шевелил губами, словно что-то хотел сказать и не получалось. Он задрал голову, долго всматривался в небеса. А потом заулыбался, словно что-то увидел в вышине. Открыто и радостно улыбнулся, как раньше бывало. И поднялся.

И они пошли. Такие разные, но в то же время, самые близкие люди – братья...

ВАЛЕРИЙ СУХОВ
(Россия, Пенза)
КРАСНАЯ РУБАХА

Поэма

Михаил Лермонтов.
Автопортрет. 1837-38

1

**«Немытая Россия»,
Твой кесарь – на века.
И сослан им мессия
Под пули – от греха.**

**Где узкое ущелье,
Там смерть не миновать.
Приняв в крови крещение,
Как Божью благодать.**

**Сам поднимает ставки.
В насмешках – ядовит.
Взбешен майор в отставке.
Дуэль их примирит.**

**Знать, суждено так свыше.
И сам всё предсказал.
Мартынов ближе, ближе.
Прицелился. Попал!**

**Пробила пуля сердце.
Дымясь, сочилась кровь...
Так началось бессмертье!
Пел ангел про любовь.**

**Как молнии из света
Июльской грозой,
Два слова «Смерть Поэта»!
Начертаны судьбой.**

На русскую Голгофу
По склону Машука
Взошёл, открыв эпоху
Для русского стиха.

Нет, не проклятье это.
Такая уж судьба.
Лафетом для поэта –
Прокрустова арба.

Забрызган красной глиной,
Был привезён на ней.
Надломленной рябины
Что может быть больней...

Прости ничтожеств, Боже,
За зависти грехи.
Два Николая тоже
Кропали ведь стихи.

«Туда ему дорога,
Где ждёт собачья смерть!»
Он был Поэт от Бога.
Был, да и вышел весь.

Царь или псарь убийца?
Не всё ли нам равно.
Заката багряница
Покрылась тьмой давно.

2

Стол письменный, как плаха.
Распят поэт на нём.
А красная рубаха
В углу – и смята в ком.

Под сердцем пятна крови
Все высохли уже...
Непросто жить, панове,
Так – с Демоном в душе.

И ураган заносит
За самый крайний край!
В себе вития носит
Всегда и ад, и рай.

Мартынов – лишь мартышка.
Пародий едких цель.
Поэт – совсем мальчишка –
Звал Бога на дуэль!

**И наказание тяжко –
Весь опалён огнём!
И смертная рубашка
Белым-бела на нём.**

**Коль ты рождён поэтом,
То сам себе палач!
Схоронят не отпетым.
Ты, ангел, хоть поплачь...**

**Казачью колыбельную,
Казачка, песню спой.
За службу его верную –
Он был «казак душой»!**

**В рубахе своей красной
Брал яростно завал.
Стих написал «ужасный» –
И царь негодовал!**

**От ссылок и гонений
Господь не уберёт.
Погиб так рано гений.
Затравленный пророк.**

**Характер окаянный!
И гроб друзья несут...
Вот вам и покаянье.
Вот вам и Божий Суд!**

**Столь письменный, как плаха,
Перо-топор – на нём...
А красная рубаха
Горит живым огнём!**

3

**И снова дождь в Тарханах,
И в дымке степь кругом.
И с колокольни храма
Плывёт волною звон.**

**Поэта отпевают
Молитвенно уста.
И в храме вспоминают
Распятого Христа...**

**Июльский дождь в Тарханах.
К теплу его прильнёшь –
Залечивает раны,
Шумит, как в поле рожь.**

**И вспомнится вдруг ливень
Тот – у горы Машук.
Что может быть «счастливей»,
Чем смерть его – без мук.**

**Да! Умерев на взлёте,
Так хорошо летать.
Душа без грешной плоти
В раю обнимет мать.**

**Парящую над бездной –
Архангел Михаил
Всем воинством небесным
От демона хранил...**

**Шумит с тоски осока.
И дремлет старый пруд.
А надо так немного.
Остановиться тут.**

**Под благовест рассвета
Сирень вся расцвела.
Душа под сводом склепа
Покой не обрела.**

**Рубахи багряница
Горит во мгле зарёй.
И в вечность всадник мчится,
Под тучей грозовой!**

СЛОВО ПОЭТАМ АЗЕРБАЙДЖАНА МАНСУР ВЕКИЛОВ

Лермонтов

Михаил Лермонтов. Парус
(Морской вид с парусной лодкой).
1828-31

**Сквозь небытья глухие ночи,
Склонившись над простым столом,
Белеет гений одинокий
Лампадно-беззащитным лбом.**

**В него незримо зависть целит
Свои колючие зрачки,
Успех пред ним коварно стеллит
Ленивых волн пуховики.**

**Но в сон главу его не клонит –
Мятежный ветер грудь свежит.
Перо, зажатое в ладони,
Как стрелка компаса, дрожит.**

Куда он правит путь свой вечный,
В какие дальние моря?
О том не знаем мы, конечно,
Но только верится – не зря.

Не зря он ненависть лелеет
К земле, убитой сапогом,
Не зря в глухой ночи белеет
Лампадно-беззащитным лбом.

ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙЦЕВ

Лермонтов

Подъезд. Ступени. Стук дверей.
Мазурки бравурные звуки.
Морозный плащ – швейцару в руки,
И вверх по лестнице скорей.

Вдоль канделябров и свечей
В ту залу, где под клавикорды
Кружится чопорно и гордо
Десяток знатных москвичей.

Приглушен шпоры тонкий звон
Коврами, музыкой и смехом.
И плечи, схваченные мехом,
И веера – со всех сторон.

Как остро ощущает он
К себе недоброе вниманье,
Идя сквозь титулы и званья,
В вечерних окнах отражен.

Полупоклон... Полунамек...
Лорнеты вскинута надменно...
И возникает откровенно
И неизменно горечь строк.

И он готов уже съязвить,
Любитель хлестких аттестаций,
В альбоме бегло расписаться
И труса трусом объявить.

Спугнуть улыбку сытых лиц
И омрачить веселье бала.
И что она ему – опала,
Царей досада и цариц!

Но ждет у двери вестовой.
Швейцар накинёт плащ на плечи,
И Лермонтов судьбе навстречу
Пойдет с поднятой головой.

ПЁТР СИМОНОВ

из книги «Орлы над кручей», 1958 г.

Бэла

Путь в горах томителен и длинен.
Силы освежи мои, поток!
В небо мая посреди долины
С берега ручья глядел цветок.

На ветру качался стебель тонкий,
Лепестками синими дрожал,
Быстрые колхозные трёхтонки,
Головой кивая, провожал.

– Это мой! – раздался голос строгий.
Обернулся – пенится ручей,
А за ним горянка у дороги
С бронзовым кувшином на плече.

Набрала воды. На камень села...
Явь ли это иль далёкий сон?
Предо мною у потока Бэла
Лермонтовских сумрачных времён.

На лицо ложится тень печали.
К ней крадутся. Сталь блестит в руке.
Вот схватили. На коня... Умчали...
Топот затихает вдалеке.

Михаил Лермонтов. Нападение
(Сцена из кавказской жизни).
1838

Бедная украденная Бэла
Брошена безжалостно с коня.
Алая струя на платье белом,
Тлеет в сердце искорка огня.

Всё, что, полюбив, недолюбила:
Песни, небо, гор суровых даль,
Посреди долины обрубила
Злобою отточенная сталь.

Вытянулись косы, будто плети...
Нет, я крови не хочу ничьей!
Словно через целое столетье,
Я перешагнул через ручей.

Подошёл смущённый, оробелый,
Пережив виденье старины.
– Как зовут вас? – произнёс я.
– Бэла.
– Бэла!
– Что вы так удивлены?..

Я глядел, не мог поверить чуду,
Путая события и года.
– Вы же... героиня!
– Может, буду...
– Михаила Юрьича б сюда...

Улыбнулась девушка лукаво,
Глаз не отрывая от ручья:
– Удостоилась той горькой славы,
Говорят, прабабушка моя.

Я уехал. Песни и былины
Мне напомнят в дальней стороне
О Шахдаге, о цветке долины –
Милой Бэле, встретившейся мне.

СТАНИСЛАВ САВЕЛЬЕВ

Личное

«Выхожу один я на дорогу».
Лермонтов

Могучий дуб.
Поэт под ним
Мечтал, задумчивый и строгий,
Как одинокий пилигрим
По лунной уходил дороге.
И ставропольские холмы
К лучу кремнистому сбегались...
Здесь в детстве суетились мы.
Теперь испытываю зависть
К нему, увидевшему суть,
Где ничего я не заметил.
О, как хотелось бы вернуть
Те времена!
На белом свете
Я жребий выпавший веду
И жив поэзией одною.
Гуди, звени, высокий дуб.
И говори звезда с звездою!

МАРАТ ШАФИЕВ

*** * ***

**Что не стрелял, дурила?
теперь вот в земле лежи.
Бабушка бы забранилась:
убить – это грех для души.**

**А умерев, не грешен,
не дописав стихов,
вынув у мира стержень,
оставив без образов?**

**И навалились черти,
и забесились ветра;
снова предел очерчен –
но выбор свершился вчера.**

**Я под прицел вновь вышел,
грешен лишь тем – не ври! –
что грешно любил я вишни,
набухшие на крови.**

ИРИНА ЗЕЙНАЛЛЫ

Лермонтовское

**В звёздном небе – такой простор!
От восторга трепещет сердце...
... Некрасивость – как приговор,
Никуда от неё не деться.**

**И отходят на задний план
И таланты, и даже удасть
Перед скукой салонных дам
И сочувственным взглядом друга ...**

**... А в душе – сплетенье стихий,
А на сердце – такая горечь,
Вот бы выплеснуть всё в стихи,
Изнывая от одиночества!**

**Но пока существует свет
И закон офицерской чести,
Ты обязан служить, поэт,
Даже в самом опасном месте...**

**... А душа летит к небесам,
Наполняясь нездешним светом...
«Мне отмщение – и аз воздам!»,
И – рождается «Смерть Поэта»!**

**Вам не нравится, господа?
Вы надменно кривите губы?
Получайте же «Маскарад»,
Узнавайте себя в фигурах...**

**... Ах, как хочется на покой –
И писать в тишине тарханской...
Отпустите меня домой,
Не желаю я службы царской...**

**Летний вечер, покой и тишь,
Небо южное так прекрасно...
Что с тобою, мой друг Мартыш?
Ну зачем нам с тобой стреляться?**

**Впрочем, делай, как знаешь сам...
Секунданты? Да ради бога!
... может, всё-таки к небесам
По кремнистой моей дороге?**

**Что-то громко кричат друзья;
Ах, как ноет, как плачет сердце...
... Я не стану в тебя стрелять,
Хочешь – сам, в одиночку, целясь...**

Михаил Лермонтов. Пятигорск. 1837-1838

ЛЯМАН БАГИРОВА

ДВА ЭССЕ

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

9 февраля 1783 года родился человек, которого и при жизни, и после называли камертоном доброты и милосердия.

Писатель Борис Зайцев – одна из значимых фигур Серебряного века – называл его «единственным кандидатом в святые от литературы».

Он был безмерно талантлив, он обогатил не только русскую, но и мировую литературу изумительными романтическими поэмами и гениальными переводами, он был внимательным и мудрым педагогом, прививавшим своим воспитанникам основы человеколюбия и нравственности. Но, при этом всегда и во всем предпочитал оставаться в деликатной полутени, ничуть не тяготясь, а, наоборот, прославляя ее спасительный покров. Если бы у него спросили, как бы он хотел, чтобы его вспоминали, он, наверно, мягко улыбнулся и ответил... хорошо известными строками:

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.*

Я уверена, что он ответил бы именно так. Тихая благодарность потомков была бы для него самым лучшим благословением и памятью потомков. И все же...

Любят Василия Андреевича Жуковского, но какой-то уж слишком тихой любовью. «Мы вас любим в глубине души. Так глубоко, что я этого не вижу», – расхожая фраза из известного фильма как нельзя лучше подходит к этому человеку. Не сравнить любовь к нему с любовью к его младшему современнику и ученику – Александру Сергеевичу Пушкину. Почему? Отчего такой «нешумной славы человек»? Может быть оттого, что слава его началась с тихих, умиротворенных стихов.

*Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.*

А может быть оттого, что родился он в слишком уж тихом сельце Мишенском, что в трех верстах от Белёва, где на высоком холме, в окружении зарослей сирени стоял помещичий дом, а рядом церквушка, чей звон вечерами являлся единственным нарушителем тишины.

Владельцем села Мишенское был богатый помещик Афанасий Иванович Бунин – образованный, начитанный человек, отставной офицер. Некоторое время он был даже предводителем дворянства Белёвского уезда. В его доме была большая библиотека.

После Турецкой войны в его доме появилась новая служанка – тоненькая, черноглазая шестнадцатилетняя Сальха.

Поговаривали, что какой-то крестьянин села Мишенское, собираясь на войну и пришедши проститься со своим господином, спросил: «Батюшка, Афанасий Иванович, какой привезти тебе гостинец, если посчастливится мне вернуться?»

Бунин ответил шутя: «Привези мне, брат, хорошенькую турчаночку, вишь, жена моя совсем состарилась». Но крестьянин всерьез воспринял эти слова. Не только сам воротился, но и привез барину из похода двух очаровательных турецких девушек – шестнадцатилетнюю Сальху и ее одинадцатилетнюю сестру Фатьму. Младшая девочка скончалась год спустя, а Сальха...

Барин стал проявлять к хорошенькой служанке знаки внимания, а потом и вовсе не на шутку влюбился. Тем временем наступила черная полоса в жизни семейства Буниных. Умер их единственный сын наследник Иван, в котором родители души не чаяли. Жена Бунина, Мария Григорьевна была в отчаянии. Морозным вечером в конце января (по ст. стилю) к хозяйке явился слуга и доложил: «Турчанка сына родила!».

Досада и обида вновь запылали в душе Марии Григорьевны. Не утихло еще горе от потери сына, а тут – на тебе! Бедная женщина была вне себя от ярости. Но через несколько минут задумалась.

– Никак, Божье провидение! – осенило ее. И, собравшись с силами, она подошла к смущенному Афанасию Ивановичу: – Господь послал нам сына вместо умершего Ивана. Будем растить его как должно.

И, отвернувшись, стала глядеть в замерзшее окно. На нем расцвели морозные узоры и слезы женщины, высыхая, тоже оставляли похожие белые разводы. Начинались новые сутки, новый день...

Фамилию и отчество мальчику дал крестный отец – друг Афанасия Ивановича, дворянин Андрей Григорьевич Жуковский.

В семилетнем возрасте Василий написал первые стихи. Душа его с детства была настроена на лирический лад, и особую привязанность он питал к бесценной маменьке – Сальхе, которая при крещении получила имя Елизавета Дементьевна Турчанинова.

Когда Василию исполнилось 14 лет, он поступил в только что открывшийся благородный университетский пансион в Москве. С инспектором пансиона Антоном Антоновичем Прокопович-Антонским Мария Григорьевна была хорошо знакома. Антон Антонович задал мальчику несколько вопросов и по его ответам определил уровень знаний. Василий отвечал блестяще! Прокопович-Антонский обнял его и сказал: «Поздравляю тебя, Василий. Беру в пансион и определяю под свое покровительство!»

Через четыре года Василий Андреевич великолепно окончил учебу в пансионе. Он поработал недолго в Москве, а затем вернулся в Мишенское, где решил посвятить себя литературной работе. Он никого не расталкивал локтями, пробиваясь вперед. Просто так распорядилась Судьба – его в необходимый момент замечали.

Это произошло в 1802 году. В то время набирало силу литературное направление – сентиментализм. Ярким представителем его был английский поэт Томас Грей. Василий Андреевич знал английский язык в совершенстве и решил перевести его стихотворение «Сельское кладбище» на русский.

Редактор популярного в то время журнала «Вестник Европы» Николай Карамзин опубликовал перевод на страницах журнала.

В 1805 году Мария Григорьевна попросила Василия стать учителем двух его сводных племянниц – 12-летней Маши и десятилетней Саши. Жуковский был очень хорошим учителем и воспитателем. Через некоторое время сестры бегло говорили на французском и немецком, знали основы философии и математики. Мать девочек, Екатерина Афанасьевна, вместе с заботой об образовании дочерей, лелеяла мечту о выгодном браке для них, потому что финансовые дела в собственной семье шли плохо. Особенные надежды она возлагала на старшую, Машу, которая уже исполнилось 17. Матери все время казалось, что дочь плохо учится, что учитель уделяет ей меньше времени, чем младшей. Маша, бывало, заливалась слезами на уроке.

Попадало и Жуковскому, мол, слишком мягок и нетребователен к воспитанникам. А учитель молчал и краснел, не смея признаться даже самому себе, что влюбился в ученицу. Да, Василий Андреевич Жуковский был очень тихим человеком. Эх, взыграла бы в нем янычарская кровь, добился бы он возлюбленной, несмотря ни на какие преграды – украл, увез бы за тридевять земель! Но он, как и полагается воспитанному человеку, решил просить руки Маши у родительницы. Как и ожидалось, она решительно отказала, заявив, что по родству эта женитьба невозможна. Более того, она запретила сводному брату даже упоминать о своих чувствах.

Но любовь к Марии Андреевне Протасовой Жуковский пронес в своей душе через всю жизнь. Даже, вышедши замуж за другого, она оставалась его музой, поэтической мечтой. У него всегда при себе был ее портрет. В 30 лет Мария Протасова (Мойер) умерла при родах, на следующий день после своего дня рождения. Василий Андреевич тяжело пережил ее смерть. Он написал стихотворение, названное «19 марта 1823», в котором оплакивал безвременно угасшую жизнь. На могиле Марии Мойер, Машеньки Протасовой, установлен православный крест с распятием, выполненный по эскизу Жуковского.

В 1812 году Василий Жуковский вступил в Московское ополчение и прошагал с ним до Тарутино. Здесь он пишет поэму «Певец во стане русских воинов». Уже первые варианты разошлись по армии в списках. Многие заучивали поэму наизусть.

*О, родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?*

За героизм, проявленный в сражении, Василий Жуковский был удостоен звания штабс-капитана и награжден боевым орденом Святой Анны 2-й степени на оружие. Этот, пожалуй, самый тишайший из русских поэтов в минуту военных испытаний проявлял беспримерную доблесть и отвагу.

А еще он был очень незлобив и по-настоящему добр. Прочитав в журналах «Сын Отечества» и «Вестник Европы» стихи юного лицеиста Александра Пушкина был искренне восхищен его талантом и предсказал ему великое будущее. «Я был у него на минуту в Царском Селе. Он мне обрадовался и крепко прижал мою руку к сердцу. Это надежда нашей словесности...», – писал Жуковский в письме к Вяземскому.

Громкая слава об авторе «Певца во стане русских воинов» докатилась до царского дворца. Императрица Мария Федоровна, прочитав поэму, решила познакомиться с Жуковским. Он был приглашен во дворец, и своими глубокой эрудицией, скромностью, обходительностью произвел самое благоприятное впечатление.

В 1825 году Жуковский стал наставником будущего императора Александра Второго. И воспитание наследника считал целью всей оставшейся жизни. Вместе с многочисленными переводами и романтическими балладами, он написал слова гимна «Боже, царя храни!».

Современники отмечали взлет его творчества в этот период. Он совершает заграничные поездки, но его никогда не оставляла мечта посетить свою малую родину – Тулу и Белев. И вот мечта осуществилась.

В 1837 году наследник престола завершил обучение. Решено было отправить его в путешествие по России, которой он в будущем должен был управлять. В свиту был включен и Жуковский. Программа путешествия предусматривала осмотр достопримечательностей, монастырей, соборов, больниц, тюрем. 8 июля кортеж наследника прибыл в Тулу. Цесаревича встречали горожане, духовенство, представители дворянства. Гости осмотрели Тульский Кремль, Успенский собор. На Жуковского встреча с родными местами произвела незабываемое впечатление. С большим волнением ехал он в Белёв, где его ждали друзья и родственники, которых он давно не видел. Встреча

возбудила в душе Жуковского множество воспоминаний и чувств. Но это был его последний приезд в родные места.

Через четыре года он вышел в отставку и получил от Николая 1-го разрешение на бессрочное пребывание за границей, «где он найдет для себя удобнее и приятнее». И, наконец-то, Жуковский решился создать собственную семью. В 1841 году он женился на дочери немецкого художника Рейтерна, которая была почти на сорок лет моложе него. После венчания молодые уехали за границу. И после уже не возвращались на Родину.

В 1855 году его воспитанник стал царем. Первым же своим указом он помиловал участников декабрьского восстания. Крестьянская реформа 1861 года, строительство железных дорог, армейская и судебная реформы, отмена телесных наказаний в 1863 году, образовательная реформа. Все было не во вред, а на благо народа. Так правил царь Александр Второй Освободитель, воспитанный гуманистом Василием Жуковским. И оба поплатились за свой гуманизм. Царь-освободитель был убит террористом в 1881 году, а Жуковский...

Когда в 70-х- начале 90-х годов прошлого века в стране вовсю бушевали дни поэзии и поэтические праздники в честь Пушкина, Некрасова, Тютчева, Лермонтова и других великих поэтов, о Василии Андреевиче Жуковском особо не упоминали. На все уговоры приходил ответ из вышестоящих органов: «Нельзя. Жуковский – воспитатель царя».

И только в 1983 году, когда отмечалось 200-летие поэта, и по решению ЮНЕСКО этот год был объявлен годом Жуковского, лед тронулся. Началась подготовка к юбилею. В Белёве был открыт бюст поэта, установлен памятный знак на том месте, где стоял его дом. В селе Мишенском был также установлен памятный знак. В Белёвском краеведческом музее воссоздана комната поэта из его белевского дома. На поэтические праздники приезжали люди из разных областей страны, читали стихи, отдавали дань памяти поэту.

Так было до перестройки, когда снова все прекратилось. И только уже в 21-м веке в Мишенском вновь зазвучали стихи Жуковского.

24 апреля 1852 года в Баден-Бадене перестало биться сердце Василия Андреевича Жуковского – больного, слепого, шестидесятидевятiletнего человека, выглядявшего дряхлым стариком. Впрочем, в то время старились быстрее. И выросли раньше.

Похоронили его на загородном кладбище в склепе, украшенном строками его стихотворения. А в августе того же года тело кремировали и слуга Жуковского перевез прах господина в Петербург. Поэт, переводчик, педагог, наставник будущего императора, попечитель и радатель за всех своих друзей и знакомых, упокоился в Александро-Невской Лавре близ могилы Николая Карамзина.

Супруга Жуковского – Елизавета Алексеевна пережила мужа на четыре года. Дочь Александра Васильевна, которую отец называл «гениальным ребенком», получила блестящее образование, была принята во дворе и стала фрейлиной. Сын Павел Васильевич стал художником, принимал участие в устройстве Русского музея в Петербурге и Музея изобразительных искусств в Москве.

Зимой 2018 года я была на экскурсии в Некрополе мастеров искусств в Александро-Невской лавре. Тоненькая девушка-экскурсовод, взмахивала огромными ресницами и быстро говорила заученные фразы. Было морозно, и чувствовалось, что каждая фраза дается ей с трудом. Мы быстро обежали аллеи писателей, художников, композиторов, артистов и вновь вернулись к писателям. Девушка уже облегченно вздохнула и хотела попрощаться с нами, как вдруг спохватилась, словно вспомнила что-то.

– Я забыла вам рассказать один удивительный факт о Жуковском. – Она положила руку на голову одного из четырех каменных херувимов по углам надгробия. – Василия Андреевича называли ангелом-хранителем. Поэт Константин Батюшков был болен острым душевным расстройством, которое, в конце концов, привело к полному безумию. В какое-то время состояние Батюшкова стало таким, что Жуковский выхлопотал для него место в психиатрической лечебнице в Германии и сам повез его туда. Батюшков никого не допускал к себе, кроме Жуковского, ни на чье общество, кроме его не соглашался. Даже сестра Батюшкова ехала отдельно, а Василий Андреевич всю дорогу с больным, держа его руки в своих. Батюшков только ему доверял... А больные люди сразу чувствуют добро и зло.

Она умолкла и почему-то стянула черную шерстяную перчатку. Потом снова положила руку на маленького херувима.

– Вот такой он был, Василий Андреевич. Ангел-хранитель.

– Заботливый. Большое сердце, видно, у него было, – выдохнул кто-то их экскурсантов.

В тишине стало слышно, как падает снег. Голова херувима быстро покрылась маленькой белой шапочкой.

Будто заботливый отец укрывал своих детей от холода и тревог этого мира.

P.S. Верно сказано: «бывают странные сближенья»

Борис Зайцев, называвший Жуковского «единственным кандидатом в святые от литературы», родился 10 февраля, на следующий день после Жуковского. Только, конечно, с большой разницей в годах.

И дата 10 февраля навсегда вошла в жизнь Василия Андреевича смертью любимого ученика – Александра Сергеевича Пушкина...

При написании статьи использована книга Афанасьева В.В. «Жуковский» в серии ЖЗЛ (1986 г.изд.) и некоторые материалы из интернета. Автор благодарит за предоставленные материалы.

И еще... В качестве озорного постскриптума, чтобы несколько снизить градус серьезности!..

Есть одна пикантная история из жизни Жуковского, которую я не решилась вставить непосредственно в текст статьи. Но здесь, в приложении, я могу ее рассказать, потому что она свидетельствует, в первую очередь, о находчивости нашего героя!

Собственно говоря, это исторический анекдот и вариации его деталей разнообразны. Но суть одна.

Как-то государь император Николай Первый, цесаревич Александр и Василий Андреевич Жуковский совершали прогулку в карете по улицам Петербурга.

Поездка была не в фешенебельной части города, и молодой цесаревич увидел на заборе известное слово из трех букв. И спросил у своего наставника, что оно означает.

Тут уже государь император с интересом взглянул на Жуковского: как тот выпутается.

Жуковский, не теряя самообладания, ответил: «А это, Ваше Высочество, повелительная форма глагола «ховать».

Цесаревич удовлетворился, а государь император не промолвил ни слова.

Но, когда подъехали ко дворцу и мальчик выпрыгнул из кареты первым, то император отстегнул золотые часы, что висели у него на цепочке на жилетке и протянул Жуковскому со словами: «... в карман!»

ЖЕМЧУЖИНА ВО РТУ ВРЕМЕНИ

Его называли гномом. И небезосновательно. У него была несоразмерно большая, лобастая, словно вдавленная в плечи голова, массивный, будто топором вырубленный подбородок, крупный, вислый нос и глаза – неимоверно синие, пронзительные. Светила, а не глаза. Тяжелый взгляд их прожигал насквозь.

Он родился 19 февраля (3 марта) 1899 года в Елисаветграде (ныне Кропивницкий) в семье обедневших белорусских дворян. Родным языком его был польский. Некую шляхетскую горделивость и даже тщеславие он сохранил до конца жизни, когда уже был неряшливым, сильно пьющим стариком с выпавшими зубами. Даже таким он гордо отказывался от любых попыток оказать ему помощь, если чувствовал в них жалость или барскую снисходительность. А в молодости (и даже в зрелые годы) на вопрос, почему он не едет навестить родителей в Гродно, отвечал:

– Не сейчас. Я поеду к ним, когда у меня будет много славы и много денег, чтобы весь город говорил: к Олешам приехал сын.

И в детском тщеславии своем был искренне уверен, что именно такой приезд порадует его родителей. Он всю жизнь ждал, что случится нечто ослепительное, как сверкающий подарок судьбы. Если слава – то мировая, если деньги – то немереное количество, если удача – то во всем. В юношеском максимализме был весь он – Юрий Карлович Олеша, человек, подаривший миру мудрую и прекрасную сказку «Три Толстяка».

И лучше всего рассказавший о себе сам...

«Я родился в 1899 году, то есть на рубеже двух столетий. Во-вторых, окончил гимназию, то есть вступил в зрелость в том году, в каком произошла революция. И, в-третьих, я – интеллигент. Наследник культуры, которой дышит весь мир и которую строители нового мира считают обреченной на гибель».

Это запись из дневника Юрия Олеша за 1931 год. Он уже был автором «Трех Толстяков» и великолепного романа «Зависть», драматургом МХАТа и Театра им. Вахтангова. Его последние пьесы репетировал Всеволод Мейерхольд, а ведущие режиссеры и издатели с нетерпением ждали новых работ! Но из-под его пера выйдут только отрывочные наброски, газетные очерки и дневники.

«В мою жизнь уже многое вместились, – писал Олеша в те годы. – Например, день смерти Толстого в 1910 году и тот день, вчера, когда я увидел девушку, читавшую «Анну Каренину» на эскалаторе метро. История моей жизни – это история человека, бывшего довольно известным писателем в некоторую эпоху в Советском Союзе».

«Некоторая эпоха» была обозначена границами: конец 1930-х годов. В это время посчастливилось уцелеть Олеше как гражданину, но не писателю.

«Я был молодым, у меня было детство и юность. Теперь я живу никому не нужный, пошлый, нищий и ничтожный. Как-то у меня спросили: «Правда, что вы написали автобиографический роман?» Я ответил: «Нет». «А еще писатель», – обиженно протянули в ответ. Что же мне делать? Может, и вправду написать такой роман, раз публика требует?»

Мать – Олимпия Владиславовна – польская дворянка. Отец – Карл Антонович – белорусский дворянин. Оба рода – и материнский, и отцовский – древние, но обедневшие. Есть старшая сестра – утонченная красавица Ванда.

В 1902 году родители с Вандой и трехлетним Юрой переехали в Одессу. Этот южный волшебный город – окно, из которого виден весь мир. Одессу Юрий Карлович будет с нежностью вспоминать всю жизнь.

*На небе догорели янтари,
И вечер лег на синие панели.
От сумерек, от гаснущей зари
Здесь все тона изящной акварели...*

*Как все красиво... Над листвою вдали
Театр в огнях на небе бледно-алом.
Музей весь синий. Сумерки прошли
Между колонн и реют над порталом...*

«В детстве я жил как бы в Европе и ожидал, что путешествия будут самым легким делом моей жизни, и что мир принадлежит мне».

1905 год – год первой русской революции – стал воспоминанием с запахом пороха и дыма. Юрий Олеша поступил в Ришельевскую гимназию, стал одним из лучших учеников. Очень любил играть в футбол, но врачи запретили ему это, обнаружив невроз сердца. Запрет оказался не последним. С футбола Олеша перешел на стихи. Писал, очарованный творчеством Гумилева. Тот воспевал страны, в которых Олеша мечтал побывать: Абиссинию, Африку, Левант, Грецию. Но пришел запрет от директора гимназии. *«Вы никогда уже не будете писать, – сказал он мне. – Подлец!»*

Гумилева расстреляли в 1921г. И в очередной литературной биографии Олеша напишет, что стихов с «гумилиятиной» никогда не публиковал. А потом и вовсе от них откажется...

Ужасы Первой Мировой сменил ветер революции. 18-летний Олеша воспринял ее с воодушевлением. В представлении таких, как он, молодых людей революция была чем-то вроде веселого, разноцветного карнавала, на котором одни флаги сменяют другие, все куда-то мчатся, поют, рвутся совершать великие дела. Это весело. Так, во всяком случае, казалось им... Но алые будни революции сменил красный террор. И это было уже не так весело. *«Знаете ли вы, что такое террор, – писал Олеша в своих дневниках. – Это огромный нос, который смотрит на вас из-за каждого угла. И смерть становится чем-то обыденным. Моя сестра Ванда умерла в 1918 году от тифа, заразившись от меня. Я выздоровел, она нет. Я смотрю в прошлое и вижу – сестра... Утешать меня в эти черные дни пришел Багрицкий. И мы читали стихи».*

Через 15 лет на похоронах Багрицкого Олеша будет шептать про себя пророческие чеканные строки:

*Мы – ржавые листья
На ржавых дубах...
Чуть ветер, Чуть север –
И мы облетаем.
Чей путь мы собою теперь устилаем?
Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?
Потопчут ли нас трубачи молодые?
Взойдут ли над нами созвездья чужие?
Мы – ржавых дубов облетевший уют...
Бездомною стужей уют раздуваем...
Мы в ночь улетаем!
Мы в ночь улетаем!
Как спелые звезды, летим наугад...*

Но это будет спустя 15 лет, в 1934 году. А пока мир вокруг стремительно менялся. Поэт Олеша учился в университете и, подражая Игорю Северянину, выступал в кабаре. Жизнь улыбалась, обещала перемены.

«К нам доходили слухи об удивительной деятельности поэтов в Москве. Как очарованные мы слушали о Маяковском и чувствовали, что искусство начинает приобретать новое значение».

В 20 лет Олеша вместе с Валентином Катаевым, Ильей Ильфом, Эдуардом Багрицким и другими молодыми писателями создает «Коллектив Поэтов».

И, конечно же, вечный атрибут к образу поэта – несчастная любовь. Олеша познакомился с тремя сестрами Суок – дочерьми одесского преподавателя музыки Густава Суока. И совершенно потерял голову от младшей – томной красавицы Серафимы, Симочки. Она станет гражданской женой Олеша. Но ответного чувства в ней не вызвал.

В эпоху новой экономической политики стало еще хуже. Сима Суок – жена начинающего литератора, не желала мириться с полунищенской жизнью. И дальше события разворачивались, как в авантюрном романе, где выдумки прочно переплелись с былью.

То ли в коллектив поэтов входил какой-то нэпман, то ли с ним где-то познакомилась Сима. То ли он прельстил Симу продуктовыми карточками и деньгами, то ли Сима сама воспылала к нему страстью и ушла от мужа – не известно. Но так или иначе, Олеша стал обманутым и покинутым мужем, а Сима радовалась жизни вместе с нэпманом. В первые годы революции все старое уничтожалось, и мораль в первую очередь. В новом времени, где правила теория «стакана воды», легко встречались, легко сходились, легко сожительствовавали, легко расходились. Но Олеша не хотел терять Симу. Поэтому то ли Валентин Катаев пошел к нэпману сам, просить за друга, то ли вместе с Олешей и ревнованцем. Требование было простое: «Верни Симу, сволочь!» Сима ушла от нэпмана и вернулась к Олеше с кое-какими вещами, деньгами и продуктовыми карточками. Вновь счастливые, они переехали в Харьков, где Олеша стал сотрудником газеты «Гудок» вместе с Катаевым, Ильфом и Петровым. Под псевдонимом «Зубило» Олеша снискал невероятную популярность своими стихотворными фельетонами.

А Симу между тем снова увели! На сей раз известный поэт Владимир Нарбут. Но, впрочем, Сима, разбив сердце Нарбуту, снова вернулась к Олеше! И тогда Нарбут, посвятивший Симе проникновенные строки: «Мне хочется о вас, о вас, о вас/Бессонными стихами говорить», пришел к Олеше и сказал:

– Я прошу вас, Юрий Карлович, вернуть мне Симу, иначе я здесь сейчас застрелюсь!

И Юрий Карлович вошел в комнату жены со словами:

– Сима, надо идти. Он говорит, что застрелится!

Так роковая Сима стала официальной женой Нарбута. А несчастного Олешу утешала другая сестра Суок – Ольга. Утешение переросло в близость. Ольга Густавовна Суок прожила рядом с Олешей всю жизнь. И сберегла весь его архив (а Олеша писал беспрестанно: на салфетке, на бумажке, на краях газет). Все это сохранила Ольга Густавовна.

В 1923 году Олеша и Илья Ильф перебрались в Москву. Жили в крохотной комнатке при типографии «Гудка».

По легенде, весной 1924 года Юрий Олеша увидел в окне девочку лет 13-ти. Она читала сказки Андерсена. Олеша был очарован, познакомился с этой девочкой, пообещал написать лучшую в мире сказку и посвятить ей. Обещание обернулось романом «Три Толстяка». *«Я писал, лежа на полу, пользуясь типографским рулоном. Он накачивался на меня, я придерживал его рукой, другой рукой писал».*

В этой сказке был намек и на недавнюю революцию, и на фамилию Суок, ставшую именем героини. «Три Толстяка» посвящены Валентине Грюнзайд, той самой девочке с книгой. И... судя по тому, что обещанная сказка вылилась в целый роман, увлечение было серьезным. Друзьям Олеша говорил: «Я рашу себе невесту».

Но через несколько лет на Вале Грюнзайд женился Евгений Петров, соавтор Ильфа. Олеша затаил обиду. Посвящение из сказки на некоторое время исчезло.

«Три Толстяка» еще не были опубликованы, а Олеша принял за новый роман.

Это было повествование о том, как поэт Кавалеров не может приспособиться к новому времени, о новом человеке Андрее Бабичеве и о великой зависти Кавалерова к Бабичеву.

Слава подхватила Олешу. Один за другим были напечатаны романы. Ведущие театры страны умоляли написать сценарии к ним. «Три Толстяка» пошли во МХАТе, «Зависть» – в Театре им.Вахтангова. Но вместе со славой росло и самомнение. Однажды Олеша пришел в кассу получать гонорар. Но забыл паспорт дома и стал уговаривать кассиршу выдать ему деньги без документа. Кассирша отказалась:

– Я сейчас вам выдам, а завтра придет другой Олеша и тоже потребует гонорар, и что мне делать?

– Не беспокойтесь, – ответил Юрий Карлович. – Другой Олеша появится не раньше, чем через четыреста лет.

«Я зарабатываю много, – писал он в дневниках, – и могу каждый день пировать. Но никакого праздника нет, ни внутри, ни снаружи».

В конце 20-х годов Юрий Олеша был вхож в самый узкий круг признанной богемы. Два человека оставили в его жизни неизгладимый след. Это были Маяковский и Мейерхольд. Для Мейерхольда в 1929 году он хотел написать пьесу, но все разительнее чувствовал разлад между душевными исканиями интеллигента и временем больших советских строек. Это чувство усилилось после 14 апреля 1930 года.

«Я помню чувство осиротения, которое испытал, когда мне сказали, что час назад застрелился Маяковский. Боже мой! Навсегда? Это навсегда?..»

Пожалуй, самыми страшными, страшными в своей обыденности являются строки из дневника Олешы, посвященные Маяковскому: *«Вдруг стали слышны из его комнаты громкие стуки. Так могут рубить, казалось, только дерево. Мы слушали в тишине, полные ужаса. Затем из комнаты вышел человек в белом халате и сапогах. И этот человек нес таз. В тазу был мозг Маяковского».*

Пьеса для Мейерхольда не давалась. И хотя режиссера все устраивало и пьеса «Список благодетелей» была поставлена в репертуар, Олеша был недоволен, десятки раз правил текст. И в эти годы он с раздражением запишет в дневнике: *«Я увидел, что революция совершенно не изменила людей. Литература окончилась в 1931 году. Я пристрелился к алкоголю».*

Он хотел писать, но не знал, о чем. Не вписывался в формат эпохи и был ею запуган. Признаки писательской жизни были: он писал статьи, рецензии, но его подлинной литературой стали дневники. *«У меня рак воображения. Новые клетки поедают старые. И мне совестно, что я ничего не публикую».*

Это был конец. Воображаемый рак поглотил бы его всего. Он стал бы тем, что подсовывал публике вместо себя. Но вмешался случай... В 1934 году проходил Первый съезд советских писателей. Несмотря на трехлетнее молчание, Олеше предоставили трибуну для выступления. Речь его, где он дал себе и присутствующим слово писать о молодежи, об особенностях ее характера, была одобрена. Олеша сразу бросился в работу над сценарием к фильму «Строгий юноша». Мысли, чувства передовой советской молодежи были показаны в нем ярко и выпукло. Фильм получился замечательным. Режиссер Абрам Роу слал Олеше восторженные телеграммы.

Но наступил 36-й год – время борьбы с формализмом. Тысячи доносов поступили на Лубянку. Были среди них доносы и на Олешу. Вот, например, один из них:

«Олеша, который находится в состоянии литературного маразма, напишет все, что угодно, лишь бы его считали советским писателем, поили-кормили и дали возможность лишний год скрывать творческую пустоту».

Фильм «Строгий юноша» положат на полку на 30 лет. Олешу вычеркнут из литературы на 20. Наступал 37-й год.

Виноваты были все. И за всё. Если человек ничего не делал, его могли посадить за бездеятельность в отношении власти, если человек служил власти, его сажали за то, что он не так служил.

«Я больше не могу писать. Если я напишу, что была плохая погода, мне скажут, что погода была хорошей для хлопка».

Такая обстановка многих сводила с ума. Пасынок Олеси, сын его жены Ольги Суок от первого брака, выбросился из окна.

Ударом для Олеси стал арест его друга Всеволода Мейерхольда, и после – смерть жены режиссера, актрисы Зинаиды Райх.

Олеша выжил. Но черты лица его изменились, их словно бы навеки сжег огонь тех лет. И взгляд стал еще более пронзительным.

«Меня приучают прятать свое мнение. От этого трудно жить».

Когда началась война, он записал в дневнике: *«Я бы хотел быть убитым».*

На фронт его не отпускают. Эвакуируют вместе с женой в Ашхабад. Вернувшись оттуда, они поселятся у вдовы Ильфа. Олеша будет вымучивать из себя статьи и рецензии. Будет запуган, неряшлив, забыт и пьян. Прошлого уже не было, будущее стремительно исчезало для него, настоящее переставало быть настоящим.

Олеша дождется хрущевского времени. В 1956 году с его имени снимут запрет. Снова издадут «Трех Толстяков» и «Зависть». Но за эти 20 лет Олеша окончательно вжился в роль нищего. В 57-м он будет сидеть в кафе «Националь» с чашкой кофе, рюмкой водки или стопкой коньяка. Известные люди почтут за честь провести время в компании Юрия Карловича. Рассказчиком он был отменным, а о его литературных афоризмах ходили легенды. Один из них: *«Писатель – жемчужина во рту времени»*, его цитировали наиболее часто.

Но время уже запустило обратный отсчет. 10 мая 1960 года Юрий Карлович Олеша умер от инфаркта. От него остались роман «Зависть», несколько пьес, экранизаций, рассказов, множество стихов и тысячи страниц дневниковых рукописей. Из этих записей впоследствии была собрана знаменитая книга «Ни дня без строчки» и «Книга прощания».

У него был свой голос, свое мышление, свой характер и ирония: этого достаточно, чтобы писатель остался в памяти.

И, конечно же, осталась бессмертная сказка «Три Толстяка» – ликующая поэма о свободе и о стремлении к счастью.

*Смеяться? Сказать? – кому бы,
Кому в глухое оконце? –
Солдаты прошли, и на трубах
Кричало о счастье солнце...*

*А сверху, чтоб было жарче,
С балкона, где мопс на цепочке,
Осколком зеркала мальчик
Солнце разорвал на кусочки.*

P.S. На вопросы шутильной блиц-анкеты Олеша как-то ответил, не задумываясь:

– Самое великое литературное произведение? – «Гамлет» Шекспира.

– Самый великий режиссер? – Всеволод Мейерхольд.

– Самые великие поэтические строки, когда-либо созданные? – «В моей руке – какое чудо! – Твоя рука». (А. Фет)

Может, счастье лишь в малости: доверившейся руке?..

При написании эссе были использованы воспоминания и дневники Ю.К. Олеси, запечатленные в книгах «Ни дня без строчки» (М., «Советский писатель», 1965 г.), и «Книга прощания» (М., «Вагриус», 1999 г.), воспоминания современников о Ю.К. Олеше. Автор приносит благодарность за использованные материалы.

МАГДАЛИНА ГРОСС

АЗЕРБАЙДЖАН. ВЕЛИКАЯ СТРАНА. ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

(Воспоминания из детства)

1974 год

Я живу у бабушки. Она очень добрый и в то же время строгий человек. Всю войну прошла, как ни говори!

Конфеты мне, конечно, покупаются, но выдаются строго по одной штуке в день. Аристократичная бабушка однозначно предпочитает зрелища хлебу, поэтому мы часто ходим в местный Дом культуры. Бабушка обожает балетные постановки, и поскольку их ставят довольно часто, а ходить одной, безусловно, скучно. Поэтому я являюсь для неё «бесплатным провожатым». Правда, роль моя на этом и заканчивается. Как только артисты на сцене начинают выделять па, бабушкин взор устремляется на них. Я же, сидя рядом с ней, благополучно... засыпаю. Право же, Чайковский и Минкус, наверное, никогда не думали о том, что их музыка кому-то будет служить колыбельной.

Больше всего я люблю, когда бабушка по вечерам достаёт из старого шкафа пластинки – чёрные, твердые диски времен её молодости. На это священнодействие я могу смотреть хоть каждый вечер. Вот бабушка снимает крышку с патефона, вот вставляет иглу, вот крутит ручкой – и... из коробочки раздаётся музыка. Петр Лещенко, Вадим Козин, «Рио Рита», «Смеющийся саксофон» – весь репертуар я знаю наизусть и готова слушать ещё и ещё. Мне нравятся эти старые пластинки, для меня они – что-то вроде чуда.

1977 год

Мы переезжаем на новую квартиру. Вернее, переехали мы годом раньше, и теперь бабушка живёт с нами. А в третьей комнате живёт ещё и прабабушка! Привычка к тихой размеренной жизни плохо соотносится с тем, что теперь у нас не дом, а вечно бурлящий чайник. Или муравейник. И что на кухне вечно кто-то колготится.

Что ни день – то событие! Вот родители купили стенку. Она сразу забивается книгами, посудой, какими-то чертежами и Бог его ведаёт, чем ещё. Но самое главное – отдельный отсек (целый отсек!) отводится под... пластинки.

Нет, это не те пластинки, что когда-то стояли в стареньком бабушкином шкафу. Это – большие блестящие диски, каждому из которых полагается иметь свой собственный «кармашек» из картона. И на каждом кармашке имеется картинка или фото. Вспоминая, сколько вечеров мы скоротали под мелодии с пластинок, я благоговейно перед этими дисками, которые теперь стали намного тоньше тех, что были у бабушки. Да и проигрывать их теперь надо на совершенно другом устройстве. Ручки у него нет, и включается он в сеть. Иголки же там практически не видно. Чудеса!

В один прекрасный вечер мать приносит пластинку, на упаковке которой есть фото певца с чёрными волосами. «Муслим Магомаев», – читаю я вслух. А мать после ужина моет посуду, приходит в комнату и вытаскивает пластинку из «конвертика». Протерев её тряпочкой с ворсом из велюра, она опускает на неё иголку, и...

«Ты моя мелодия, я твой преданный Орфей...» – доносится до моего слуха. Это какое-то чудо. Совершенно необычный голос завораживает, манит за собой. Он не

похож ни на Лемешева, ни на Козина, он вообще ни на что не похож!

Песня заканчивается, после неё идёт следующая, но я начинаю требовать: «Поставь ещё раз! Вон ту! С мелодией!»

Мать удивлённо смотрит на меня, пожимает плечами и... переставляет иголку на краешек пластинки снова. Вновь звучит уже знакомая песня, а я сижу на диване и кайфую.

В силу возраста я не очень понимаю то, о чём поёт красивый дядя с обложки пластинки. Воображение рисует мне, что он благодарен музыке (ну, как же! Я ведь уже учусь в музыкальной школе и кое-что уже знаю!). Ведь мелодия – это прежде всего музыка. Кто такой Орфей, мы ещё не проходили, но меня это совершенно не смущает. Мне нравятся сама песня и голос. Я закрываю глаза и пытаюсь повторить слова, которые уже слышала.

– Да... – задумчиво глядя на меня, говорит моя строгая родительница. – Магомаев – это великий певец!

1984 год

Лето... Жара...

Но у меня сегодня праздник – на теплоходе в наш город приезжает тётушка со своей подругой. Фазиль Искандер в одном из своих произведений сказал так: «Мама – это долг, а тётя – это праздник». Вот точно! Для меня приезд тёти – это больше, чем праздник!

Одно плохо: тётушка в нашем городе будет проездом. Вернее, «проплывом». Она и её подруга Наташа прибывают к нам на теплоходе «Илья Репин», а он стоит всего четыре часа. Поэтому не они поедут к нам в гости, а мы поедем к ним.

И вот я шагаю по широкому трапу огромного белого красавца-теплохода. Мы сидим в каюте, едим мороженое, взрослые разговаривают, я слушаю их и вдруг...

По местному радио звучит знакомая «Мелодия». Незаметно для себя я начинаю подпевать Муслиму Магомаеву и не сразу замечаю, что подруга тётушки внимательно смотрит на меня.

– Ты знаешь, кто такой Магомаев? – удивлённо спрашивает она.

– Ну... – смущаюсь я, – певец такой. Я его песню вот эту очень люблю.

– Это видно, что любишь, раз знаешь наизусть слова, – одобрительно говорит тётя Наташа. – А что ты ещё знаешь о нём?

Я молчу. С уже известной пластинки я прослушала все песни, но почему-то запомнила только эту.

– Хочешь, я кое-что расскажу тебе? – спрашивает тётя Наташа. – Пошли на палубу, не будем мешать остальным.

Мы выходим из каюты. Тётя Наташа очень красива. С ней очень приятно поговорить, и чувствуется, что она действительно много где была и много знает. Она начинает рассказывать мне про Муслима Магомаева, про его жену Тамару Синявскую и про то, что песня «Мелодия» была посвящена именно ей.

Я стою и слушаю, слушаю, даже не представляя себе, что этот рассказ врежется в мою память. Что спустя много лет мне захочется написать о тех, про кого я услышала на борту теплохода «Илья Репин», и я буду благодарна судьбе за то, что мне удалось тогда услышать.

Я знаю, что тётя Наташа тоже работает в музыкальной школе под Москвой, что она действительно много ездит и много с кем общается. Как-то раз её в числе других учителей музыки пригласили на вечер, в котором принимал участие Муслим Магомаев.

– После концерта все приглашённые на встречу собрались в отдельном помещении, – говорит меж тем тётя Наташа, – и Муслим Магометович рассказывал о себе. Он вообще очень скромный человек, а это очень большая редкость, когда скромность

и популярность уживаются в одном человеке. И это несмотря на то, что одним из близких друзей Магомаева является Гейдар Алиев.

– Ты знаешь, кто это такой? – вдруг спрашивает тётя Наташа.

Я утвердительно киваю. В своё время наша идеологически подкованная учительница велела выучить нам все фамилии членов Политбюро Советского Союза. А ещё я, бывает, вижу его на экране телевизора. Правда, это случается не часто, и, тем не менее, фамилия Алиева мне очень хорошо знакома.

– А знаешь, это ведь именно Гейдар Алиев очень высоко ценит талант этого певца, хотя Магомаев и об этом рассказывал с большой скромностью. У него и квартиры своей даже не было, пока Гейдар Алиев не вмешался.

Я качаю головой. У нас большая квартира, но в ней живут шесть человек, и своей комнаты у меня нет. Мне, если честно, от этого немного дискомфортно, но чтобы уж совсем не иметь своей квартиры...

Видимо, эмоции живо нарисованы на моём лице, и тётя Наташа продолжает:

– Да, представь себе, это так и было. Жил певец в довольно старом доме. Он сам рассказывал так, что Гейдар Алиев не раз предлагал ему сменить место жительства, но Магомаев отказывался. А тут произошёл такой случай, – улыбается тётя Наташа, – это уже нам Муслим Магометович в качестве весёлой истории из своей жизни рассказал.

Кто-то пожаловался высокопоставленным лицам Азербайджана, что у них в доме завелись мыши, а соответствующие органы бездействуют. Дали поручение – расследовать, действительно ли это было так – и точно! Выяснили, что мыши на прилегающей к домам территории разгуливали более чем свободно! А район оказался как раз тем, где проживал на тот момент Муслим Магомаев.

Сам-то он обо всём этом, конечно, ничего не знал.

– Представляете, – смеялся он, рассказывая нам эту историю, – когда при встрече мой друг (а они действительно дружили с Алиевым крепкой мужской дружбой) неожиданно поинтересовался, нет ли в доме певца мышей. Вся округа, мол, жалуются на серых хвостатых созданий.

Магомаев в ответ удивлённо пожал плечами: дескать, наверное, есть, раз другие об этом говорят.

– Нет, ну, правда, есть? – допытывался Гейдар Алиевич. – Ты серьёзно?

– Представляете, у него на тот момент такие глаза были, – смеялся Магомаев, – словно у нас какие-то чудовища в квартире жили.

– Так ведь они же петь мне не мешают! – пошутил он. – Наоборот, если меня даже мыши внимательно слушают, мне это очень приятно.

– Гейдар Алиевич шутку оценил, но пришёл в ужас, – передавала мне слова певца тётя Наташа, – как же так? Лучший голос Азербайджана и вдруг соседствует с мышами? После этого он не раз неоднократно предлагал Магомаеву помочь обзавестись собственной квартирой, но певец отказывался, объясняя, что всё необходимое у него есть, а чего-то большего ему не надо.

– И только два или три года назад он стал москвичом, – продолжила рассказ тётя Наташа. – Всё-таки уговорил его Алиев переехать, хотя ему и жалко, наверное, было отпускать друга в Москву. Зато теперь мы имеем возможность слушать его! И даже, как видишь, встречаться с ним, – закончила она.

Ах, жизнь... Если бы знать, что порой она может повернуться так, что об ушедшем времени будешь жалеть очень сильно. И дело совсем не в годах. Вместе с ушедшей страной ушла целая эпоха людей. Осталось одно: беречь воспоминания о них.

МАРИЯ-АЛИСА СВЕРДЛОВА

(Москва-Баку)

Город ветров

Открытое небо еще впереди.
За выселком фраз –
настороженность речи.
И светятся дюны, и солнце летит,
Дробится о зубы, колени и плечи.

Я знаю, где волны уходят в песок!
Слепящее небо разрезал маяк,
Соленого солнца гранатовый сок
Стекает в ладони, и ветер обмяк...

Я знаю, где горько,
где жарко, где вольно,
Запутавшись в ветре, раскинулся Город –
Над садом, где зреют зеленые волны,
Где любят жестоко, ревниво и гордо.

Где смуглую девушку в волны уронит
Та Башня из кровью облитых камней,
Где Каспий касается влажной ладонью
Погибшей легенды...

О, Город огней!

Когда жаждой крови взорвался Восток,
Твое ли горячее сердце упало?..
Погибших детей зарывая в песок,
Твоя ли святая земля задрожала?!

Не временем –
вечностью ты облицован!
Какой тебя выдумал страстный художник,
Восточная сказка с печальным лицом?
И как не растратил волос бездорожье,

И речь твою – камни, летящие с гор
В поющую воду вскипевшей Куры,
Глаза, уводящие к черным озерам –
Блестящим колодцам в ночные миры,

И брови, как луков взлетевшие дуги?..
Какой тебя создал Небесный Гончар
И вынес – с какого гончарного круга –
В натруженных улиц грохочущий жар?

Где черная кровь из растерзанных пор
Земли, за которой укрылись столетья.
Три веры земли, за которую спор...
Где храмы огня и негаснущий ветер.

Я верю в Того, чья Звезда воссияла!
Я знаю, где волны хоронят Пророка
И ветер рыдает в гранатовых скалах...
Я верю в летящее Небо Востока!

Меня на свете нет

Из теплых снов Майами
Уйдешь за мной в мой холод,
Где берег, и рассвет,
И сосны Мураками.
Ты будешь прятать голод
Подальше в сны о лете.
Я небо опрокину,
И вылью на ладони
Зеленого вина,
И появлюсь, и сгину,
А ты в траву уронишь
Надежду из окна.
Трезвея горько, вспомнишь,
Что ты теперь согрет,
Но с желтого Майами
Теперь уже не спросишь –
Меня на свете нет...
И «ты» не станет «нами».

А мне говорят

А мне говорят:
Потуши огонь
И живи нормально.
А мне говорят:
Тех, кто пишет, вагон –
Беспорядочно или формально,
Анархистов и высокоморальных
Бумагочеркателей,
Делателей жатв,
Тех, кто ищет, чего не знает.
Не смотри налево, смотри направо,
И живи, как все.
В наш век скоростей
Этой улицей не пройдешь,
Там и так слишком много вас,
Грязи ищущих в небе чистом,
Грозы ждущих в полете к небу,
Чтобы небо в муке
Рожало грады
И низвергало грозы.

А это даже совсем не я,
Оно само, идет из нутра,
Того, что маленькой,
Я слишком была чужой,
Медлительной и бессловесной,
Того, что – книги, и без друзей,
Того, что поздно узнаешь время,
С фонариком на раскопки,
Под одеялом на поиск друга,
Который в книге,
который где-то,
Который точно уже не ждет,
Как снова – в такой палатке
Из одеяла, и ни души.
Под перекааты и перевалы
Шириною в небо
Родится новый, такой другой,
Такой нездешний и беспокойный,
Тот, кому под футбол однажды
Ты скажешь сам уже:
Туши огонь.
Забудь.
И будь.
Как все.
Пока однажды ты сам не скажешь
Кому-то новому:
Туши огонь.
Вас слишком много.
И так
Глаза мозолите,
Бумагу портите.
А мне говорят:
Что такого в тебе,
Что ты, как они, дерзнула.
А мне говорят:
Писать нужно смело,
Писать нужно правду,
А к правде я не уверен,
Что буду готов.
Что материться я не умею
И что без мата –
это совсем не жизнь,
Хоть в книге, да хоть в кино.
А мне говорят:
Живи нормально...

Химия экзамена

Через головы стихоплетов,
По телам сказителей,
Расталкивая самолеты,
Ищу – Учителя!

**В толпе разыскивая
Истоки времени,
Растянутые, как ириски.
И берегú отрешья,**

**Судьбой врученные,
Как новосёлу мира,
Нелюбленные и немоленные,
Что тяжелей порфиры.**

**Над вечностью грею руки,
Читаю свою жизнь в билете,
В котором всякий час мертвее скуки
И каждый день –
стоletье.**

Фонарная любовь

**Присмотревшись, бегут фонари,
Доживая свеченье вдогонку,
Не погаснут они, хоть умри,
Не уйдут потихоньку в сторонку!**

**И следят втихомолку, и зорко
Сторожат нас, упрятанных в Ночь.
Оттого так бездумно и горько
Не дано нам апрель превозмочь,**

**Что давно всем на свете апрелям,
Как актеру экранные страсти,
Мы своим показательным счастьем
За сплошной пустотой –**

надоели!..

Сумасшедшей игрой –

надоели!

Мой цирк. В полете.

**В бездонной темной тишине
Я в пустоте, но на арене –
Лечу в отвесной вышине:
Моя работа –
вдохновенье!**

**Идут вдоль зрительских рядов
Коверный клоун, акробаты –
Опилки глушат звук шагов,
Но цирка звездного пираты,
Чья жизнь доверена канатам,
Плывут над сотнями голов.**

**Мой цирк внизу как на ладони,
Но он понять меня не в силах.
А зал ревет, качаясь, стонет,
И я взрываю вверх, к стропилам...**

**Сильней, страшной паденья Страх:
Он догоняет, дышит в спину,
Стараясь горло сжать в тисках,
Сплелись канаты в паутину.
Опасность так неотвратима,
И пропасть ждет неумолимо...
Но я лечу, как в облаках.**

**Со всех сторон прожектора –
К их хищным огненным глазам
Я уж привык. Но мне пора,
И я взлетаю к небесам**

**Своей проторенной тропой,
Привычной звездною дорогой.
Веселой, пестрою толпой
Глядят мне вслед, понять не могут,**

**Как я взлетаю над ареной,
Под купол цирка –
 он мне тесен,
Мне не хватило б всей вселенной
В моем полете к звездной бездне!..**

**Я не боюсь. Пусть мой полет –
Всего лишь долгое паденье.
Ему предшествовал и взлет –
Одно прекрасное мгновенье!**

Все мы – дети своих родителей и, естественным образом, наследуем их черты, в том числе, и творческий потенциал. Автор этой публикации – дочь известного барда Вадима Певзнера, чей жизненный путь пролегал от Москвы до Нью-Йорка, где он живет сегодня. Мария-Алиса провела раннее детство во Франции, стихи начала писать на русском языке примерно в 6 лет. Затем вернулась в Москву, где окончила школу с золотой медалью. В 16 лет ее стихи были опубликованы журналом «Юность», затем альманахом «Академия поэзии». Окончила биофак МГУ, позже сценарный факультет ВГИКа, в 2018-м аспирантуру в том же ВГИКе. В 2015-м стала призером премии «Студенческий Букер», тогда же написала сценарий фильма «Параллель веков», получившего ряд международных наград. Выступала с литературной критикой на страницах «Литературной газеты» и «Независимой газеты», публицистика и поэзия публиковались в ряде литературных журналов и газет, таких как «Наш современник», «Нева», «Независимая газета», сборник «Молодые писатели России, СНГ и Зарубежья» и т.д. В 2016-2017гг. литературный редактор и сценарист телекомпании «Останкино». Преполагает драматургию на курсах режиссерского факультета ВГИК. С 2023 года преподает русский язык и литературу в Modern school в Баку, живет попеременно в Баку и Москве. Участник поэтического вечера российско-азербайджанской дружбы в 9 Senses Art Center, проходившего при поддержке Фонда Гейдара Алиева и Посольства РФ в Азербайджане. По итогам отмечена наградой за вклад в литературный процесс, которую получила из рук Лейлы Алиевой.

МАРК БЕРКОЛАЙКО

ПОКОЙ МАРГАРИТЫ И МАСТЕРА

1. Предрассветный час той ночи

– Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил... его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал.

Тот, кто был котом, потешавшем князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой существовал когда-либо в мире

Михаил Булгаков

Рыцарь. И когда мастер и его подруга направились в дарованный им Покой, я свой пятисотлетний срок искупления, отмотал, что называется, «от звонка до звонка».

– Ты раскаялся в том своем каламбуре? – спросил меня Воланд.

Ожидал, видимо, услышать надрывное, со слезою в голосе «Да!», но достоинство мне не свойственно.

– То был хороший каламбур! – ответил я. – Припомните, мессир, узнав о приходе к власти династии Медичи, я пошутил, что когда Свет и Тьма действуют вместе, то получается как нельзя лучше, но кто из них сработал «лучше», а кто «как нельзя» – непостижимо. Так почему же, считая Канта великим мыслителем, вы с такой суровостью наказали меня за то, что я на три сотни с небольшим лет опередил его учение?

Воланд улыбнулся:

– Лично мне весною 1434 года твоя шутка понравилась, однако сам понимаешь, соблюдение политеса во взаимоотношениях Плюса и Минуса – это *особое* искусство, требующее *особенных* жертв... Но то дело прошлое, а сейчас, как я вижу, покидать нашу веселую компанию тебе совсем не хочется?

– Мессир, а где же еще моя болтливость настолько придется ко двору? Кроме того, не быть наблюдателем Минуса, не посещать сей мир в его регулярно роковые минуты?! – нет и нет! А потому, упорствуя в своих заблуждениях, утверждаю: мой каламбур – на все времена! Имеете право впясть мне второй срок, еще лет пятьсот...

Бегемот. «В пустыне, – не раз говорил я Воланду, – в демонах которой состоит наш бравый Азazelло, есть полдневный жар и полночный холод, но не бывает полу-явлений типа «холодожара» и «жарохолода». Неопределенность, мессир, хороша в квантовой механике, но не во взаимоотношениях Плюса и Минуса, а потому долой полутона! Право же, эти «плюсоминусы» и «минусплюсы» несуразны, как обтягивающие шортики на безутешной вдове!».

Повторил это, когда Воланд по просьбе Иешуа, почему-то пришедшего в восторг от романа мастера, даровал автору и его музе Покой, а Пилату, этому фанату чистых рук, Свет – и почему блага бессмертия были распределены именно так, не понимаю...

Итак, повторил, но мессир, от подобных моих эскапад обычно отмахивающийся, в этот раз съязвил: лично я-де должен быть Иешуа благодарен, ибо кокетливая красавица Маргарита, скучая в вечности, вполне может взглянуть на меня когда-нибудь так же игриво и призывно, как во все свои круглые кошачьи глаза – до и после бала – смотрел на нее я.

Это меня взбесило:

– По части игривости и призыва мне есть с кого брать пример! Напомнить, как часто Устав Минуса, творение вашего интеллекта, нарушался вами же?! Что скажете, к примеру, о шашнях, которые вы в шестнадцатом веке, в Брокенских горах, крутили с пухленькой ведьмой, наградившей вас болезнью, в приличном обществе не называемой? Упомянуть ли также, что вы почти четыре столетия после тех шалостей мучаетесь от боли в распухшем колене, но, дабы не потерять авторитет, знающим толк в своем деле врачам¹ не показываетесь, а мажетесь какими-то вонючими мазями?! А ты, Гелла, молчи! Не вмешивайся в воспетую Шекспиром перепалку штатного дурака с его всеильным господином!

2. Некоторое время спустя

– Неужто вы не хотите днем гулять со своєю подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта? Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером?... Туда, туда. Там ждет уже вас дом и старый слуга.

Михаил Булгаков

Маргарита. Мы привыкли к временам года, длящимся всего месяц и сменяющим друг друга так быстро, что не успеваешь как следует полюбоваться ни летним богатством пейзажей, ни зимней скудостью их; ни пробуждением природы, ни ее увяданием. И к тому привыкли, что за земной год вишни цветут трижды – но это *такое* цветение, а плоды *так* хороши, что мы, обжоры, еще и сетуем: «Ах, почему не четырежды!» Кстати, старый слуга, о котором говорил Воланд, нам не прислуживает, зато красоте нашего вишневого сада служит самозабвенно.

Впрочем, мы, в отличие от сада, не нуждались в чьем-либо служении, ибо нас нежила сущая обломовщина. Не во снах, как самого Илью Ильича, а наяву: еда, возникающая ниоткуда, замечательно вкусна; чистота, «кем-то» поддерживаемая – безупречна; удобная одежда по сезону заполняла шкафы и комоды точно в срок; косметика и парфюм появлялись на моем туалетном столике сами собою.

... Огорчало лишь то, что ни под гусиным пером мастера, ни под стальным – не возникало ни одной хорошей страницы.

И он повторял печально, что роман его опять сыграл с ним злую шутку, став одновременно замечательным первым и превосходным единственным; что дарованная нам вечность иногда кажется ему ночным беззвучием психиатрической лечебницы – столь образцовой, что для *успокоения* пациентов и уколов-то не требуется...

Я утешала его, говоря, что нынешняя тихая скука все лучше прошлой гложущей тревожности... утешала и думала: а родись у нас *Здесь*, где нет ни развития, ни старения, ребенок – остался бы он вечным младенцем или рос бы, нас радуя?

¹ *Нелишне уточнить, что недолгая медицинская практика молодого врача Михаила Афанасьевича Булгакова была посвящена именно венерологии.*

3. Через двадцать лет после той ночи

С тех пор как девятнадцатилетней она вышла замуж и попала в этот особняк, она не знала счастья. Боги, боги мои! Что же нужно было этой женщине? Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме?

Михаил Булгаков

Бегемот. Ее настойчивые приглашения: истосковались, мол, по хорошим собеседникам, а кто, как не вы, хороши? – не оставляли сомнений, что нас подстерегает нечто шокирующее. И точно, Маргарита, взяв за руку мастера, сказала:

– Мы мечтаем о ребенке.

Рыцарь. Я почувствовал, как сильно раздражило Бегемота это «мы», но не успел ничего сделать – раздражение прорвалось наружу.

– Королева! – завопил он, впадая в самое пошлое гаерство. – Помилуйте, королева! Зачем вам ребенок?! Вы и ваш драгоценный мастер вечны, так что заботиться о наследнике имени и состояния вам не нужно! Вы – местные Адам и Ева и, вопреки хорошо известной истории, изгнаны отсюда не будете – так что, смело ешьте любые фрукты с любых деревьев, наказания не последует! Но вы ведь, королева, одиннадцать из тридцати земных своих лет прожили, в благополучном браке и о материнстве не задумывались. Что же вас заставило задуматься здесь и сейчас? Неужели то, что у вас, по земным меркам пожилой, пятидесятилетней женщины, ежемесячные тяготы случаются с завидной регулярностью? Увы и ах, эту деталь мы, создатели приютившего вас мини-Эдема, не учли – но раз вы о ней напомнили, будьте уверены: вечно цветущая молодость ваша с вами останется, а зряшные напоминания о репродуктивности вскоре исчезнут.

Маргарита. Я вцепилась в то его ухо, которое эту ласку все минувшие двадцать лет наверняка помнило!

Я поволокла наглеца к входной двери, пинком отправила его восвояси, а вслед еще и прокричала: «Ты, мерзотина, порог наш никогда больше не переступишь!».

И изготовилась было была дать хорошего пенделя второму шуту, Фаготу – но «второй», в отличие от «первого», заговорил серьезно.

Рыцарь. Маргарита Николаевна! Мастер! Узнав о даровании вам Покоя, вы, боюсь, о сути дара не задумались. По просьбе Иешуа, которому роман мастера понравился чрезвычайно, мессир Воланд, Инспектор Минуса, и мы, его сотрудники, избавили вас от борьбы за существование, от болезней и старости, от забот о еде и тепле, то есть, добросовестно создали то, что зовется раем... только ведь рай – это символ безмятежности, а не счастья!

Счастье – в преодолении чего-то, казавшегося непреодолимым, и вы, мастер, можете быть счастливы, лишь написав еще один выдающийся роман! А вы, Маргарита Николаевна, женщина до мозга костей, не можете быть счастливой, если любимый ваш это чувство с вами не разделяет! Так почему же вы решили, что ваше обоюдное счастье – в детях?! Друзья мои, рай для этого не предназначен, но самое главное – преодоление, способное сделать вас счастливыми, мучительнее рождения и воспитания ребенка!

Маргарита. И тут случился первый мой бунт!

– Все вы, – вскричала я, – отвратительно упоены своим внезапным могуществом!

Иешуа считает, будто злых людей нет на свете, а Воланд, напротив, что не бы-

вает добрых, но сойдут и те, какие есть – только в полярных этих мнениях одна и та же снисходительность высших по отношению к низшим! Иешуа понравился роман мастера – прекрасно! Воланд исполнил его просьбу – прекрасно! Азazelло, мастерски, как всегда, сделал свою работу – прекрасно, прекрасно, прекрасно! Но почему, решая всё за нас, вы считали, что оказываете нам благодеяние?! Почему никто не удосужился объяснить, что этот ваш Покой, этот мини-Эдем, как назвал его котообразный шут, похож на вату, в которую укладывают хрупкие изделия, дабы не пострадали при переездах?!

Да, вы даровали нам бессмертие, но лишили жизни; вы дали нам бесконечно комфортное настоящее, но изничтожили даже намек на будущее – и это, фактически, наказание, ваши Плюс-Минус, Добро-Зло, Свет-Тьма назначили нам в трогательном между собою согласии!

4. Следующие пятьдесят шесть лет

Тут Воланд повернулся к Маргарите:

– Маргарита Николаевна! Нельзя не верить в то, что вы старались выбрать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас же, за вас – еще лучше.

Михаил Булгаков

Маргарита. Я кричала, не замечая, что Фагот уже растаял во Вселенной; кричала, а могла бы выть – выла, могла бы рычать – рычала, ибо бессмертие стало для нас ловушкой...

– Давай займем наши дни чем-нибудь изнуряющим! – убеждал меня мастер. – Давай поверим психиатрам, что от уныния спасает только физический труд!

Мы поверили, и наше бессмертие стало другим!

Перво-наперво мы попытались распрощаться с садовником, но тот со слезами на глазах объяснил, что уход за таким садом – это награда ему за земную безгрешность. Ну, нельзя же, право, начинать новое бессмертие с того, что гадишь в прежнем – и мастер напросился садовнику в ученики.

И куда после этого подевалось его бесцельное просиживание над издевательски белым листом бумаги?! – под руководством сенсея он научился вскапывать, обрезать, прививать, высаживать смородину, черемуху, рябину, яблони – а почему нет, пусть в «раю» будет много яблок! – и после дня, прожитого в постоянных мускульных усилиях, с трудом добирался до постели.

И засыпал, прильнув ко мне, как вдосталь набегавшийся мальчишка – мой, но не мною рожденный.

А я взялась за домашнее хозяйство!

Теперь из ниоткуда возникали только продукты, я же хлопотала у плиты.

Теперь появлялись в дивном разнообразии швабры, веники, тряпки, пылесосы, стиральные машины и жидкости, непримиримые к грязи и замутнению – а я трудолюбиво пускала все это в дело.

Теперь я солю, мариную, варю варенье, делаю наливки и настойки; теперь, согласно извечному крестьянскому календарю, месяцем отдыха трижды в год становится зимний – но и тогда уныние нахлынуть не успевает, ибо все время заполняет чтение!

Мастер предпочитает труды по истории – опасается, видимо, что чужие успехи в прозе слишком больно напомнят ему о собственном творческом бессилии.

А когда в Союзе из-под спуда вырвалась такая страшная правда, что одни отказывались ее принять, а другие смирялись с нею, как больной – со своей неизлечимостью, он сказал мне:

– Спрашивать надо не «Камо грядеши?»¹, а «Отнуду, откуда грядеши?». Ибо из этого «откуда» непреложно следует «куда». И если от руин – то к новым руинам!

Прислушавшись к моему совету, записал эту мысль в блокнот – тем и ограничилось...

А я неожиданно и бурно влюбилась в интеллектуальное буйство Стругацких, Лема и Азимова; потом принялась «глотать» научно-популярную литературу по гравитации и космологии и ругала себя за невнимание, проявленное в гимназии к математике и физике. Считала тогда что барышне, играющей при свечах Шуберта, формулы противопоказаны и теперь, во искупление «грехов молодости», принялась решать школьные олимпиадные задачки по математике...

А еще меня все больше стал меня занимать вопрос: почему мы, в отличие от Пилата, не заслужили Свет?

Задала его мастеру, он ответил грустно:

– Думаю об этом часто, и мне кажется, будто я сделал или сказал что-то, заставившее Иешуа решить так, а не иначе... Но что, что?!

5. 30 апреля 2010 года²

*– Ежегодно мессир дает один бал. Он называется
весенним балом полнолуния, или балом ста королей...*

*– Установилась традиция, – говорил далее Коровьев, –
хозяйка бала должна непременно носить имя Маргарита,
во-первых, а во-вторых, она должна быть местной уроженкой.*

Михаил Булгаков

Маргарита. В Москве, наверное, было утро, когда Коровьев, которого, казалось, все же немного стесняли воспоминания о первом визите, появился у нас вторично.

За окном разгулялась снежная буря, но уже завтра должна была возликовать весна (здесь природа живет бурно: осень, к примеру, вмещает в свои тридцать дней и багрянец сентября, и хмурость октября, и ноябрьскую угрюмость) – так что предвкушение скорой щедрости солнца согревало нас с мастером сильнее, нежели огонь в камине...

Оправдывая прозвище «Фагот», Коровьев неумоимо длил словесные фиоритуры, а я размышляла, ощущает ли он – сохранившее людской облик, но давно уже высшее существо – температуру воздуха? Бывает ли ему холодно или жарко?..

И вдруг прозвучало:

¹ *Камо грядеши? (Quo vadis? – лат.) – Куда идешь? Имея в виду христианское предание, этот вопрос задают тем, чьи цели и намерения неизвестны (см. также одноименный роман Г.Сенкевича).*

² *Судя по многочисленным деталям, в частности, по страстной увлеченности Булгакова оперой Гуно «Фауст», описанный им в романе «Весенний бал полнолуния или бал ста королей» происходил в Вальпургиеву ночь (с 30 апреля на 1 мая). Нетрудно проверить, что единственным годом (из примерно 10 лет работы Михаила Афанасьевича над «Мастером и Маргаритой»), в который на Вальпургиеву ночь пришлось полнолуние, был именно 1934-й. Такое же полнолуние случилось в Вальпургиеву ночь и в 2010 году; кроме того, 30 апреля было тогда пятницей, что также хорошо согласуется с текстом романа.*

– Маргарита Николаевна, мы предлагаем вам еще раз быть королевой бала весеннего полнолуния, который в этом году мессир намеревается снова дать в Москве.

Это было так неожиданно, что я забыла о взаимоотношениях «гостя» с температурой окружающей среды и спросила жалобно, напуганная перспективой вторично полетать на метле:

– Неужели в теперешней Москве нет Маргариты, более чем я соответствующей стандартам красоты двадцать первого века?

– Вот пусть они и соответствуют своим идиотским стандартам, – возразил Фагот, – а мы будем верны разумно скорректированным традициям. В частности, женская нагота давно уже перестала, к сожалению, быть символом красоты, но заставить наших гостей щеголять в эротическом белье – значит вторично наказывать их за былые прегрешения, что ни в какие ворота юриспруденции не лезет. Поэтому на них будут маленькие черные платья от Шанель и колготки телесных оттенков, а наряд с декольте – только для вас, алмазная донна. Исключены также метлы, летающие авто, барражирующие боровы и прочие замшелые приметы старины. Вместо них – авиалайнеры, седаны-люкс и скоростные лифты.

– Но взгляните же на мои руки! – возразила я. – Они огрубели, хлопоты по дому, знаете ли...

– Ничуть, алмазная донна, ничуть не огрубели! – Коровьев превратился в куртуазного рыцаря совсем не Печального Образа. – Ваши руки по-прежнему прекрасны, к тому же, в оставшееся до бала время о них позаботится Рене – помните, конечно, о таком парфюмере и изготовителе ядов при Екатерине Медичи. Это ведь его кремом вы и ваша домработница Наташа упивались перед Вальпургиевой ночью 1934 года... И прислушайтесь к моему мнению, донна: не стоит вам отказываться от приглашения Воланда!

И мой мастер неожиданно для меня подтвердил, что да, не стоит; что последствия второго бала наверняка будут для нас с ним не менее спасительны, нежели первого, а может, даже более...

Как я оказалась в салоне бизнес-джета, приземляющегося в одной из бывших подмосковных деревень – не представляю, но седан-люкс был подан прямо к трапу и, оказавшись в потоке машин, выделялся скорее скромностью, а не роскошью. Шофер, уже не грач, как семьдесят шесть лет назад, но грачьего вида носатый жгучий брюнет, пояснений не давал, однако я и сама поняла, что он везет меня через всю столицу, давая возможность повертеть головой и насмотреться. Встречные светофоры услужливо зеленели, продолжалась поездка менее часа – я не устала, но была крайне раздражена тем, что исчезла нетерпеливо мною ожидаемая Москва, а вместо нее возникла другая, так невыносимо кичливая.

Последний же этаж высоты в Москва-Сити, куда вознес меня скоростной лифт, явил такое сочетание авангардной живописи и розовомраморных статуй, что окаясь в руках моих молоток, славно поработавший в квартире Латунского...

Но настроение улучшилось, когда ко мне подошел симпатичный худенький юноша.

– Сожалею, королева, что, увлеченный игрой в наглого котяру, позволял себе вопиющие бестактности. Извините! – сказал он так сердечно, что я не выдержала, тут же его простила и расцеловала. – И давайте знакомиться заново: изображаемые в мультфильмах коты стали так забавны, что мессир, любителю мультяшек, прежние мои ужимки стали совершенно несмешны. И вот уже я не шут его, а вернувшийся в прежний свой облик секретарь. Вы этому рады?

– Безумно! – ответила я. – На мой взгляд, с прежней своей ролью вы справлялись, как сейчас говорят, хреново, зато, уверена, всем вместе взятым секретарям и секретаршам до вас далеко!

Он засмеялся весело и искренне – в такой смех влюбляются без памяти! Но спасибо разнице в возрасте между этим юношей и мною, она помогла мне не потеть голову... хотя «юноша», подозреваю, старше меня на несколько тысяч лет... но значит, разница еще громаднее... в общем, хорошо, что сердце мое навсегда занято мастером!

Появился Фагот:

– Вы ослепительны, донна, впрочем, кто бы во всех существующих и будущих Вселенных усомнился бы, что так и будет – ведь прошлый московский бал вошел в легенду, стал вселенским эпосом, о нем пишут книги и снимают фильмы! Надеюсь, что и грядущий будет не хуже, хотя пройдет он не на Садовой, в квартире бывшей ювелирши, а здесь, в офисе торгующей бриллиантами фирмы, владельца которой, генерала с композиторской фамилией Брамс, ведающего важными аспектами национальной безопасности, позавчера разорил другой генерал, по фамилии Трамваев, курирующий еще более важные аспекты. Причудливо повторилась давняя история с Берлиозом, вы не находите, алмазная донна?

6. Ночь на 1 мая 2010 года

– Как прошел этот утомительный бал?

– Потрясающе! – затрепал Коровьев, – все очарованы, влюблены, раздавлены, сколько такта, сколько умения, обаяния и шарма!

Воланд молча поднял стакан и чокнулся с Маргаритой.

Михаил Булгаков

Маргарита. В этот раз, выпив с Воландом, я сказала, что бал потускнел, хотя потоки света, коньяка и шампанского стали еще щедрее; хотя Вьетан за первым пультом скрипок кивнул мне совсем по-дружески, а Иоганн Штраус, увидев меня, взмахнул руками будто бы в еще более энергичном прыжке с разбега; хотя элегантно вечернее платье делало меня раскованнее той, нагой, мечтавшей, чтобы все поскорее закончилось и наградой за мою добросовестность стало долгожданное возвращение мастера... но как же все потускнело!

– Сильно сказано! – усмехнулся Воланд. – А не думаете ли вы, что на такое ваше восприятие сильно повлияло отсутствие новизны?

– Нет, мессир, – ответила я, – в чем угодно кроется причина, но только не в отсутствии новизны. Да и все эти «что угодно» по сути своей сводятся к тому, что само зло множится, но тускнеет, а потому тускнеет бал злодеев.

– Ханна Арендт, «Банальность зла», – тихо прошелестел тот, кто предстал раньше в облике черного кота. – Вы смотрите на меня изумленно, Маргарита Николаевна, но да, это мне выпала честь подбирать книги вам и мастеру, – продолжал юноша, называть которого Бегемотом уже было стыдно.

– И все-все Стругацкие от вас? И «Сумма технологий» Лема? И «Foundation» Азимова? И шедевр Виленкина¹?

¹ Александр Виленкин (1949 г., Харьков) еще смолodu вынужден был эмигрировать в США, где стал одним из самых заметных в мире специалистом по космологии – той области теоретической физики, в которой, начиная с Эйнштейна и Фридмана, изучается Вселенная «в целом», как единый физический объект: ее происхождение (Большой взрыв), ее возможное исчезновение, причины, по которым «мировые константы» имеют столь «подходящие» для всего сущего значения, реальна ли Мульти-вселенная и т.д.. В 2004 году была опубликована его научно-популярная книга «Many Worlds in One» (в русском переводе «Мир множества миров»), до сих пор остающаяся бестселлером.

Я не задавала, а выпаливала вопросы, боясь, что бывший шут, не успев ответить, исчезнет навсегда. Но он кивал утвердительно, и я радовалась возникшему между ними родству интересов.

Воланд и Фагот с интересом за нами наблюдали – да и пусть их, сегодня я ни перед кем не трепетала, сегодня мне ни от кого ничего не нужно было...

– Рыцарь и ваш, мессир, теперешний секретарь давали всем «новеньким» такие стертые характеристики, что я запомнила разве что слишком страшно известных Гитлера и Сталина. Все эти «новенькие» были трезвы и скучны, хотя видно было, как завидуют они веселящимся злодеям прошлого – и яркость зла прежнего постепенно поглощалась серостью нынешнего. Как меркнет свет в тумане, так же тускнел ваш бал ста королей...

– Чем ужаснее деяния «новеньких», – продолжала я, – тем сами они серее, и эта особенность, которую Ханна Арендт разглядела в оберштурмбанфюрере СС Эйхмане, сейчас стала закономерностью.

Но ведь вас, мессир, именно вас, она раздражала и раньше – ведь не случайно же вы появились на балу ста королей 1934 года в несвежей ночной рубашке, а подлинный свой облик обрели лишь после того, как были казнены незаурядные мерзавцы Майгель и Берлиоз...

И случился второй мой, хотя и негромкий, бунт:

– Зло все чаще пополняется не жадностью даже, не из поклонения «золотому тельцу», а тем, что ничтожества впадают в манию величия. Однако ни вы, мессир, ни ваш вечный оппонент не способны препятствовать этому. Или не хотите препятствовать? Предпочитаете наблюдать, изучать и фиксировать, потому что богом быть трудно, как сказали Стругацкие? Или Земля интересна вам лишь как обочина для пикника, если вспомнить их же? Но если так, то не награждайте никого раем или его подобием – будет честнее!

И, совсем уж расхрабрившись – в конце концов, бунт так бунт! – прибавила еще, что зря избавили они мастера и меня от смерти – этой последней милости, которую оказывает человеку природа...

Заговорил Воланд:

– Сказано слишком важное, чтобы сделать вид, будто ничего особенного сказано не было. Вы по-прежнему прекрасны и безгранично терпеливы, коль скоро, не выказав отвращения, вынесли прикосновения к руке своей усов Иосифа Сталина и усиков Адольфа Гитлера; вы еще более выросли в моих глазах, королева Марго, и заслуживаете самой высокой награды – откровенности. Попросим же Рыцаря начать.

7. Плюс и Минус

*Она кинулась к Воланду и восхищенно добавила:
– Всесилен, всесилен!*

Михаил Булгаков

Рыцарь. Давайте откажемся от неопределяемых понятий типа «Добро и Зло» и обратимся к чему-нибудь количественному. К тому, например, что людей, приобретающих жизненные блага для себя или для самых близких, миллиарды, но сравнительно немногие из них считают, будто убийство, грабеж или взяточничество есть самый короткий путь к желаемому приобретению. Очень немногие... а остальные трудятся, как могут, живут, как придется, и умирают, как случится, и все это под тра-

диционным воздействием кнута и пряника, причем, обратите внимание: кнут в этом, как сейчас говорится, мемэ – всегда на первом месте! Правда, иногда вместо кнута и пряника возникают «эротически щекочущий хлыстик и sugar-free торт». Зато бывшая родина ваша возвращается к устоям: «бич и краюха».

Однако были и есть уникамы, озабоченные благом для многих – их мало и давайте присвоим этой похвальной уникальности знак плюс; тогда массе «привыкших к обычному» придется присвоить минус. Присвоили – и хорошо, но согласимся, однако ж, что оба эти знака, как и в математике, равноценны!

Ибо Плюс, теперь уже с заглавной буквы – это полетная мечта о нереальном, а Минус, тоже с заглавной – приземленное следование действительному, которое, следуя любимому всеми нами Гегелю – разумно.

Вы хотите, наверное, возразить: «Так вольно ж вам, все это понимая, устраивать для злодеев пышные балы»? Но ведь, донна, это «привыкшие к обычному», слыхом не слыхивавшие о Дионисе и Ницше, создали горячащие кровь легенды о вакхических буйствах «нечисти» в Вальпургиеву ночь – они, а не мы! Мы лишь «переносим» этот разгул с Лысой горы в зал и хоть как-то облагораживаем его вальсами Штрауса. Причем, собираем вместе всех незаурядных мерзавцев, без различия пола, национальности и вероисповедания! А обитатели Плюса пребывают каждый в своем хрустальном чертоге святости, и объединяет их разве что неприязнь к учениям о воистину общечеловеческом – будь то фантазии Маркса, Елены Рерих или последователей бахаизма!

И вы ведь, донна, сами сказали, что Фюрер и Вождь были неприметны в толпе фюрерчиков и вождишек, а талантливые убийцы и аферисты далекого прошлого затерялись среди банальных Эйхманов и заурядных мздоимцев – только мы, в отличие от вас, считаем это благом. В этом есть пусть призрачная, но все же надежда на то, что тускнеют не только преступники, но преступления и что когда-нибудь все это, ставшее совсем тусклым и скучными, окажется еще и ненужным.

Несвойственная нам высокая мечта! – и порождена она не заботой об улучшении человечества, а тем, что нам до тошноты приелись эти ежегодные балы. Цинично? – да! Честно? – тоже да!

Еще одно, донна: мы часто идем навстречу просьбам обитателей Плюса, но единственный из них, кому мессир *никогда* не отказывает – это Иешуа. Почему так, никто не понимает, прямодушного Азazelло это возмущает, но мы с Бегемотом приспособились и терпим...

Что вы говорите, мессир? – нынче же и узнаем?

Донна! Алмазная наша донна! Благодаря вам наступила, наконец, ночь откровенности и откровений! И потому – впервые за шестьсот лет существования – я умоляю добровольно.

Бегемот. Прочь, королева, пересуды о том, ухудшается ли человечество или все же улучшается – Рыцарь прав: эти понятия не определяемы. Но поговорим о дороге, по которой идут его лучшие умы. Вспомним; в 1915 и 1916 годах вышли в свет работы Эйнштейна, в которых излагалась теория гравитации, а в 1917-м появилась его же статья «Космологические соображения к общей теории относительности», в которой Вселенная изучалась как единый физический объект. Землян в прошедшие почти сто лет волновала, конечно же, не космология, а войны, революции, исчезновение империй, всплески пещерного национализма, экономические качели и технологические достижения – землян, но не нас, мессира и его сотрудников! Нас заворожило другое: за без малого век гении Земли сумели пройти по пути познания Вселенной много дальше, чем в более спокойных и благополучных обителях разума за много-много веков! Чего стоит хотя бы модель Мультивселенной, которая порождает бесконечное множество миров, вроде бы таких же, как этот, но с другими исходами тех же событий!

Воланд. Но каким образом мне становится известно обо всем, что там, во множестве подобий нашей Вселенной, происходит? Почему это знание усваивается мною мгновенно, быстрее даже, чем содержание романа вашего мастера? И в конце концов, если, как утверждают некоторые космологи, Творец всего сущего, *вернее, всех сущих* – это одна и та же фундаментальная система уравнений¹, а все возникающие Вселенные есть воплощение свойств ее решений, то хотелось бы знать, какие именно этих свойств, привели к факту моего существования?!

Мне, вроде бы круглому, круглее некуда, сироте было бы интересно обнаружить хоть каких-то «родителей», даже если они – всего лишь «свойства решений». Вот потому и меня, и моих помощников из всех людей Земли ныне особо занимает лишь сотня тех космологов, математиков и специалистов по теории струн, которые пытаются постичь непостижимое, и, как ни удивительно, иногда это у них получается.

Теперь о том, почему просьбы Иешуа имеют для меня силу приказа.

Ответ прост: всеильный Бог Случая часто, вопреки мнению Эйнштейна, играет в кости – и потому никакой исход никакого значимого события заранее не предрешен.

Но тогда почему же во *всех* Вселенных у события «Иешуа встречается с Пилатом» исход один и тот же: Пилат выкрикивает толпе имя помилованного Вар-равана, а Иешуа заканчивает свое физическое существование на кресте?!

Я преклоняюсь перед этим единственным в мироздании фактом отказа от вероятностного естества; преклоняюсь перед тем, что к единому для всех Вселенных набору мировых физических констант² прибавляется одна метафизическая – *неизменный исход* беседы, состоявшейся между Иешуа и всадником Понтийским Пилатом на ограниченной колоннадой террасе дворца Ирода Великого.

И раздражает при этом вот что: мне нетрудно разглядеть в тумане будущего, как Аннушка прольет масло, а Берлиозу отрежет из-за этого голову; как умрет вполне на вид здоровый буфетчик театра Варьете, и что преуспевшего в своем ремесле доносчика Майгеля через месяц прикончат чекисты – но, будучи тайным свидетелем встречи Иешуа и Пилата, я не смог предугадать *ни-че-го*: ни того, что произойдет в ближайшие часы, ни, тем паче, того, как их беседа скажется на двух последующих тысячелетиях.

И это еще сильнее принуждает меня исполнять все просьбы Иешуа.

Маргарита. Слушая Рыцаря, кое с чем мысленно спорила. Слушая... нет, не могу даже мысленно назвать *его* именем огромного, тупого животного, но как? «Бегемотиком»? – это из жанра сюсюканий в постели, а уж какая там у нас *с ним* может быть постель?! В общем, слушая «*этого юношу*», радовалась, что думаем и чувствуем мы одинаково...

Но когда говорил Воланд, чуть не умирала от нетерпения.

Он это заметил:

– Вы хотите спросить меня о чем-то, Марго?

– Да, мессир, – сказала я, – об очень многом, однако ограничусь двумя вопросами... Для вас нет нужды в сослагательном «а что было бы, если бы», так скажите определенно: что с «другими мастером и Маргаритой» случилось *там*, где роман «другого мастера» не восхитил «другого Иешуа»?

¹ *Каким-то образом включающая в себя и уравнения гравитации Эйнштейна, и основные уравнения квантовой механики, и уравнения теории струн (может быть? наверное?) уравнение Больцмана для энтропии системы, и т.д.*

² *Мировые константы – так физики и космологи называют величины, которые, будь они чуть другими, сделали бы существование нашей Вселенной невозможным. Обычно к ним относят скорость света, гравитационную и космологическую постоянные, а также постоянные Планка, Больцмана, Хаббла и т.д...*

Воланд. Тут Бог Случая еще раз проявил редкое постоянство: ни в одной «другой» Вселенной «другие романы» – самую чуточку другие, с точностью, буквально, до пары сотен слов – «других Иешуа» не тронули. *Во всех других* Вселенных «чуть другие Воланды» решили, что вернув «немного другой Маргарите» ее «несколько другого мастера» и подарив ей алмазную подковку – расплатились полностью.

Но вот в чем беда: во всех без исключения Вселенных чекисты подлы одинаково, и другой мастер *во всех других* Вселенных, избитый на допросах до потери человеческого облика, вскоре скончался.

А другая Маргарита в каждой из *всех тех* Вселенных прожила на два года больше: в тюрьме у нее случился выкидыш, а в лагере она была зверски изнасилована. Отчаявшись, бросилась на делянке под огромную, уже подпиленную и падающую сосну. Милосердный охранник пристрелил ее, полуживую, доложив потом, что тем самым пресек попытку бегства. Ему поверили и даже поощрили.

Теперь, ответив, спрошу вас, бунтующую: а что почувствовали бы любая другая Маргарита и любой другой мастер, узнай они перед смертью о судьбе вашей и вашего возлюбленного в *этой* Вселенной?...

И сразу опережаю второй ваш вопрос, уверен, именно его вы и хотите задать: «Почему мастер и я заслужили – по мнению Иешуа – лишь Покой, а Пилат – Свет?». Ответьте на него сами, Марго, постарайтесь ответить – и ответ этот подскажет вам, как вырваться из того, что вы и мастер называете «тоской Покоя».

8. Новый Покой

После некоторого молчания Воланд обратился к мастеру:

– Так, стало быть, в арбатский подвал? А кто же будет писать?

– У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет, – ответил мастер, – ничто меня вокруг не интересует, кроме нее, – меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал.

– А ваш роман, Пилат?

– Он мне ненавистен, этот роман, – ответил мастер, – я слишком много испытал из-за него

Михаил Булгаков

Маргарита. Что сказал Воланд – пара сотен слов?! Всего пара сотен слов – и не найди их мой мастер, через два года после бала ста королей 1934 года, придавленная огромной сосной, я благословляла бы охранника, не пожалевшего на меня пулю... Да, это так – и тем гаже моя неблагодарность по отношению к Иешуа, Воланду, Азazelло, Рыцарю, «этому юноше»... моему мастеру, наконец!

Гадка была моя истерика в ответ на слова Рыцаря о том, что счастье – в преодолении кажущегося непреодолимым; гадко было забыть, что когда мы с мастером в первый раз шли к вечному нашему дому, я говорила о том, сколько счастья найду в служении ему.

Но какому «ему», доброму и талантливому? – так мой муж, которым я пренебрегала, как вертихвостка Ольга своим Дымовым в чеховской «Попрыгунье», был еще добрее и тоже был талантлив.

Любящему? – но ведь я многими была и есть любима! Даже «этим юношей» любима – и он смотрит сейчас на меня во все глаза, от восхищения совсем по-кошачьи округлившимися!

Нет, я обещала служение тому, кто сумел описать Иешуа единственно нужными словами, за которые нам дано бессмертие и нечто лучшее, нежели полутемный арбатский подвал, в котором мы мечтали спастись от глобального Зла, но не спаслись бы.

И что же? – когда под влиянием пережитых потрясений умение находить единственно верные слова моему мастеру изменило, я, легкомысленная дура, отнеслась к этому не как к беде, но как к вполне терпимой неприятности – и вот уже былая моя любовь к талантливому писателю превратилась в приязнь к хорошему садовнику. А он, в свою очередь, восхищается мною теперь не как музой, а как хлопотливой хозяйкой.

И еще Воланд сказал самое главное: необходимо найти ответ на вопрос, почему Пилату был дарован Свет, а нам – только Покой...

Не в силах усидеть в глубоком кресле, я подошла к круговому панорамному окну, за которым разливались во все стороны избыточно яркие огни и на этой океанической глади света девятыми валами вздымались еще более освещенные высоты.

Не виделось бы во всей этой панораме ничего пугающего, если бы... если б не воткнувшийся в океан и подсвеченный прожекторами «остров Кремль».

Девятнадцать его башен будто причитали хором по поводу того, что не досрости они до двадцатой, восьмидесятиметровой Троицкой; что подлые смерды строители и жадные итальяшки-фортификаторы камень внаглую воровали... причитали жалобно, но при этом «остров», отгороженный стенами цвета анемичной крови, старательно пыжился изобразить неколебимую власть и словно бы вопил: «Я грозен и неприступен!».

«Ладно тебе, – усмехнулась я, – неприступен? Да, как алкогольчика, не запоминающая, сколько раз ее имели! Грозен? Да, как чавкающая пасть, жующая несчастную страну и жаждущая жевнуть еще что-нибудь соседское! Что ж, жуй, жажди, но помни слова моего мастера: «Откуда грядеши? От руин?! Тогда – к новым руинам!».

И, сделав над собою усилие, перестала видеть огней океан разлитый, а вместо того возник скромно освещенный полной луною сад наш и дом. Они звали меня, они соскучились, но еще рано было откликаться на их зов – я думала о том,

почему Пилату – Свет, а нам – лишь Покой?!

Ничего в голову не приходило, она отказывалась, моя голова, перенасыщенная событиями дня, вечера и ночи, делать что-то другое, кроме как переставлять местами четыре слова «мастер», «Пилат», «свет», «покой»... потом голова сделала усилие и сообразила: иные слова надо переставлять – «вина», «воздаяние», «осознание», «прощение».

Ну же, думай, Маргарита! – молила я себя. – В чем вина Пилата? Он – верный служака, вдруг поверил Иешуа, что и власть кесаря, и любая другая власть эфемерна. Однако в очередной раз услужил этой эфемерности, помиловал Вар Раввана, отправил Иешуа на крест. Раскаялся в служивой трусости... и... показал эфемерности кукиш, зарезав доносчика! Но не собственноручно, а поручив служаке Афранию... Нет, за такой кукиш Свет не полагается, иначе любой чекист, отправив невинного на расстрел, но убив затем втихомолку донесшего на него, мог рассчитывать на высочайшую во Вселенной награду...

Думай, Маргарита, вспоминай, что было дальше в романе твоего мастера, который ты знаешь наизусть... Дальше ведь зашла речь о Левии Матвее, центурион Марк Крысобой привел того к Пилату, и... И?!..

И – вот же оно! Маргарита, умница, вот оно: прокуратор дал Левию возможность писать об Иешуа истину – чуть перемешанную с отсебятиной – но истину!

Пилат Иешуа так и не поверил... сейчас... сейчас...

- *И настанет царство истины?*
- *Настанет, игемон, – убежденно ответил Иешуа.*
- *Оно никогда не настанет! – вдруг закричал Пилат...*

не поверил, но сделал так, что Левий запишет слова истины... вот...

*Левий подумал, стал смягчаться и, наконец, сказал:
– Вели дать мне кусочек чистого пергамента...*

да, запишет слова истины, и они уйдут в мир!

Не воспрепятствовав смерти Иешуа на кресте («*Боги, боги... какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, ведь ее не было! Молю тебя, скажи, не было?»*»), Пилат сделал так, что в мир вошло Евангелие... Да, так и было, ведь и Иешуа, и Воланд, восхитившись романом мастера, фактически подтвердили, что так и было – и потому, после двух тысяч лет искупления, когда жестокий прокуратор Иудеи всадник Понтийский Пилат видел перед собою ненавистный город и проклинал свое бессмертие, он пошел наконец рядом с Иешуа...

Но почему же моему мастеру – лишь Покой?!

Боги, боги!.. Как я могла забыть, что при первой встрече с Воландом мастер отрекся от романа и захотел забвения в подвале. Он, насильно вызволенный из психиатрической больницы, был в беспамятстве, отрекаясь от своего предназначения, поэтому и искупление оказалось не тяжким: «всего лишь» бессмертие среди трижды в году цветущего вишневого сада...».

Как же мне стало легко! – как в ту ночь 1934 года, когда мы летели на волшебных конях в наш Покой.

И впервые за всю жизнь мою и за прошедший отрезок бессмертия я была уверена, что наше будущее не зависит ни от вождей, ни от президентов, ни даже от Иешуа и Воланда; никогда я не рвалась навстречу будущему так нетерпеливо, с таким ощущением безграничности моих сил.

... И знала, что скажу ожидающему меня мастеру.

Ты был прав, – скажу я ему, – ты оказался прав: последствия второго бала будут еще благотворнее последствий первого: те вернули нам существование, эти вернут жизнь. Мы преодолеем кажущееся непреодолимым и будем счастливы.

Ты опять начнешь писать – и не когда-нибудь, а завтра.

И потом во все дни, повозившись немного в саду, ты будешь садиться за стол – и писать четыре-пять часов кряду!

Что значит, а вдруг не получится? – ты все равно будешь писать! Даже тогда, когда голова твоя не захочет или устанет диктовать руке, та будет заполнять чистые листы бумаги нашими с тобою именами. Пять листов заполнять, пятнадцать – безостановочно, остервенело, принуждая этими мускульными усилиями голову к тому, чтобы нашла, наконец, единственные слова!

О чем писать? – да хоть о том величии духа и разума, о котором говорили Во-ланд и «этот юноша»!

О том, как в начале 20-х годов, в голодающем, вымерзающем Петрограде, Александр Фридман, исследовавший уравнения гравитации Эйнштейна, обнаружил, что они имеют решения, позволяющие Вселенной возникать из точки и расширяться.

О драме идей, измучившей Эйнштейна: он то отвергал выводы Фридмана, то соглашался с ними, то называл космологическую постоянную в уравнениях гравитации величайшей своей ошибкой, то обнаруживал, что она стала источником возникновения разных моделей Вселенной.

О том, что в 1925 году Фридман умер совсем молодым от брюшного тифа и не знал, что его назовут революционером в космологии, А еще не знал, что светловолосый гигант Георгий Гамов, слушавший его лекции в полутемной университетской аудитории, попытается уплыть с женой на байдарке в Турцию, но шторм вынесет их обратно на крымский берег. Что потом Нильс Бор все же вырвет его из объятий сталинизма – и этот гений совершит в космологии выдающиеся открытия, параллельно с англичанином Фредом Хойлом разгадав тайну появления химических элементов – и это назовут «алхимией Гамова-Хойла».

Ты напишешь роман о том, как Алан Гут пришел к идее отталкивающей гравитации; как Андрей Сахаров и Яков Зельдович, «уставшие воевать», занимаясь взрывами советских ядерных и термоядерных бомб, увлеклись идеей Большого взрыва.

Напишешь об Александре Виленкине, харьковском физике-теоретике, повзвизавшем судьбу поэта Иосифа Бродского – и теперь он в США, директор Института космологии в Массачусетсе; о том, как, подхватив провидческую гипотезу Зельдовича, Александр создал теорию множественности миров и их возникновении «из ничего»... И вот так же, «будто бы из ничего», на Земле появятся твои романы о создателях теории струн, теории инфляционного расширения, антропного принципа – в общем, обо всех тех, кто, как сказал «этот юноша», за менее чем век прошли по пути познания дальше, чем в иных мирах за множество веков.

В этих книгах будет много смешного. Например, о том, как от Поля Дирака ушла жена, и он жаловался коллегам: «Я бы еще понял, если б она предпочла мне знаменитого боксера или футболиста. Но как можно уйти от профессора физики к профессору химии?!!».

Или вот: в Союзе повеяло горбачевской свободой, и к ссыльному Сахарову сумел прорваться Линде. Всю ночь два Андрея Дмитриевича обсуждали на кухне жгучий вопрос: мог ли нужный для появления нашей Вселенной набор численных значений мировых констант возникнуть сам собою? или такое, как утверждает папа Римский, подвластно исключительно Творцу?

Всю ночь вокруг двухкомнатной квартиры бродили топтуны, «слухачи» каждый час докладывали начальству: пьют, мол, «яйцеголовые» не водку, но чай – и разговаривают о непонятном, скорее всего, антисоветском. А говорили Андреи Дмитриевичи о том, что благоприятен для развития нашей Вселенной лишь один из «десяти в сто двадцатой степени» вариантов Большого взрыва, однако, как следует из теории струн, всех-всех-всех таких вариантов – «десять в пятисотой степени». Так что вероятность обойтись без непосредственного участия Творца все же нулю не равна.

Прочел Горбачев доклад КГБ-шников и решил, что нет, не антисоветчина, можно Сахарова из ссылки возвращать, пусть спорит с папой Римским из Москвы!

Ты будешь неустанно писать о том, как человечество приближается к пониманию, есть ли фундаментальная система уравнений, был ли Творец? – и поверь: эти истории цикла «О преодолении непреодолимого» будут захватывающи не менее, чем замечательный твой первый роман, по поводу которого ты грустил, что он оказался замечательным единственным.

Нет, любимый мой, он так и останется замечательным первым!

... Что значит, как эти романы попадут на Землю? – разве их не прочтут Воланд и Иешуа? разве они не восхитятся? разве не сделают так, чтобы ими зачитывалась вся планета?!

Ведь сделали же они это с романом о Пилате!

... Чем буду заниматься я?

О, я вижу ясно: по вечерам ты читаешь мне вслух написанные днем страницы. И если я счастлива – значит, текст удался. Если же сижу с кислой физиономией, то ты рвешь исписанные листы, а потом вертишься всю ночь, проклиная мысленно меня, себя и свою миссию – но зато, едва проснувшись, кидаешься к столу и «выдаешь на гора» то, от чего я все же буду счастлива.

Еще превращусь в бобриху, грызущую тверди университетских курсов математики и физики. Что ты смеешься, глупый? А кто же сможет рассказать тебе о том, что недавно придумали лучшие умы планеты? Кроме того, придется консультироваться с «этим юношей» – как? не беспокойся, на Земле каждый первоклашка уже знает, что такое скайп и зум... стало быть, без консультаций не обойтись – но не могу же я выглядеть необразованной дурой, да еще в глазах бывшего шута!

Что-что? Существует опасность, что ты на этой каторге быстро испишешься? Милый мой мастер, ты, кажется, не понял: впереди вечность, и ты становишься вечной Шахерезадой. И если я не буду увлечена, как Шахрияр, то... не преувеличивай, ты отлично знаешь, что не будешь наутро лишен своего бессмертия... я лишу тебя себя, уйдя навсегда к «этому юноше». Нет, это не рабство и не каторга, это честные отношения музы и ее служителя!

Ты упрекаешь меня во взбалмошности? В чисто женском коварстве? Значит, ревнуешь? – отлично, ревнуй отчаянно, это будет подстегивать тебя сильнее, чем любые мои просьбы и упреки! Впрочем... может быть, Дирак прав: нелепо уходить от профессора физики к профессору химии, а от писателя – к секретарю. Пусть даже, самого Воланда...

Что ж, добро пожаловать в новый Покой! Нас в нем ждет самое замечательное из всех возможных искупление!»

9. Эпилог

– Ну что же, – обратился к нему Воланд с высоты своего коня, – все счета оплачены? Прощание совершилось?

– Да, совершилось, – ответил мастер и, успокоившись, поглядел в лицо Воланду прямо и смело.

Михаил Булгаков

Маргарита. Так, почти слово в слово, я скажу своему мастеру.

Умолчу только о том, что если мой замысел не удастся, меня постигнет участь Фриды.

Ей каждую ночь показывали платок, а я каждую ночь буду видеть сон, как, недавно изнасилованная, а теперь раздавленная огромной сосной, смотрю на охранника, – замороженного голодным детством, злого вологодского паренька, – глазами лошади со сломанным хребтом... Только вот Фрида виновна в убийстве сына, а я в том, что не использовала возможность сохранить хорошего писателя.

Фриду от ее сна избавила я, а меня от моих сможет избавить только он, мой дивный мастер.

Шахерезада за тысячу и одну ночь излечила Шахрияра от разочарования в человечестве, а мой мастер в течении бесконечной череды дней не даст мне заболеть разочарованием в самой себе.

Во все то время, что я стояла у окна, Воланд, Рыцарь и «этот юноша» ни звуком, ни шорохом не проявили своего присутствия.

Но вот я повернулась спиной к огням Москвы, а заодно, к огням Парижа, Нью-Йорка, Праги... вообще, ко всем огням Западного полушария, а заодно, и к рассветному сиянию Восточного.

Повернулась спиной ко всей Земле, счета которой мы оплатили семьдесят шесть лет назад, а повернувшись, словно бы оказалась лицом к лицу с теми учеными, о которых расскажу мастеру. Они смотрели на меня с некоторым сомнением: стоит ли делать их героями романов, если они всего лишь персонажи при главной героине – Истине? «Не волнуйтесь, – успокоила я их, – под этим пером даже Иешуа стал всего лишь персонажем при главной героине – Истине».

Они поверили и исчезли, а я поочередно посмотрела в глаза тем, кого смеют облыжно называть служителями Зла.

И в глазах Воланда, Регистратора Минуса, увидела усталость от миллионно-летнего присутствия во Вселенной, но постаралась утешить его взглядом благодарности за это присутствие.

В глазах Рыцаря, наблюдателя Минуса, увидела усталость от почти шестисот-летнего служения – и кивнула ему с благодарностью за это служение.

А в глазах «этого юноши» увидела нетерпеливую готовность обсуждать со мною самые жгучие вопросы космологии, математики и теории струн... а еще печаль оттого, что этими обсуждениями все между нами и ограничится. И ответила ему взглядом, в котором была радость от того, что он такой.

А вслух сказала:

– Мне пора, в первый день каждого месяца я делаю в подаренном вами доме генеральную уборку... Кстати, через восемь лет ночь весеннего полнолуния опять совпадет с Вальпургиевой. Я ни на что не намекаю, но согласитесь – у меня все же есть повод сказать вам не «Прощайте!», а «До свидания!».

И они хором ответили: «Есть! До свидания!».

СЕРГЕЙ ЖАДАН
(Украина)

Голос её был похож на траву

Голос её был похож на траву –
Цепкий, хоть и слаб на ветру.
Она говорила ему: «Извини, что реву,
Что слухи спокойно воспринять не могу.

Поскорей бы уже увидеть весну.
Ты же знаешь сам, что твоё се дитя».
И как, сбросив одежды, обернётся к окну,
он чувствовал: ночь наступает, над домом плывя.

Когда она засыпала у него на плече,
сны приходили к ней, явь гоня прочь.
И оттого, что он мог касаться её лишь в ночи,
он и любил ночь,
больше всего любил ночь.

Он любил её меж её засыпаньем и сном,
Любил застигать на грани этой межи,
когда кожей она походила на поля за окном –
столь же глубоки,
и столь же чужды,

так же наполнены спелостью и теплом,
щедростью, знанья увитой венком,
от знанья сего было славно вдвоём,
ночь прижималась к стеклу – сонным щенком.

Тогда он говорил, глядя в окно:
«Всё, что делается, делается недаром,
переложи это ярмо на меня, мне всё равно.
Ты же видишь, одной ей не справиться с этим ударом.

Ты же видишь, как ей трудно со всем этим самой?
Что там думают себе святые твои?
Пусть её грусть овладеет и мной.
Что ещё, без неё, есть в моём житии?

Пусть её радости будут ещё и мои.
И слышу любовь я в её же словах.
Ты же видишь, ей зябко, даже если рядом огни,
Одиноко ей даже в толпах и церквах».

Белы крыши зимних городов, домашнее тепло.
Чёрной ночи выстроенная стена.
Ранний снег. Обжитое жильё.
Старый плотник, юная жена.

Чтоб ты, наконец, узрел и понял без слов,
с какой вышептанной ночи и тьмы
творился тёплый свет евангелий и псалмов,
в коих нет места нам,
в коих есть только мы.

Он творился из влюблённостей и смертей,
из исписанных апостолами книг,
из готовности воспитывать чужих детей
и желания жён не терять ни на миг.

Он творился из шёпота и жажды,
и слов, что оглашают только сны,
возрастая в весе гораздо,
так что языка им границы тесны,

из того, что безымянные человеки
решались на преданность и любовь,
и входили в эту любовь, как в реки,
не страшась пересуд, клеветнических слов.

Пугливые голоса беглецов, богомольных крестьян.
Цепляется за камни поздняя трава.
История движется по кругу, как океан.
Наступающий год для них: первый год Рождества.

Перевод ЛАЧИНА

ТЕЙМУР ДАИМИ

Куклы?..

До недавнего времени в азербайджанской художественной среде Ильгар Тахири был известен как один из талантливых и успешных дизайнеров. То, что он кроме дизайна занимается станковой живописью, знали немногие. Он редко публично демонстрировал свои полотна. И вот сейчас, когда художник решил «обнародовать» свою живопись, которой почти тайно занимается много лет, вдруг произошло удивительное событие – рождение в азербайджанской современной искусстве нового художника со своим особым видением мира, уникальной вселенной образов и легко узнаваемым авторским живописным почерком.

Живопись Ильгара можно определить как беспощадный метафизический реализм. Последние два слова ассоциируются с творчеством Джорджо Де Кирико. Действительно, в полотнах Ильгара присутствует атмосфера холодной отчужденности, которая присуща творчеству итальянского мастера. Но это только отчасти. Художник приглашает нас в свою вселенную странных, если не сказать жутковатых образов. На вербальном уровне, чтобы не шокировать нас откровенной визуальной эксцентрикой и предотвратить возможный страх перед этим иррациональным миром, автор говорит о куклах; мол, не волнуйтесь, друзья, всё это – всего лишь куклы. Это он великодушно щадит нас. Потому что на самом деле никакие это не куклы (куклы – это метафора). Творчество И. Тахири целиком – о нас самих! Точнее так – о всём человечестве, каким оно было с самых древних времён и, увы, неизменно продолжает быть по сей день.

Это – вселенная человеческих образов, но пропущенная через бесстрастный рентген авторского видения.

Ильгар, как художник, честен и бескомпромиссен. Он наследует традиции таких живописцев как И. Босх, П. Брейгель и Ф. Гойя, а также дадаистов и сюрреалистов. Он говорит о первичных инстинктивных уровнях живого существа, которое стремится к выживанию и в этом стремлении может предстать в неприглядном виде. Но это – жизнь...

При этом отметим, что несмотря на необычность сюжетов, рассказывает Ильгар их легко, не напрягая наше восприятие. Даже с лёгким юмором.

Для создания этого своеобразного мира художник прибегает к специальным приёмам и способам, которые он выработал почти сразу, на самых первых этапах творчества и остаётся верен им по сей день.

Во-первых, несмотря на небольшой формат полотен и графики, они смотрятся монументально. Это происходит из-за их предельной сконцентрированности, собранности, плотности.

Во-вторых, сильными «концептуальными» сторонами творческой манеры художника являются ирония (или самоирония?) гротеск, чёрный юмор, добродушный, я бы сказал, снисходительный сарказм и карикатурность. Для усиления экспрессии и выразительности Ильгар прибегает к продуманной экономии визуального поля – минимализму художественных средств, неопрimitиву, лаконичности цветового решения и почти математической выверенности композиции – здесь сказывается профессия дизайнера с безупречным вкусом. То есть – ничего лишнего.

Что касается цвета, то Ильгар редко прибегает к нюансам, полутонам и тонким модуляциям, хотя это не чуждо его визуальному языку и художник может свободно работать и в этом ключе тоже. Но в основном он прибегает к лаконичным, почти локальным цветовым полям и плоскостному решению, чуть ли не к языку плаката. Автору для выражения своих художественных идей не нужна пространственная глубина. Он максимально приближает изображение к зрителю, стирая грань между фигурой и фоном.

А это уже влияние тюркской визуальной парадигмы, которая акцентирует внимание на равнозначности фона и фигуры (пусть не смущает вас это сравнение, речь идёт не о прямом, а о косвенном влиянии). Такая композиционная сборка приближает живопись к пиктографическому изображению, когда сами образы превращаются в знаки, которые можно читать, как мы читаем написанный текст.

И вот тогда живописное полотно в целом принимает форму некоего специального послания – послания к каждому зрителю лично. Это то самое живое послание, которое обращено к самым фундаментальным уровням человеческого существа, к той сложной сфере Бессознательного, которая самим человеком либо предана забвению, либо всякий раз игнорируется, так как требует ведь серьёзной работы по рефлексии и пониманию человеком самого себя, как крайне проблематичного творения природы...

ВЯЧЕСЛАВ ПАНИН

panin1945@list.ru

ТОНКИЙ ЗАПАХ

*«...у каждого хранится на душе, как тонкий запах
лип из Ноевского сада, память о проблеске счастья».*

К.Паустовский

Невозможно начать повествование паузой, необходимо сразу произнести первое слово, которое станет тем зерном, из которого вырастет уникальное растение волшебного авторского замысла, изложенного великолепным литературным слогом недообразованного интеллигента, обучавшегося в заведениях государственного дисциплинирования и усвоившего весь комплекс обязательных сослагательных наклонений казённого общегосударственного стиля. Мучительно думать, что этим интеллигентом являюсь я, но, тем не менее, это так. Уникальность сего эпистолия определяется не талантом или образованностью автора, а необходимостью освещения или, если хотите, освящения тех жизненных принципов, которых я всегда придерживался. И первый из них – не солги во благо, а ври так, чтобы твоя ложь обнадёживала читающего человека, придавала ему силы для дальнейшего проживания в уникальных условиях наших общественных невозможностей. Эк загнул, аж самому понравилось.

Но достаточно расшаркиваний по паркету, приступим к изложению. Человек, которого зовут Я, родился в семье, не обременённой ни особыми заслугами, ни исторической родословной, ни капиталами, накопленными в процессе выживания в условиях гражданского равноправия. Короче, Царское село отечеством мне не было. Родился среди развалин в Германии под залпы победных салютов. И уже год, как жил несуществующим по официальной статистике рождаемости в Советском Союзе. Когда мне исполнился год, меня внесли в реестр только что родившихся. Поэтому я младше себя ровно на год.

До четырёх лет всё покрыто мраком непонимания – где я, что я, с кем я. Теперь-то я уверен, что я не валандался по городам и весям нашей необъятной родины, а тихо и радостно проживал в городе Евпатория Крымской области, купался с родителями в море, гулял по окрестностям и не стремился удивить мир своим присутствием. Но мне удалось, и если не удивить, то в какой-то мере обозначить своё пребывание здесь в качестве полноценной любознательной человеческой особи, предполагающей украсить этот мир своими талантами. Но пока у меня был только один талант – бессмысленно шататься по округе, выискивая, как говорят в Одессе, на свой тохес приключения. Тогда я ещё не знал этого специфического одесского выражения, но эта часть тела периодически была награждаема особым вниманием моей не в меру щепетильной в вопросах воспитания мамы. Так что в этот раз я опять же даже не предполагал, что кончится тем же. Но оно кончилось.

А началось так. Я сидел на краю окопа, оставшегося после недавно прошедшей войны, и старательно тянул из земли кусок провода, который, как я полагаю, мне был просто необходим до такой степени, что я просто не мог обойтись без этого полезного ископаемого. Провод не поддавался, но я тоже упирался. И моё упорство было вознаграждено, провод вырвался из земли и я по инерции, потеряв равновесие, шлёпнулся на дно окопа. Как понятно любому мало-мальски разбирающемуся в во-

просах фортификации, окоп был вырыт под рост взрослого бойца и совершенно не предполагалось участие в военных действиях военнослужащих моего роста. Поэтому выбраться из данного фортификационного сооружения мне не представлялось возможным. Я было взвыл, но сразу же понял, что меня всё равно никто не услышит. Поэтому уныло побрёл только в одном возможном направлении по дну заброшенного окопа.

Способность к ретроспективному мышлению и богатое детское воображение, не ограниченное никакими социальными или реально-бытовыми ограничениями, дали мне возможность перенестись в моих фантазиях в недалёкое прошлое, то есть в то время, когда здесь кипели мощные бои за освобождение с одной стороны и за захват с другой Крымского полуострова. Кто победил – это очевидно. Поэтому я смело бросился вдоль окопа на выручку нашим героическим бойцам, которые попали в немецкую засаду. Пули свистели над моей головой, но я мужественно полз по окопу, доставляя на позицию боеприпасы. Я отстреливался от наседавших на меня немцев и уничтожал их из ручной танковой пушки сотнями. Трупы врагов валялись вдоль всего окопа. Из-за высоты окопного бруствера я не мог этого видеть глазами, но я верил в это всей своей душой. Но когда я вылез из окопа, я увидел маму, которая неслась в мою сторону, переполненная избыточным чувством особой любви к своему отпрыску и кричащая: где тебя носит, горе ты моё?

Я ничтоже сумняшеся, с полной уверенностью, что она восхитится моими подвигами, отвечивал, что подносил бойцам патроны. Вопреки моим ожиданиям, она наградила меня двумя орденами материнской славы в виде двух шлепков по моему многотрадальному тохесу. Я естественно взвыл как сирена во время воздушного налёта.

Как вы понимаете, на этом моё счастливое детство не закончилось, а наоборот, продолжало укреплять мою маму в уверенности, что я «её личное горе» и что я «накачался на её голову».

Следующим ярким событием в этом ряду было катание на мотоцикле с дядей Сашей – другом моих родителей, с которым они прошли всю войну.

Катание это проходило в особом режиме и, как правило, после очередного офицерского застолья. Весёлый дядя Саша брал меня, счастливого, за руку, и мы шли к нему в его двенадцатиметровую комнату, где он проживал со своим трофейным немецким мотоциклом вдвоём. С одной стороны у стены стояла его солдатская кровать, с другой – его счастье, его единственная любовь, его мотоцикл. Моя мать говорила: «Сашка, ты бы хоть оформил ваши взаимоотношения со своей мотоциклеткой, женился бы на ней что ли?» На что дядя Саша отвечал: «Мы оба с ним мужики, у нас с ним крепкая солдатская дружба, а не бабская любовь». Я был полностью с ним солидарен, особенно в тот момент, когда он прямо в комнате запускал двигатель, сажал меня в седло и, хлопнув по спине, произносил: «Катайся, сын полка». Я с полным правом носил это гордое звание потому, что именно дядя Саша настоял на том, чтобы меня называли не Вадиком, как хотела моя мать, а Славой. «Славой полка» в связи с тем, что я – первый пацан, родившийся в преддверии победы. И меня даже не раздражали крики соседей дяди Саши, которые стучали в дверь и кричали: «Сашка, прекрати это безобразие, заглуши мотоцикл». На что дядя Саша невозмутимо отвечал: «Славка накатается, тогда заглушу». А я был на седьмом небе от счастья.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

– Счастливым.

– Ты не понял вопроса...

– Вы не поняли ответа...

Для меня же и вопрос, и ответ сливались в единое целое ощущение своего брэнного существования в условиях мирной невесомости после недавно оконченной войны. Я с миром был одного возраста. Мы с ним родились не только в один год, а и

почти в один месяц. Правда я был на семнадцать дней его старше, но это не мешало нам считать друг друга братьями и мирно уживаться, не предъявляя друг другу никаких претензий. И эта мысль поразила меня настолько, что я в удивительном молчании пошёл спать. Мать забеспокоилась, уж не заболел ли?

Но болеть было некогда. В 1951 году отец поступил в военную академию и, прихватив меня под мышку, а свою жену под ручку, направился в столицу нашей Родины. Столица поразила своим величием. После полуразрушенного Крыма Москва казалась городом-сказкой. А метро – просто каким-то чудом из чудес. Эта темная пасть туннеля, откуда с грохотом и шумом выскакивали абсолютно живые громадные железнодорожные животные. Этот живой эскалатор, который змеился под ногами, каждый раз стараясь прихватить тебя за пятку, а ты стремительно соскакивал с него, чтобы, не дай бог, не быть увлечённым в подземное царство этого подло ускользящего змея. А этот чудесный аттракцион на станции Киевская, когда грохочущий по туннелю поезд вдруг вырывался на солнечную поверхность тихого городского пейзажа и через некоторое время вновь нырял в разверзнутую пасть подземного грохота. Метро – это мир, который своим подземным торжеством разрушил все мои реальные представления о земном существовании.

А ещё я видел живого бога на трибуне мавзолея, когда с отцом пошёл на праздничную демонстрацию в день 7 ноября. И это ощущение божественности стоящего на мавзолее живого Сталина в окружении небожителей до сих пор не покидает меня, хотя я теперь уже точно знаю, что это был не бог, а дьявол со всеми своими дьявольскими метками – рябой, кульгавый и маленький.

А аттракционом нетрадиционности и апофеозом необычности решения бытовых проблем был случай в нашей небольшой весёлой коммуналке, где мы снимали комнату. В один прекрасный день вся наша коммуналка собралась на кухне и с удивлением взирала на невиданную доселе посуду, водружённую посреди общественной плиты. В центре плиты стоял детский эмалированный ночной горшок, в котором кипело какое-то варево. К ошалевшим сожителям по коммуналке вышла хозяйка этого необыкновенного чуда и изрекла: новое слово в кулинарии – эмалированная кастрюля с одной ручкой. Кто-то изумился: это же ночной детский горшок? Да! – подтвердила хозяйка горшка, – это ночной детский горшок, если в него справляет свои естественные надобности ребёнок. А если в этой посуде, заметьте, абсолютно новой и чистой, купленной сегодня в нашем универмаге, варится суп, то это уже не горшок, а эмалированная кастрюля, но только с одной ручкой. Что весьма удобно, берёшь кастрюлю одной рукой и несёшь её в свою комнату. И заметьте, открываешь дверь в комнату не жопой, а своей свободною рукою. Поражённые обитатели коммуналки не нашли, что возразить на столь убедительные доводы. Однако никто не рискнул последовать этому примеру, хотя с эмалированной посудой в то время наблюдался острый дефицит.

Но в 1952 году академия отца была переведена в г. Ленинград и мы друженно всем семейством направились к новому месту назначения. Ленинград ошеломил своей архитектурной богатой необычностью и обилием золотых украшений и лепнины на фасадах домов. Ленинград, как говорилось, являлся колыбелью революции, которая и была успешно задушена в этой колыбели впоследствии рукой кровавого большевистского террора. Хотя, я думаю, это было закономерным, ни одна революция в мире не обходилась без крови. Однако при всём при этом Ленинград усеян памятниками царей и их придворных полководцев. Не знаю только, к царям или к полководцам относить памятник Ленину. Ведь он вроде как Чингачгук у индейцев, был у нас вождём. Ну, да ладно, стоит на броневике, пусть его, стоит.

В 1953 году я поступил в неполную среднюю мужскую общеобразовательную казарму. Я не шучу, школа по своей воспитательной методике очень напоминала казарму для малолетних новобранцев общеобразовательной армии. Прежде всего, как

собственно и везде в СССР, на первом месте стояли вопросы дисциплины и послушания. Запрет на собственное мнение в любом вопросе, подавление всяческой творческой инициативы и тупая зубрёжка всевозможных правил. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров: перед началом занятий все мы строились перед школой по классам и строим в колонну по одному по команде директора заходили в свои классы. После этого надо было остановиться возле своей парты и по общей команде учителя сесть. При этом категорически запрещалось хлопать крышкой парты. Если такое происходило, продолжали всем классом садиться до тех пор, пока эта процедура не осуществлялась с подобающей мерой шума. Наказывали за провинности стоянием по стойке смирно после уроков в течение часа или двух. Короче, педагогика имени Крупской, социализм в действии.

А вскоре была ещё введена школьная форма для мальчиков, которая состояла из гимнастёрки военного образца, подпоясанной похожим на солдатский ремнём с бляхой, и брюки навыпуск. И тут мы окончательно почувствовали себя новобранцами, правда, справедливости ради надо сказать, что военизированное школьное обмундирование придавало определённую значимость нашему чувству самосознания. И тем более, что фуражки были абсолютно военного образца. Ничего хорошего про эту школу я вспомнить не могу. Промучился я в ней до 1956 года, то есть, до окончания моим отцом академии и поездки нас всей семьёй по распределению отца в Азербайджанскую ССР в г.Баку, где я пошёл в школу, которую буду вспоминать добрым словом до дней моих последних.

Своим детским умом я не мог охватить и объяснить всей важности и значительности архитектурных достижений города Ленинграда, но меня, пацана, это очаровывало. Вот здесь я остановлюсь подробнее. Ибо почти еженедельное посещение с отцом Эрмитажа входило в каждую воскресную программу нашей свободной от основных занятий жизни. Мать по своим причинам не участвовала в наших экскурсиях. Меня мать таскала по магазинам. В одном из таких походов мы столкнулись с толпой любопытных у трамвайной остановки. Я тут же протолкался в первые ряды и узрел такую картину. Возле трамвая лежал мужик лет сорока без ног. Его ноги лежали отдельно под трамваем. Ему их отрезало трамваем. Но что было удивительно в этом случае это то, что он не корчился от боли, не стонал, не потерял сознание от шока, а злобно и громко матерился. Народ в своей общей массе недоумевал, но когда разобрались, все выдохнули с облегчением, ибо трагичность ситуации обернулась фарсом, когда все поняли, что отрезало ему не ноги, а ножные протезы. А ноги он потерял значительно раньше, во время прошедшей войны.

А с отцом по воскресеньям мы посещали Эрмитаж. Мы обходили несколько залов. А затем я обязательно утягивал отца в Рыцарский зал, осмотром экспозиции которого наша экскурсия завершалась. Понятно, что всю неделю я с нетерпением ждал воскресенья. Мои рассказы об очередной экскурсии в Эрмитаж вызывали живой интерес моих школьных товарищей, как я теперь понимаю, потому что, живя в Ленинграде, они, тем не менее, за всю свою жизнь посетили Эрмитаж, может быть, раза два. И это понятно, как утверждает поговорка: что имеем не храним, потерявши – плачем. Мы с отцом, огромное ему спасибо, пытались сохранить наши экскурсионные впечатления на всю оставшуюся жизнь, что, к счастью, удалось и в значительной степени поспособствовало моему дальнейшему освоению избранной мною профессии режиссера. Ещё раз низкий поклон майору Панину от его бесшабашного сына.

Но радость от Эрмитажа в моей неполной среднеобразовательной жизни дополнялась не меньшей радостью от посещения накануне общественной бани. До Ленинграда я мылся всегда в корыте или в тазу, а летом в Евпатории в море. Здесь же я впервые посетил общественную баню, это замечательное древнегреческое сооружение. Древнегреческое потому, что там впервые в истории человечества упоми-

наются общественные бани, в то время как в России бани всегда были только семейные. Хотя я могу и ошибаться, я не очень силен в истории.

Но в бане в первую очередь меня потрясло то, что можно пользоваться горячей водой безо всякого ограничения. Сколько хочешь, столько и лей на башку. Одеваясь после помывки, я косился на стену, которая, по моему разумению, отделяла наше мужское отделение от женского. И мысли об этом волновали мое мальчишеское воображение самым пикантным образом. Мне было крайне любопытно заглянуть туда, но мечты оставались мечтами, подогреваемые рассказами моих одноклассников, которые в детстве ходили в баню со своими мамами. Что они там помнили, это под вопросом, но вралли они об особенностях женской анатомии очень красочно. Я понимал, что они врут, но с волнением слушал их рассказы. И с сожалением вздыхал. Но зато мне повезло в другом. Другое – это было пиво после бани. Почему-то в те послевоенные времена моего детства пиво не считалось алкогольным напитком и выпускалось вместе с другими напитками на заводе, который так и назывался «завод безалкогольных напитков». Эта надпись сияла на пивной бутылочной этикетке. Поэтому после бани в толпе мужиков возле пивного банного ларька отец себе брал большую кружку, а мне маленькую. И я, как все взрослые, сдувал с пива пену и медленно, маленькими глотками опустошал свою кружечку. С тех самых пор в компаниях я всегда предпочитал пиво другим алкогольным напиткам. Но то, что пиво было алкоголем, я понял, будучи студентом, в юности, в московском пивбаре на проспекте Калинина. Пивбар был новый, именитый и там подавалось чешское пиво. А мы с моим другом приехали учиться в Москву из города Баку, о котором я расскажу позднее. А сейчас я отмечу только тот факт, что отец моего друга служил в каспийском пароходстве и имел неограниченный доступ ко всякого рода рыбным копчёностям. Он ежемесячно присылал нам посылку с этой «копчёной валютой». Именно валютой, которой мы расплачивались в нашем элитном пивбаре. Любой официант за смачный кусок копчёной осетрины готов был расцеловать нас и угощал как родных потому, что этот самый кусок осетрины он пластовал на сотню тоненьких янтарных ломтиков, которые продавал другим посетителям за самые обыкновенные советские деньги, которые в отличие от римских своих собратьев пахли самой обыкновенной каспийской копчёной рыбой под названием «балыг». Но в городе Ленинграде после бани мы расплачивались советскими деньгами. Я помню эти огромные сотенные портянки, которые выдавали отцу в дни зарплаты. И которые в 1961 году сменились красными маленькими десятичками. Но до этого года оставалось ещё пять лет, а сейчас в 1956-м мы всей семьёй катили на поезде в город Баку – столицу социалистического Азербайджана, куда по распределению после окончания академии был направлен мой отец. Я очень любил поездки на поезде, мне нравилась эта посадочная суета, мелькание различных пейзажей за окном и особый запах железной дороги. Отдельным удовольствием был чай, который разносили проводники.

*из паровозного старинного гудка
сочится хрип израненного зверя,
у памяти моей те чайных два глотка,
которыми я детство своё меряю.
я помню эти чёрные тела
огромных металлических бизонов,
и пар, как два архангельских крыла,
мне раздвигали детства горизонты.
я шёл всю жизнь, как акробат по рельсам,
перебирая шпалами года,
и оставался строго параллельным
мелькающим по ходу городам.*

*когда прибуду? в расписании нет
той станции, где навсегда сойду,
но купленный у вечности билет,
надеюсь, в багаже своём найду.*

А пока я не нашёл свой билет в вечность, я вспомнил случай в вагоне во время нашей поездки к бабушке в деревню.

В то послевоенное время поездные составы слагались в основном из плацкартных общих вагонов, где в каждом купе было не четыре полки, а шесть, по три с каждой стороны. Третья полка была предназначена для вещей. Но, учитывая переполненность железных дорог, на этих третьих полках частенько кто-нибудь коротал ночь до своей остановки. В тот раз, когда мы ехали к бабушке, именно так и было. В нашем купе на третьей полке спал морячок, который на ночь, чтобы его вещи не украли, привязал их к своему поясу, с тем и заснул. Он как в воду смотрел. А окна в тех вагонах открывались до самого низа, не так как в современных поездах – только верхняя форточка. То есть, в окно можно было свободно пролезть взрослому человеку. Послевоенное жульё мигом освоило приёмы воровства вещей пассажиров через эти окна, благо летом они всегда были открыты. И в ту ночь очередные воры металлическим крючком с крыши пытались зацепить вещи с третьей полки. Но они не предполагали, что эти вещи были пристёгнуты к их хозяину. И когда воры потянули за верёвку, они вместе с вещами увлекли и хитробдительного хозяина этих вещей. И если бы не мой отец и ещё один пассажир, наверняка бы этот морячок окончил свою жизнь где-нибудь на железнодорожном перегоне. Но его спасители сильно рванули верёвку, к которой был привязан железный крюк, и что-то большое мелькнуло за окном, падая с крыши вагона. Верёвка ослабла, хозяин вещей облегчённо выдохнул. Благодарность свою утром он разлил по трём чайным стаканам. Но к 1956 году этих поездных воров всех переловили, и мы спокойно тряслись в своём мягком вагоне поезда Москва-Баку.

Я с любопытством разглядывал восточные пейзажи, которые проплывали за окном, плоские крыши сначала дагестанских, а потом азербайджанских строений, разглядывал отары пасущихся вдоль железной дороги овец, махал рукой чабанам в бурках и папахах и был потрясён количеством нефтяных вышек на территории Азербайджана. Каспийское море как будто встречало меня на родине в Крыму, но тогда я ещё не знал, что не Чёрное море омывало мою родину, а именно Каспийское.

Ибо родина не там, где ты родился физически, а там, где ты осознал себя человеком, где ты стал тем, кем ты будешь теперь до конца своих дней. Я прожил в Баку с 1956 по 1965 годы. Казалось бы немного, но почему-то эти годы стали для меня самыми счастливыми и самыми запоминающимися. Именно поэтому я своей родиной считаю Азербайджан. Я жил в России, жил в Украине, и теперь уже много лет живу в Беларуси, но родиной моей стал и останется до самого моего последнего дня на этой земле Азербайджан.

Как у Р.Киплинга в стихотворении «Мандалай»: *Да, недаром поговорка у сверхсрочников была: «Тем, кто слышал зов Востока, мать-отчизна не мила».*

Vətənimin səsi ürəyimdə səslənir, что в переводе на русский означает: «голос моей родины звучит в моём сердце». На родине меня правильно поймут, да! И это «да» – особый шарм бакинской речи. Как волжане приговаривают «чай», так бакинцы используют это «да». Ай, киши, дорого, да! Или: чай холодный, да? Ни одна лингвистическая бакинская конструкция не обходится без этого «да»! «Да» – это психологическая опора для говорящего бакинца. Без этого «да» он не чувствует убедительности своей речи. Более того, эмоционально-смысловая окраска речи теряется в разговоре без этого сленгового предлога. Согласитесь, да?!

Баку моей юности

*какие запахи?
мой нефтяной Баку,
мазутный аромат
и кир, что варят «черти».
я верю, братцы, на моём веку
не будет лучшего
до самой моей смерти.
и в нефтяном сознании моём
всплывают запахи солёного Хазара,
и мы с тобой, Баку, опять вдвоём
под звук зурны и кяманчи, и тара.
восток звучит, мугамом напоён,
и голоса бакинского базара
вливаются в каспийский водоём
вдоль берега приморского бульвара.
люблю твой аромат, родной Баку,
и жизнь порою пахнет адской серой,
но всё равно, на праведном веку
мой город – рай всей мусульманской веры.*

«...у каждого хранится на душе, как тонкий запах лип из Ноевского сада, память о проблеске счастья».

Таким проблеском счастья на всю нашу жизнь стала школа №34 города Баку, которую мы с моим другом и братом Джамилем Фараджевым закончили в 1964 году. Нам уже на исходе восьмой десяток лет, а мы до сих пор с удовольствием и радостью вспоминали эти юношеские «проблески счастья», которые дала нам наша школа и наши учителя.

Когда мы с Джамилем ставили самостоятельно первый в нашей жизни настоящий спектакль, директор нашей школы, которого мы звали дядя Саша, разрешил нам разрезать задник школьной сцены, чтобы соорудить декорацию к этому спектаклю. Когда мы в 1963 году, увлекаясь съёмками кинофильмов в нашей школьной киностудии, которую мы создали сами, сняли первый в мире пластилиновый мультфильм, мягко сказать, несколько заострённого эротического содержания, стоя за дверью кинобудки и слушая громкий хохот наших педагогов мужчин, мы холодели от страха. Но когда смеющийся физкультурник, физик, химик, трудовик и завуч вышли из кинобудки, завуч Игорь Евгеньевич с высоты своего двухметрового роста пробасил только одну фразу: «Смешное кино снимаете, пацаны». И все педагоги со смехом пошли дальше. У нас отлегло от сердца.

Вы спросите, а как же воспитательные меры? Вот это и была воспитательная мера высшего педагогического порядка.

И ещё ярко запомнилось одно сочинение, которое нам на дом задала наша преподавательница литературы Галина Николаевна.

Она зашла в класс и своим прокуренным голосом объявила:

– Записывайте тему сочинения, которое вы мне принесёте в пятницу. Тема такая: «Если бы стены домов были стеклянными».

Мы в шоке, а ГН закурила папиросу и изрекла:

– Думайте, балбесы.

И мы, шестнадцать семнадцатилетних балбесов, озадачились.

Девочек у нас в классе не было, одни парни. И написали. И принесли.

А в классе ГН курила потому, что в то время все курили везде, а учителя, заходя в класс после перемены, где мы, почти все ученики класса, курили, разгоняя дым руками, жаловались, что мы так сильно накурили, и советовали нам курить за пределами класса.

А потом мы выпускали свою стенгазету, которую называли «Молодо-зелено», и которая выходила два раза в месяц без всякой цензуры со стороны педагогов. В газете, кстати, печатались только произведения собственного сочинения. Вся школа ждала выхода очередного номера. Все номера ГН хранила в кабинете литературы, который мы тоже оформили своими силами, нарисовав на стенах иллюстрации к известным литературным произведениям.

И ещё вспоминаются эти нескончаемые спортивные чемпионаты и олимпиады в нашей школе, в которых участвовали все классы. Это была наша жизнь. В школе мы торчали с утра до самого вечера. И кстати, наши школьные вечера, эти обнимашки и танцульки с девчонками. Все учителя знали про наши парочки.

И это всё были проблески нашего счастья. Спасибо нашим педагогам. Спасибо нашей тридцать четвёртой школе. Спасибо тебе, мой Баку, что ты был в моей жизни.

А отдельное спасибо моему, как я уже сказал, «другу и брату» Джамилю. Он был одним из самых важных людей в моей жизни.

Я уехал из Баку в 1965 году, но ментальная связь моя с этим городом не прерывалась ни на минуту и в значительной степени я обязан этим Джамилю. В школе мы дружили шестером и называли себя «барсуками». Но по какому-то неписаному правилу Джамиль был центром нашей дружной компании. У него было свойство становиться незримым ядром любого человеческого сообщества. Он аккумулировал вокруг себя людей. Скажу так, он был гением человеческой коммуникации. Я не помню, чтобы он когда-нибудь с кем-нибудь поссорился или возмутился чьим-нибудь поведением. В любой конфликтной ситуации он всегда мог сгладить углы, найдя нужные слова, и мог всегда так повернуть дело, что все сразу понимали, что проблема выеденного яйца не стоит. И людей к нему притягивало, что называется, «магнитом». И своим детским увлечением киносъёмкой он предопределил наши с ним будущие профессии. Он стал кинорежиссёром, а я – режиссёром театра и самых различных массовых культурных безобразий-праздников, зрелищ и прочей галиматьи. К сожалению, мой друг и брат совсем недавно ушёл из жизни.

*что ни скажи, всё будет невпопад.
как ни рыдай, а горе неизбывно.
но погибающий под прессом виноград
к нам возвращается роскошным вкусом винным.
вот так и ты, лозой своей родни
был отдан в мир созревшей кистью спелой,
но сорван плод, остались мы одни,
и чёрный виноград уже не станет белым.*

В один прекрасный день я прочитал в газете, что создан заочный народный университет искусств и объявлен набор на все специальности. Нас с Джамилем, естественно, заинтересовала специальность «режиссура театра». Всесоюзный аттракцион отъёма денег у населения был организован замечательно просто. Ты пишешь заявление и отсылаешь его вместе с деньгами. Обучение в этом университете стоило тогда 25 рублей в год. По прошествии некоторого времени тебе приходит посылка с некоторым набором учебных книг по режиссуре театра. Вместе с этим тебе присылается учебная программа с заданиями, которые ты должен был выполнить по ходу обучения. Каждое задание оценивалось, а по завершении курса обучения ты должен был у себя в самостоятельном коллективе поставить одноактный спектакль.

Спектакль, о котором я уже упоминал, и для которого нам разрешили порезать задник сцены, прошёл при большом воодушевлении исполнителей и вялом зрительском интересе. Но удостоверения об окончании народного университета искусств мы получили по почте. Обучались мы самостоятельно, но деньги за нашу самостоятельность получал народный университет искусств. Операция, достойная памяти Остапа Бендера. И фраза «пилите, Шура, пилите» звучала со всех концов нашей великой социалистической родины.

Так самостоятельно мы постигали азы наших будущих профессий. Правда, Джамиль по настоянию родителей сначала окончил Азербайджанский государственный институт нефти и химии. А только потом он поступил на заочное режиссёрское отделение Ленинградского театра музыки и кино, по окончании которого он успешно работал режиссёром, был некоторое время директором киностудии им. Дж. Джамиль, а затем был избран секретарём союза кинематографистов Азербайджана.

Юмор в Азербайджане – это второй воздух, это второе чёрное золото Азербайджана. Хохмить в Азербайджане любят все, но не все умеют. Джамиль в совершенстве владел этим искусством.

Расскажу, как он пошутил с фамилией своего институтского педагога, известного кинорежиссёра Карасика. За очередным застольем, которое так любят люди Кавказа, Джамиль пригласил своего педагога приехать в Баку. На что тот с удовольствием согласился.

– Но только, уважаемый учитель, – заметил Дজেма, – когда вы приедете к нам, то представьтесь каким-нибудь псевдонимом.

– Зачем? – удивился Карасик.

– Знаете, ваша фамилия на азербайджанском языке звучит несколько неблагозвучно.

– Что значит неблагозвучно? – полюбопытствовал педагог.

Тогда Джамиль пояснил:

– Понимаете, «кара» по-азербайджански это чёрный, а «сик», извините, дорогой учитель, переводится как мужской половой орган.

Громче всех хохотал сам Карасик.

А потом началась взрослая жизнь, взрослые проблемы и заботы. И запахи стали более насыщенными, а порой резкими, но это уже другая парфюмерия, другой запах другой жизни.

А аромат тонких запахов детства, отрочества и юности будет сопровождать нас всю нашу жизнь и оросит нашу старость дивно пахнущими воспоминаниями.

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ
ДНЕВНИК НЕАНДЕРТАЛЬЦА
или
МЕМУАРЫ О БУДУЩЕМ

(хроники с корточек)

Пятница 04 августа 2023. 18.22.

Только подступил к теме «махатма Ленин», как тут же мой мозг накликал «Час быка» палеонтолога Ивана Ефремова; последовали мысли о «живой этике» Николая Рериха, вознеслись к заоблачным Гималаям на красочных полотнах гуру – в обитель Николая Чудотворца. Щёлкнуло с высоты – иконописный образ приложил палец к устам: – Тс-с! Одесса тех лет дышала... – Треск...

– С Новым, 1823-м годом, дорогие товарищи! – обращение Генсека к народу.

Дорогие товарищи только что откушали, проводили 1822-ой; закусили, отправили на «свалку истории» 1821-й... маринованные грибочки, огурчики... шар вспять, столетие в лузу...

– У народа кукуха отъехала. Вызываем «03»! (ныне «103»)

1823. 1822. 1821...

... по голубому полю телеэкрана снежная замять (метель, вьюга, буран), лень слов и снежинок... «Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выда...»

Нелепо оборваны строки опального Поэта. Дальше, подальше от державного Двора, от смуты – в провинцию...

Кишинёв, Одесса... брусчатка Млечного Пути, цокот копыт, водопой, ромашки, стерня...

«Люблю дымок спалённой жнивы, в степи ночующий обоз...» (трансфер строк Лермонтова о Родине)

Фокусируем ухнувшие в небыль двухсотлетние просторы; уж скоро – что рукой подать, что в бездну шагнуть – на «прицеле» столичного волокиты (кучерявого Александра) пышнотелая (оладышек под сметанкой), обольстительная, блин... досягаемая, – горизонт в пошаговой доступности – графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова!

– Пушкин, как вам не стыдно? Она же мужняя баба. – Как я завидую...как немею от скрежета пера без узды.

Автор тронулся...

Переставим... перетасуем плоские зеркала и столетия в колоде вечности, гениальное упоминание обязывает! Дебаты в сторону...

... спонсируем выброс адреналина, пожинаям оргазм. Акт первый: внештатный сотрудник рентабельной покойницкой (прибыльный морг) лаконичным шёпотом внушает... продолжение ворожбы оставить в черновике.

Акт второй: заслуженный – под градусом – труженик упразднённого медвытрезвителя, ныне назойливый интернетпрохиндей «однонаправленного сознания» (и кошелька), глянув в прямое зеркало, с испуга рекомендует вертикальным силуэтам в белых простынях душ Шарко, студёную прорубь, ингаляцию над нетленной строкой:

– Тс-с, Одесса тех лет дышала жаром любви.

– По Фаренгейту, – чешется продлить удовольствие.

Модуль внеплановый

СОВЕТСКИЕ РАССКАЗЫ

Мы были оглушительно молоды.

Автор

Одесса в веснушках тех лет дышала любовью.

... иссушала жаждой краплёных желаний. Выступала капельками пота на дамских усиках. Шквалом оаций – наотмашь – вздымала обширные юбки курортниц. В интимных вырезах вечерних нарядов Южная Пальмира под неизбежные ноты Мендельсона торжественно обнажала свою упругую знойную прелесть...«Шютю»...

Немудрено, когда отяжелённые супружеской верностью мужики – от порта Ваино, Сов. Гавани, Измаила, янтарной Риги до Архангельска, – засланные на спасительные курсы повышения квалификации при Одесском институте инженеров водного транспорта, ф-фух, напрочь теряли башку и подло потели.

Сразу к делу. Иногда обедали в ресторане.

Почему бы и нет? Элитные запахи, вкрадчивый звон бокалов, вальяжная атмосфера. Сашка-музыкант из «Гамбринуса», с согласия А.И. Куприна (1907) готов к аренде в 1979-й – продолжить игру на скрипке возле нашего столика.

Почему бы нет (повторяю повторно, подражая стилистике Бабеля, – «старый старик»). Столовые с «рыбными днями» по четвергам, облезлые снующие кошки – это отвратительно!

Почему не раскошелиться в складчину на хрустальный звон бокалов за счастье трудового народа, когда на трёшку (трёхрублёвая зелёная купюра «с носа») тебе пара стопочек «Пшеничной» (чистая слеза), огуречный салатик с Привоза, на первое суп с фрикадельками, второе даже с котлетой, томатный... (погоди, это «Кровавая Мэри»), ледяной апельсиновый сок.

Доступно. Качественно. Со вкусом.

... возвращаемся в аудиторию. В голове свежие знания. На сердце радость! Потому что вот-вот он заявится...

Свершилось! Он входил, светлел потолок. Ибо! Ибо (зане, занеже) его монументальный лоб отражал свет плафонов, улыбку уличного солнца (сила освещения зависит от капризов погоды, расписания занятий и количества запасных «лампочек Ильича» у завхоза, заменённых на люминесцентные).

Войдя, точно воспарив над притихшей группой в 20 «сивых» голов, он завис первомайским шаром в шаге от дверного косяка.

Взгляд факира с дудочкой...

Слабонервные, естественно, поднялись. Ты глянь, вытянулись кобрами с отвислыми капюшонами. Некоторым по 50, солидные мастера судоремонта. Вставить было не принято. – Сидите! Сидите! – поощряли другие педагоги на первом занятии. А этот...

Из всех преподавателей только его фамилия мне и запомнилась. Кица! Старший юриконсульт ЧМП (Черноморское Морское Пароходство). Огромный опыт в решении спорных вопросов. С выездом, если требуется, «за бугор». На подходе докторская диссертация. На курсах освещал азы юриспруденции, открыл нам глаза на тонкости КЗОТа (Кодекс законов о труде).

Иным господам в наши суетные дни не мешает посетить его лекции, познать, что такое «ненормированный рабочий день».

Эх, молодость! Загар коньячного цвета. На афишах «Мимино», под юпитерами высокого накала, как на заказ, гастроли материализованного Кикабидзе с обязательной «читой гвритой» впридачу. Анекдоты от Бубы со сцены надо слышать «во очию».

Пьянящая пора сорокапятилетней выдержки. Ромашки на клумбах, осы зудят, душа нараспашку. Воскресный вечер. Маета. Томление. Стон саксофона; медленный танец; шёпот на ушко...

Всё дальше. Тише. Отраднее танцевальное мирное время. Где-то в космической мгле затерялись 78-ой, 79-ый. Командировка в былое, будто краденый праздник. Месяц в Одессе, сама жизнь... нечаянное счастье, которое всегда с тобой. В шаге от бездны.

– Когда выходите из дома на шумный проспект, не посещает ли вас чувство страха? – огородил Кица, зачав бессмертную лекцию.

Молчание. Вопрос врасплох. К чему клонит высоколобый?

– Да нет, мы люди нормальные, – не выдержал я.

– Ненормальных я бы не спрашивал, – тут же парировал матёрый юрист.

– Обидно! – выпалил я, удивляясь себе.

Четверг. 17 августа.

Ночь неспешно вращает «голубой глобус». Земля из космоса, должно быть, кажется звёздочкой. «Пастуший поводырь» (назовём её так) выстилает светом кремнистые дали какому-нибудь инопланетному дервишу. На скалистой кочке может высечь информационную искру, культовую мысль о восьмой складке.

Над балконом мерцают абшеронские звёзды. Сегодня Муслиму Магомаеву исполнился бы 81 год.

О Муслиме Магометовиче, его импресарио Феликсе... репродуктор мечети призывает к намазу.

Суббота. 19 августа. 3.15

Вчера С.Н. попросила погуглить сведения о её друге детства, прозванного в Бешмертебе «Монпансье» за жёлтый цвет лица и розовые щёки (мама пичкала ребёнка известным ей лекарственным препаратом).

Экран мобильного: Эдуард Тигранович Акопов (киносценарии фильмов «Солдат и слон», «Будьте моим мужем», упомянутых «Капуцинов») скончался 31 января 2022-го года в Лос-Анжелесе.

Вся жизнь – день за днём – как вчера.

«Светлое завтра» (идеологический штык, в который я свято верил, истекая наивностью) заместили «всевозможные ценности». «Малыш», «Толстяк» (Хиросима и Нагасаки) тому свидетели.

Справка. Период полураспада трития (радиация в беккерелях) «одно мгновение ока» (единица измерения – вечность) или свыше 4-х млрд лет (единица измерения – земной год).

«АНОНС!»

... щёлкнул космический микрофон. Показалось, Оливия. Анонс так анонс. Тема: «текст и реальность»; фразы и были о завтра – сегодня – вчера.

– Чем бы дитё не тешилось, – поговорка северных соседней урусов. Уж не про меня ли, снежного йети, обитающего на отколовшемся юге? (ареал моего загорелого детства).

Кинь ты юг, живи в раю. Не потей! Не горбись над рукописью. Выпрями спину! О «висельном» сносе памятников тарыхтеть не стоит. Это забота А. Платонова и потеющих машинным маслом наших братьев автокранов «Кировец», тракторов «Беларусь» с бульдозерной навеской (хваткой).

В одном южном городе, в котором я живу (дом 8), монументальное наследие демонтировано без показухи и грохота (восточная деликатность). Эпоха дефицита, спецраспределителей для коммунистических бонз, морального Кодекса строителя «воздушных облаков и замков на песке» канула в Лету.

Живи! Не гневи отзывчивое небо гамлетовским «быть или не быть». По расчётам советских учёных планета в состоянии прокормить 40 млрд человек. – Лафа! – потирают руки чёрные трансплантологи по пересадке детских (ангельских) и затённых человеческих душ.

Кстати, в Бешмертебе варианту «бардовское небо занавешено малиновым бархатом заката» предпочитают «зашторено гарью». Настаивают, что «певчее небо» накрылось медным тазом навечно. Возможно, навсегда. Если угодно, занавес опущен. Залпы оваций утихли. Устаканились! «Болдинская осень» не грозит обывателю. Обидно!

Пригубим чашу творения до дна: природа явлений после слова «закат» предусматривает восход, рассвет... от кавычек освобождённый свет, как проблеск надежды. (Мейдан; горящие шины; метафору «оседающая гарь зашторила небо» заключаем в скобки).

СОВЕТСКИЕ РАССКАЗЫ

Световой день продлён на час

*Футбольным фанатам; книголюбам;
киноманам; завсегдаям танцплощадок
и кабаков (фактически, самому себе)*

...трусцой удаляемся вперёд.

Заглохшая аллея Славы; кособокая фабричная доска Почёта; вместо фото-портретов передовиков, поцелуйные тени «любовников скромных возможностей».

– Кто это? – спрашивает М., набирая текст.

– Пидерасты. Ни родить, ни покараулить!

Творцу мемуаров по нраву бросок вспять.

Игра «Черноморец» – «Динамо». Чашу стадиона накрывает туман. Белое молоко. Ор фанатов в редких просветах. В перерыве буфет, автолавка, пиво, оранжевые раки, авторские слюнки...

Второй тайм. Ор первых рядов. Финальный счёт 8:1. (В начале 60-х, когда любезный автор из Баку впервые попал на стадион – теперь им. Тофика Бахрамова, – «Нефтяник» («Нефтчи») принимал сборную Японии; счёт 10:0; по четыре мяча вкатили Туаев с Маркаровым, два – Валерий Гаджиев.)

Победоносно зыркнуло черноморское солнце! Под трибунами – что в перерыве, что сейчас – счастливое журчание мужиков. Запах мочи...

Богатейшее пароходство (вспомнил, туман был подобен влажному облаку пара из чрева паровоза), а туалеты «М» и «Ж» в пошаговой недоступности (топай до нужников почти километр, вот-вот пузырь лопнет).

Слушай, ботаник! К чему эти физиологические шаржи?

Народ требует оранжевых раков! Пива без пены, отстоя. «Светлое завтра», «журчащие хроники с корточек», рай в шалаше с моральным недоумком (врата в «шалаш» вымазаны дёгтем усидчивых интернет-проходимцев), – эти сентенции – на свалку иллюзий.

Молодёжь желает виражей! Морскую пену. Гнутую доску. Сёрфинг. Фристайл. Взлёт на «гребень безумия». Половодье... нет, цунами эмоций. Рахат-лукум под язык. Стоп! Под язык – для сердечников. Книгочеем и страждущим, самому автору необходимо слово, лизнувшее щёку преданным псом.

С распахнутых страниц, взблеснувших глянецом и слюдой рыбьей чешуйки, повеет вялым ветерком шелестящей степи. Озолотят солнечные блики на море; из небесных силков птицелова Багрицкого выпорхнет жаворонковый звон с немыслимой строчкой «По рыбам, по звёздам пронесит шаланду»; в скрипучую посудину – прямо из воздуха? – пригоршнями серебра сыпается скумбрия.

Что добавить «за город» воспетых налётчиков, охрипших биндюжников, под стать им футбольных фанатов, мраморной прохлады дач меценатов беспопытной поры порто-франко, Потёмкинской лестницы в небо и моей негасимой взъерошенной тени на ступенях, ступенях, ступенях...

Остаётся вздохнуть. Крякнуть селезнем в камышах Хаджибеевского лимана.

Город разящего говора («вы пересаливаете лицом», г. Карцев), забористых самокруток из независимых газет «Гудок в тумане», «Комсомолец Молдованки и Пересыпи», ухабистого сленга тёти Хаи с охаянными «бичками» в корзине под марлей – от зелёных мух размером с «кукиш в кармане» пана Марика, его газы в неиспорченный воздух...

Как этот «живописный аудиопейзаж» уживается с обителю солнечных зайчиков на бульваре Жванецкого (есть такой, вы не знали)?

Коты! О-о-о... Генералы чугунных подворотен. Чердачные вохровцы. Результаты внебрачных сношений.

Эти оружие твари выгибаются дугой при виде рыбьих чешуек на щеке невинного автора из Баку: ревнивая Ундина (русалка) хлестнула хвостом и сокрылась в голубых туманах Тамани... листать записки Печорина (о вкусах не спорят; меню и рассуждения неандертальца порыскать в черновике).

Сирена! Звонок! Репетиционный прогон третьего акта: полетели «белые мухи» (снег) на город винных подвальчиков, моей вновь забродившей любви (или это Париж?), некоммерческих ежегодных Юморин и прославленных лекций доцента Кица.

Сам спектакль, лепень снежинок назначен на июль. Возможно, в Париже.

Есть! Черновик под руку...

– Голод не тётка, – утверждают москвиты. В Бешмертебе в унисон, в тему поймали радиоволну для любознательных: – Неандерталец был людоедом.

Обитателям пятого этажа радиоволны гораздо виднее!

Закусить развитым гуманоидом милое дело, эстетика йети.

Если неандертальцы – это люди, тогда люди – это неандертальцы. Кто же из них людоед?

...колосится рожь. Васильки. Ржание табуна на выпасе.

Есть! Жестяная коробочка под руку...

Папиросы «Богатыри». Подобрал во время прогулок. Прельстил текст на тыльной стороне крышки: «На Москве кони ржут, трубы трубят на Коломне, гремят бубны в Серпухове, стоят стяги на Дону»...

...пахнуло утробистым запахом нефти.

Срочно поворачиваем на Абшерон (подальше от шухера). Вот тебе на, сразу пос. Разина (в честь донского, скажем, не головореза, а мятежника Степана, ныне пос. Бакиханова, просветителя, сторонника союза с Россией), далее Амираджаны, Бина, Зыря... О! мы на даче Солмаз Ибрагимовой (Главный редактор автора после Мансура Векилова).

– Салфет вашей милости! – так говорили при Петре Первом. «Здравствуйте!» – на языке современного йети. – Вы обещали, ханым, накрыть стол.

Порядок! Можно вспомнить о курсах...

Когда слушатели начинали клевать носом в конспекты, Кица пробуждал уместными анекдотами. Врождённый талант педагога!

Мне эти педагогические заморочки, уловки харизматика по барабану и бартеру.

...в сытой дрёме грезилась топовые огни судов, скользящих по Дунаю. Левый берег. Белёные хатки под радугой. Свисающие гроздьё винограда, пронизанные лучами солнца; выскерк зелёных глаз бронзовой от загара Оксаны. Бражные городки Рени, Измаил, Килия, Вилково. В надувных лодках ловцы по найму с фонариками. Полная луна, как бубен шамана. Камышовые плавни; оргии элитных лягушек, отбираемых строго по весу... лакомство галлов.

О, Париж! Монмартр, кафе, поэт Северянин, устрицы со льдом, эхо пиров Валтасара, разъярённые персы. Просыпаемся!

Глядя в конспект

Кица! Вам за юрграмоту – шутейное

*...а маманя твоя, Оксана,
Варганит свекольник и борщ.
Ты волосы в радугу красишь,
Тем самым
Вогнав обожателя в дрожь.
Ещё у вас кот усатый,
Хохлатки там, скатерть плюш...
Белёные славные хатки,
Слияние родственных душ.*

Пятница 25 августа, утро.

Сегодня моей бабуле Матрёне Ивановне Казицыной (в девичестве Колдузова) стукнуло бы 125 лет. Ровесница МХАТа!

«Стояти заедино!» – помню наказ.

Так я, бабуля, не бросаю могилы. Не мигрирую зелёной мухой на ценности...

Хлеб, соль запиваю родниковой водой из шеломов (звенящих шлемов) местной чеканки.

16.20. «Сарафанное радио» (мне позвонила С.Н. – ей Ибрагим – ему Джамиля) сообщило: в августовском номере «ЛитАз» опубликован мой подзагоревший «Неандерталец» (начало). Мио мой Неа с рыбьей чешуйкой на щеке.

Колыхнулась складка голубого небесного сарафана, соответствующая числу календарного месяца – августа.

– Я понял, бабуля, спасибо! Только 8 – это счастливое число для китайцев. Предлагаешь псевдоним Ка Зи Цын?

Признаюсь, последнее время тянет посетить родину деда – супруга твоего Николая. Московская область (ранее местность относилась к Рязанской губернии), Зарайский район, село Козицино. Там протекает р. Осётр, приток Оки. В Зарайске родилась скульптор Голубкина. Ассоциации вызволили Веру Мухину, 24-метровые фигуры (нержавеющая сталь) рабочего и колхозницы для советского павильона Всемирной выставки 1937г. в Париже, ныне у северного входа на ВДНХ, эмблема-лейбл-иконка киноконцерна «Мосфильм».

Опора сознания – символы. Серп и молот, двуглавый орёл (в природе отсутствует; химера, заимствованная у римлян). Потеснить символы способны **сценарная аналитика**, вера, дисциплина ума.

Среда 30 августа.

– Море уходило ввысь, – всплывает к чему-то авторская фраза («господствующие ветра»). СМИ вещают о насущном. Плотность слов о потеплении климата нависает сплошной облачностью. Информационная стряпня, интернет-пузыри (чёрные вОроны) негативно влияют на «певчее небо».

Китайская панда родила в московском зоопарке. Впервые. По достижению четырёхлетнего возраста «рождённую в неволе» необходимо вернуть правообладателю – в Китай. Кто правообладатель белых и бурых медведей?

На Новодевичьем рядом с Инной Чуриковой упокоен Глеб Панфилов. Земля и небо им пухом.

Представители творческой интеллигенции, речи: пятая годовщина Иосифа Давыдовича. Пупочек Кобзона – он сам настойчиво повторял – зарыт на родине.

Ожидается голубое сверхлуние. Сон, природная сказка на ночь. Второе полнолуние за месяц (первое было 1-го августа).

О годовщине Горби ни слова.

Студёная вода на пляже в Шувелянах. Ровно год тому назад. Такого не припомню за свою жизнь. Говорят, потрянуло дно Каспия на восточном побережье.

Модуль морозящий

СВЕТ НИОТКУДА

или «Болдинский август»

*«Но что пользы, если на носу у вас
по-прежнему очки, а в душе осень?»
Дожди по пятницам...
Исаак Бабель, фраза «с приплодом»*

Я видел свет до Большого взрыва.

Сам взрыв бесшумно грохнул в августе. По «хилым пятницам» моросит. В остальные дни воздух промыт и прозрачен. Пусть летит паутина. «Болдинская осень» смещена на август. Осязаема роскошь бабьего лета.

Болдино. Первые документальные свидетельства относятся к 1585 г. Селение было основано мордовскими бортниками (сборщиками мёда диких пчёл) и первоначально носило название Елболдино. В настоящее время Большое Болдино – райцентр Нижегородской области. Вотчина Пушкиных, куда поэт приезжал в осенние месяцы 1830, 1833, 1834 гг. и где пережил пору наивысшего творческого подъёма (Школьный энциклопедический словарь).

Выстраданы, вынашиваются задумки о Пушкине – «29. Код Ганнибал», «Дантес. Дуэль совпадений»; о Лермонтове; «Ряд Ахматовой», конкурирует «ФАКТОР ИН-КОГНИТО»; о Марине Цветаевой, теперь уже «Три встречи». Остаётся воплотить текстуально самую ОПТИКУ взгляда.

Погружаем себя и йети в сон. Конструируем сновидение. Парк. Журчит фонтан. Дуновение. Бисер брызг, плеснув радугой, окропил мраморные титьки скульптурной наяды. Возникает аббревиатура Олимп – очный лицей им. Пушкина. Секции туризма, воздухоплавания, невесомости... с «прицелом» на Марс, Венеру, галактики.

Проказники-лицеисты экспроприировали вторую Луну из многочисленных спутников Юпитера. Паника в нижних и верхних палатах мира: – Кэмской волости им недостаточно (смотри синема про Ивана Васильевича).

Суббота 09 сентября, 8.10

Заточил карандаш для зарисовок: иногда грифель удобнее, чем шариковая ручка (можно тут же стирать ластиком лишнее). Оживают в памяти мимолётные встречи. Жизни, столетия...

Модуль карандашный ВРЕМЯ В КАРТИНКАХ

Прощаемся с Теймуром Мамедовым (заместитель Мансура Векилова, обогатил автора рассказами о эссеях).

Расходимся по временным в этой жизни квартирам. Аптека, улица, фонарь, подземный переход.

Женщину гнут сумки в руках. Мансур кинулся разгружать. Хоп, прихватило поясницу. Надиру и мне – верным **мансурбейвекиловцам** – пришлось отдуваться за благородные жесты Главреда. Надира перекосило налево, меня направо; у неё что, чугунные отливки в сумках?

Мимолётный Рустам Ибрагимбеков...

– Смотри! Смотри, Рустам... – успел Надир указать на спину прошедшего. В свете фонарей и фар тень от грузной фигуры классика, удаляясь, разрастается, обретает мощь первозданного «снежного» человека. Гориллы и гризли в моём воображении, оскалив клыки, чешут репу в почтении.

Главный корпус Азнефтехима. Перехожу через трамвайные рельсы. Вон будочка с газводой, соками; справа мусорные баки, амбре (благовоние). Навстречу – лоб в лоб – рельсы переходит могильщик из к/ф «Гамлет» (1964), который указал принцу на череп Йорика (скомороха); у артиста одышка, обливается потом. Да, мы ж переходим улицу Ленина (ныне Азадлыг – Свобода), сразу вспоминается роль в к/ф «Коммунист» (1957), в титрах В. Колпаков, росстрига.

Главный корпус Азнефтехима (несколько лет спустя). Перехожу трамвайные рельсы. На том же месте – лоб в лоб – артист Геннадий Ялович; мимолётная роль экскурсовода в к/ф «Я шагаю по Москве» (1964) возле Покровского Собора (Василия Блаженного) и доктора наук, – к/ф «Москва слезам не верит» (1979) – поднявшего тост за Гошу на пикнике (Воронцовские пруды, берёзки за проспектом Вернадского), запах шашлычка, зелёный лучок, «чёрт возьми». Дым отечества, увядающая роскошь бабьего лета. Поразительно! Те же кепочка, торчащие волосы, синяя курточка, будто артист эпизода, ставший близким и родственным, только что шагнул с экрана и сразу вписался в бакинские улицы и запахи.

Случайны ли совпадения по месту встречи (лоб в лоб)?

Среда 04 октября, 6.55

На страницу рукописи просится Аннушка. Нет! Анна...

Аннушка трудится вагоновожатой в кумачовой косынке. Бутыль из-под подсолнечного масла цела, пылится в «подвалах прошлого».

...рельсы. Перестук – шажками – колёс.

Дошло! Обе встречи с киноартистами на рельсах явились предтечей поэтической версии свидания с Анной! На морозе и свежести. Глаза в глаза.

Совершенно неприемлемы впоследствии летящий гудок паровоза, слепящий накат света во тьме. Из взблеска стальных нитей соткан суицид.

Влечение сбросить «жизнь с плеч», как обузу. Непосильную ношу. Колкое рубище.

Надышавшись «моральных испарений» высшего света (1873 – 1877), покинув ареал загорелого детства (1955 – 1965), напрочь отвергая тех, кто смахивал пыль с башмаков пионерским галстуком и голосил на весь белый свет о своём небрежении, вновь постичь АЗБУКУ, порядок букв в рукописных словах и строчках.

Милое дело – макнуть перо в симпатические чернила (прозрачная вечность; молоко мамы) и опрокинуть нежную плоть под громыхающий поезд. Сомкнуть ночь.

Прикольно в Татьянин день вызвать ревность, а потом завалить персонаж на дуэли. Ничего, что на Чёрной речке аукнется?

Можно предложить снега Килиманджаро, сафари, сладкое мясо антилопы и алые клыки неандертальца, но...

... в XXI-ом веке нельзя! Обогреть рельсы. Страницы. Невыносимо хрустящий снег.

НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА

Поэтическая версия

Анне при жизни

*Там должны быть вокзалы
В паровозном дыму,
Грациозные дамы,
Гиацинты в снегу.*

*В запотевшие окна
Ждать укол огоньков,
Охмелеть под игристый
Разговор пузырьков.*

*На морозном перроне,
О, боги...
О-бо-гре-ют глаза!
Золотым перезвоном
По-кач-нись в небесах.*

*Там-м
возможно иное
Воплощение начал.
Так возьмёт за живое
От тоски ль, сгоряча...
Что бросает вокзалы
В жар фонарный
Свеча!*

Модуль блуждающий СТОЖАРЫ

...спутник. Возможно, это Оливия в своей хронокапсуле. На орбитальном дежурстве! Виток за витком...

Внизу огни сураханских дворигов. Смутная тень дервиша на подходе к Храму огнепоклонников.

Оливия обладает удивительным свойством: при необходимости меняет цвет глаз. Бездну синего моря на цвет виноградин, пронизанных солнцем.

Смена цвета – как прививка от сглаза. Барьер ультразвуку сирен Одиссея, однополой любви...

Оливии нравится тонкий, чуть слышный аромат земных фиалок; узоры мороза на оконных стёклах; клетчатый плед, треск поленьев в камине; львиный прайд в ванне, шикарная грива Шер-хана, рык...

Задремав, она прокручивает культовый фильм – оберег космонавтов «Белое солнце пустыни».

– Это говорю я, Саид! – кино продолжается. – Чёрного Абдуллы нет в Коканде! Его нет в Карфагене, КВН, древнем Хорезме и соседнем космосе. Глаза мои заняты поиском курбаши. Красноармеец т.Сухов в бессрочном отпуске; в чалме, с пиалой зелёного кок-чая в руке позирует у ног незабвенной Катерины Матвеевны. Гарем отсутствует. Вся надежда на тебя, дорогой. Абр-а-мович (ударение на втором слог)! Сохрани подлинность, верни гарем в цветной кадр. Иначе соцпроекту пиз...

– Саид, благодарю за доверие! Прости, перебил. Чтобы накрыть дастархан (скартерть) на 40 млрд персон, необходимо учиться, учиться и учиться.

Безотлагательно следуем в Дом торжеств около метро «Кара Караев» на свадьбу...

Что сказал тамада?

Сюжет без интриги – как «коньяк без загара», «водка без звёздочек», как трагедия протонаций, гонимых по земле опавшими листьями. В конце концов, как **бартерная демократия** – ченч (обмен) органами деторождения (т.н. смена пола, гендерная невнятица).

Итак, что сказал тамада?

– Слово предоставляется отцу невесты Абрам-о-вичу! – Перенос удара на соседний слог справа, и ты (я – он – она) – олигарх!

Не стоило примазываться под рык из саванны, если бы не одно совпадение: номер «учебного гнезда» – школа № 232. У кого в пенных барашках на Абшероне, у кого с театральным уклоном – в Москве. Совпадений «просто так» не бывает.

Раз тамада предоставил слово, надо соответствовать:

В саванне

Анастасии, Сарочке

*В жёлтой саванне жил лев;
Не страшный, не злой,
С гривой густой.
Книг не читал,
Под солнышком спал.
Львица-жена без гривы жила,
Без грима, без пудры,
Как это мудро!
Львята-милята – смешные ребята;
Затылок подстрижен, любители книжек,
Забав и затей,
Пример для детей!*

– Вж-ж...вж-ж, – через каждые пять минут. Около десяти вечера. Стемнело в авиагородке. Замигали, как всегда, фонари. Звёзды над балконом указывают дату 29 мая 2019 г. Окажется, Абрам-о-вич в Баку, со всей Европы садятся борта с болельщиками на финал «Арсенал» – «Челси» (обе команды из Лондона).

Виват Баку, виват!

... До прилёта на земную орбиту и тёплых, пахнущих лавашным дымком, впечатлений от селения Тумаслы под ярким одноимённым созвездием, Оливия «блуждала» в Стожарах. Ах! Но более известны Плеяды. Семь дочерей Атланта и Плейоны у греков. Рассеянное звёздное скопление в созвездии Тельца (астр.).

Телец – 22 апреля – Ульянов (Ленин) – эссеи – отсутствие вакцины от расизма и равноправия (обе крайности ведут на Луну и в сырые казематы Петропавловской крепости к сидельцу Кибальчичу).

Авторские выписки

Эссеи – предшественники христианства. Выражали протест народных масс против угнетателей, проповедовали аскетизм, примитивное социальное равенство.

Расизм – утверждение о существовании высших и низших, полноценных и неполноценных человеческих рас (одним роль конопатых господ, другим иссечённых рубцами рабов, эмоционально добавим от автора).

Кибальчич Николай Иванович (1853-81), революционный народник, изобретатель, участник покушения на Александра Второго. В заключении разработал проект реактивного летательного аппарата. Повешен в Петербурге. Именем Кибальчича назван кратер на обратной стороне Луны.

Да, за автором должок: что крылось за вопросом Кица о страхе.

Продолжение следует

ФРАНСУА БОН

«ЛУНА В КОЛОДЦЕ»

Правдивые истории Средиземноморья¹

От переводчика.

Авторский взгляд на события редко бывает беспристрастным. Чаще мы видим осознанный выбор автора, представляющего свой угол зрения. Чем искуснее текст, тем большее влияние он оказывает на читателя. Хороший текст необязательно повествует о реальном положении вещей. Заведомо ложный нарратив может на какой-то период времени заслонить реальное положение вещей. Иногда такая ситуация может длиться столетиями. Тем интереснее и важнее услышать участников событий, рассказывающих о том, что произошло с ними. Пазл, состоящий из множества незатейливых историй, позволяет увидеть всю картину не через призму определенного автора, а в богатой палитре историй жителей средиземноморского бассейна, бурлящего сегодня, впрочем, как и всегда. Те, кто присылал истории, не обязаны были указывать свое настоящее имя. Далее приведено обращение составителя книги к тем, кто, хотел бы поделиться своей историей.

От составителя.

«Для любого жителя средиземноморского бассейна, желающего участвовать в этой аванюре, правила игры одинаковы: рассказать перед микрофоном, камерой или в тексте, короткую историю (10 минут или 4 странички максимум) о событии, оказавшем влияние на его жизнь, забавное, или трагичное, которым он хотел бы поделиться с остальным миром.

Сроки издательства обязывают, автор должен был закончить прием новых правдивых историй для этой книги в апреле 2013 года. Другие истории продолжают ежедневно поступать на сайт www.histoiresvraies.net цифровой библиотеки при Музее цивилизаций Европы и Средиземноморья (MuCem) в Марселе, где уже собралось более тысячи историй до сегодняшнего дня (предположительно, до сентября 2013 года).

Можно поспорить, что публикация этой книги откроет новый этап для сбора историй, побудив читателей, в свою очередь, рассказать о себе и прислать свои собственные правдивые истории».

Сфакс, март 2012

В конце года у меня появился сын, рассказывает мне Линда, 22 года, одетая в просторный бубу желто-зеленого цвета².

Линда приехала из Камеруна, учиться здесь на стоматолога-протезиста, но быстро поменяла профессию на акушерство, свою страсть. В прошлом году она выдержала экзамен на акушерку. Сегодня – она первая женщина магистр по сексологии в этом консервативном городе.

*На одной из последних стажировок в родильном доме разговаривали с акушерками, а как там у тебя в Камеруне? Ты найдешь работу? Женщины рожают? Я говорю, у нас женщины рожают. Они рожают очень молодыми, в одиннадцать лет, в двенадцать лет, в тринадцать лет. Они мне говорят, что? Они не замужем?! Харам!! Ребенок, рожденный вне брака, здесь в Сфаксе, это позорище. Их называют **социальной проблемой**.*

¹ François Beaune «La lune dans le puits» des histoires vraies de méditerranée. Издательство Gallimard, сентябрь 2013 года

²Текст курсивом от составителя (прим. переводчика).

Моя коллега говорит мне, что там находится одна из этих **социальных проблем**. Младенец. Мать родила и убежала. То, как они говорят о ребенке, разбивает мне сердце, типа, это ребенок греха, он нечистый. Я им говорю, а вы что хотите? Хотите, чтобы его убили? Нет, он уже здесь!

Они мне говорят: нет, нет, это ненормально, в семьях должны убивать.

Я говорю: что?! У моих кузин уже есть внебрачные дети, правда, что это не очень хорошо, но это реальность, понимаешь, а потом привыкаешь.

У нас говорят: твой ребенок, он твой, пока он у тебя в животе. Когда он выходит, это ребенок всего общества, им будут заниматься, его не оставят умирать от голода. Это разбивает мне сердце, я иду смотреть младенца и влюбляюсь в него. Он такой красивый, боже мой. Он родился с маленьким весом, и уже два дня, как его не купали, не меняли пеленки, его кожа начинает шелушиться. Он лежит в колыбельке и сосет рожок, мне кажется, что он знает, что его бросили, я говорю: нет, я его не брошу, я буду им заниматься.

Вечером я иду в магазин купить одежду, масло, мыло, все необходимое для младенца. На следующий день прихожу в больницу рано, и как он заплакал от радости! Я купаю его, меняю одежду. Всем, кого я встречаю в церкви, я рассказываю о нем, и вскоре мне ничего не надо покупать, мне дарят одежду, лосьоны, лекарства. Люди из прихода дают мне денег на его еду. Все, что требуется от меня, это быть с ним.

Утром я иду на занятия, время экзаменов, и беру его с собой. Моя руководительница замечает его и кричит на меня: тебе не зачтут стажировку, это не твой ребенок, занимайся им в другое время! Когда у меня ночное дежурство, я беру его с собой. Однажды мне говорят: нет, у тебя работа, тогда я кладу его в бокс, потом приходят и говорят мне: убери его, потому что его крики блокируют ребенка в животе у женщины, лежащей рядом.

Становится привычкой приходить после занятий вечером в больницу, повидать его, я рассказываю всем, и даже мой парень камерунец приходит навестить его, что превращается в новую проблему. Он говорит мне: к тому же, это мальчик! Он меня заменит! Я говорю: боже мой о ля ля!! Какие ужасные эти мужчины!

Младенец привязался ко мне, он знает, когда я прихожу и когда я ухожу, он плачет, он знает. А потом я узнаю, что его оставят в доме брошенных детей имени Бургиба в Тунисе. Я говорю, что не согласна, я усыновлю его. Мне говорят: ты больна на голову, что это значит, что ты усыновишь ребенка в Тунисе, ты замужем?! У тебя есть работа?!

У нас в стране у женщин есть дети, это ничего не меняет, ты продолжаешь нормально жить. Я иду в контору, занимающуюся детьми, и объясняю, что лучше отдать его мне, потому что даже если я не буду работать, он не умрет с голоду, он будет хорошо воспитан, он получит любовь, а если я оставлю его вам, он станет бандитом, он растворится в толпе и завтра он нападет на вас, вы посадите его в тюрьму, и всю свою жизнь он будет обижен на тунисское общество. Ему будет лучше со мной.

Мне говорят: надо идти в суд, ну, я иду в суд в центре города к детскому судье. Я долго жду его, три раза прихожу зазря и наконец мне удается увидеть его.

Он разговаривает со мной на арабском, он говорит мне: мадемуазель, это невозможно, вы не замужем, вы не туниска, это не разрешается законом. Если бы, по крайней мере, вы были туниской, вы могли бы заниматься им, не усыновить, нет, вы не мусульманка. Надо, чтобы вы были туниской, мусульманкой. Я говорю: что?! Я люблю его, я занимаюсь им. Может, потому что я христианка, мне нравится это!

Тогда меня посылают в Габес, в другой суд. Это время окончания стажировки. Остается неделя, чтобы подготовиться к экзаменам. Социальная работница говорит, что ребенка заберут в Тунис, Боже мой! И мне не хотят говорить, куда! Уборщица в больнице мне говорит об этом, потому что то, что я делаю для ребенка, ей нравится.

В этот день я с ребенком и говорю себе, что я не должна позволить отправить его в Тунис, надо хотя бы, чтобы он остался в Даи Рафик, сиротском доме в Сфаксе. Я усердно молюсь, и в конце концов Бог исполняет мою просьбу, решено, что мой малыш останется в Даи Рафике.

Я часто его навещаю. Когда я оставила ребенка, у меня было два-три дня до экзаменов. Я, наконец, смогла все повторить, и я стала лучшей в своем выпуске. Бог благословил меня.

Малышу исполнится год 11 апреля. Он очень вырос. Официально его зовут Мо-хамед Амин. Я его окрестила Юсуфом, но они уже записали его имя. Все равно я его называю Юсуфом. Это мой ребенок.

Рамаллах, январь 2013 год

Среди всех историй о пропускных пунктах, которые здесь можно услышать, *говорит мне Сара*, эта история нравится мне больше всех.

Однажды молодой человек приходит на пропускной пункт. Ему говорят, подожди, покажи свое удостоверение личности, подожди еще. В это время девочка, идущая из школы, приходит на пропускной пункт, чтобы вернуться к себе домой. Они томятся вдвоем в помещении.

Израильские солдаты, того же возраста, что и молодой человек, – весельчаки, шутят между собой, им хочет повеселиться. Один из них говорит парню: если ты поцелуешь девочку, то мы позволим вам уйти. Если ты поцелуешь ее по-настоящему. И добавляет через паузу: если ты этого не сделаешь, мы побьем тебя.

Девочке, наверное, лет 14. Молодой человек отказывается, говорит, что он никогда не согласится сделать это. Солдаты его ударяют. Еще и еще. Пока они заняты его избиением, девочке удается проскользнуть мимо и убежать. Дома она рассказывает все родителям.

Молодой человек в ужасном состоянии, солдаты отвозят его в больницу. Его лечат, а потом по надуманному предлогу бросают в тюрьму. Он должен там пробыть месяц. За это время родители девочки встречаются с родителями молодого человека. Когда молодой человек выходит из тюрьмы, отец девочки приходит с визитом в его семью, чтобы самому поблагодарить его и предложить руку своей дочери.

Молодой человек соглашается и с тех пор они живут счастливо.

Барселона, декабрь 2011

1950 год, *пишет Сара*, деревня на востоке Алжира, вор скрывается за скалой. В большом доме напротив живет большая семья, которая разводит баранов, коров и коз. Замысел вора – спрятаться в хлеву и украсть только баранов, точнее, двух баранов.

Вторую половину дня он проводит на ферме, ожидая, когда пастух возвратится с баранами. Женщина приходит, чтобы подоить корову в ведро, которая она оставляет в углу открытым. Через несколько минут змея подползает к ведру, пьет молоко, но отрыгивает его вместе с ядом.

Пастух в конце дня возвращается с баранами, семья ложится спать, но вор мучается, задается вопросами, колеблется между тем, чтобы украсть баранов и позволить семье умереть от выпитого молока или выдать себя, сказать правду и позволить семье убить себя. В конце концов он выбирает вторую опцию, говоря себе: пусть лучше один человек умрет.

Он дожидается утра. После восхода солнца он видит женщину, пришедшую за молоком, выходит из своего тайного места, чтобы предупредить ее. Напуганная незнакомцем, выскочившим, словно черт из угла, она кричит. Когда собирается вся

семья, вор рассказывает правду, он дрожит, потому что знает, что его убьют. Когда он закончил рассказ, дед спрашивает, сколько баранов он пришел украсть. Вор отвечает: двоих.

Старик подумал, а потом объявил, что он получит 10 баранов за свои мучения.

Бил'ин, январь 2013 года

Я из Бил'ина в Палестине, *говорит мне Кефа*, я хочу рассказать тебе о путешествии, которое мы совершили три года назад из нашей деревни в Иерусалим, чтобы пойти помолиться в мечеть Аль Аксу, во время священного месяца Рамадана.

Бил'ин, как и остальной Западный берег, был и продолжает быть охраняемой территорией. Стена апартеида проходит по нашим землям. Здешним палестинцам запрещено посещать Иерусалим. Можно попросить особое разрешение, но его редко дают. И потом, Аль Кудс – наш, у них нет права запрещать нам посещать его.

Итак, мы обсуждаем наилучшую дорогу, чтобы прийти в Аль Аксу без разрешения, нелегально.

На самом деле есть три способа. В первых двух надо залезть на стену и спрыгнуть с нее. Такое уже два раза проделали, получилось, но это довольно опасно. В последний раз друг упал с высоты 8 метров, а теперь у него больные ноги, он не может нормально ходить.

Третье решение, которое мы в итоге выбираем, это дорога через горы. Палестинский рабочий, хорошо знающий дорогу, объясняет нам. Нас десять человек, мы берем такси до деревни Бейт Икса. Там пропускной пункт для жителей деревни. Кто-то показывает нам другую дорогу. Пускаемся в путь, беседа, шутя всю дорогу. Сначала надо пройти через две большие дороги, опасные, потому что там могут быть солдаты или полицейские машины и еще и потому, что машины едут на скорости в этом месте. Идем друг за другом. Подъезжает полицейская машина. Один из нас падает в канаву, двое других – на него. Наконец, менты уезжают, всем удается перейти дорогу. Затем надо вскарабкаться на крутой холм. На самом верху – израильская колония¹, когда будем там, это уже Иерусалим. Но это опасное место, колонисты агрессивны.

Мы добираемся до вершины холма, чувствую себя обессиленным, не могу идти. Мы поднялись очень быстро, чтобы нас не поймали. Полно колонистов на улицах, потому что суббота, день отдыха евреев, нет автобусов, естественно, как мы поняли, когда приехали. Во время шаббата ничего не работает. Надо пройти через поселение пешком. Среди нас некоторые спокойны, они привыкли приходить к евреям, другие боятся, потому что пришли в первый раз. Юноша 18 лет, у него густая борода, он неспокоен, над ним смеются. Абдельхади, говорят ему, спрячь бороду, так они увидят, что мы палестинцы и убьют нас! Тогда он выставляет руки перед своей бородой террориста, чтобы спрятать ее. Нам весело.

Наконец мы добираемся без помех до главной улицы. Там берем такси, шофер еврей, но все проходит хорошо. На входе в старый город сотни патрульных полицейских. Кажется, что нас задержат, что обидно после всех усилий. Выбираем одну из дверей и заходим один за другим. Двое из дружков испугались и убегают, а мы заходим без проблем. Они возвращаются, проходят через другой вход, и в итоге чудесным образом встречаемся все внутри. Женщины со стороны Купола Скалы, мужчины со стороны Аль Акса. Начинаем молиться.

Чудесная ночь, молимся вместе, плачем. Уже видеть Купол издалека – волнующе, а быть в мечети... Чувство победы.

Даже со своей стеной, своими пропускными пунктами, они не смогли помешать нам прийти помолиться в Аль Кудс в святой месяц Рамадан.

¹ поселение, прим. переводчика.

Не чувствуем больше усталости, молимся всю ночь, а также и в часовне под Аль Аксой, едим, чтобы подготовиться к посту, потом совершаем утреннюю молитву, а затем следующую. К полудню пускаемся в путь в Рамаллах, счастливые, с тем же чувством победы в сердце, даже если знаем, что может быть мы пришли в Аль Аксу в последний раз.

Тунис, март 2012 года

Вот история, которую Господин учитель Эссаафи (Essaâfi) рассказал мне однажды, *говорит мне Имен, его бывшая студентка.*

Господин учитель Эссаафи преподает историю религий в университете Туниса, и он пишет уже несколько месяцев книгу, посвященную верованиям в исламе, но появились проблемы с его компьютером. Каждый раз, когда он приступает к главе **Демоны и Джинны**, страница в Word блокируется. Он объясняет мне, что он перезагружает компьютер, вновь приступает к работе, безуспешно. Чертова 7 глава о демонах не хочет открываться.

Ну, учитель Эссаафи решает отнести компьютер в починку. Будет готово завтра, – говорит ему мастер. На следующий день он возвращается в магазин.

Все нормально, – говорит ему мастер, – ваш компьютер работает безупречно. Вы уверены? – спрашивает учитель.

Он начинает объяснять ему свою проблему, что на главе демонов и джиннов страница блокируется. Мастер недоверчиво слушает его объяснения. Чтобы показать ему, что он не сумасшедший, учитель Эссаафи включает компьютер, открывает свой документ в Word e, кликает на 7 главу, и тут происходит нечто странное, компьютер выдает необычные знаки.

Мастер в панике начинает цитировать Коран, чтобы Бог хранил его, делает жесты экзорцизма и говорит учителю, чтобы тот забрал свой инструмент шайтана и ушел из его магазина.

Регавим, декабрь 2012 года

Я родился в Тунисе, *рассказывает мне Анри*, я очень рано познакомился с немецкой оккупацией, которая всего за шесть месяцев запугала всю еврейскую коммуну. Немцы даже начали строить печи крематория здесь! Когда 8 армия пришла из Ливии после большого поражения Роммеля, британские бригады состояли из израильских евреев, которые сражались вместе с Монтгомери. Среди этих солдат было много членов кибуцев, и для нас, молодых, встреча с этими героями произвела большое впечатление. Движение молодежи, еврейские скауты, в чью организацию я вошел, наша надежда.

В 1949 году мне 17 лет. Я прошел все этапы движения скаутов. Я выучил иврит. В какой-то момент передо мной встает вопрос: что делать с Израилем. Сионистское пионерское движение привлекает меня. Мой долг участвовать в возрождении еврейского народа в Израиле. Я ухожу из скаутского движения, оставляю учебу и решаю поучаствовать во всемирном семинаре молодежи в Израиле.

Потом я возвращаюсь в Тунис, чтобы возглавить сионистское движение в Северной Африке, то есть, организовать иммиграцию. Миссия сроком в 2 года, во время которой я познакомился со своей женой.

Гугет (Huguette) 17 лет, неотразимая блондинка с невероятными голубыми глазами, ты понимаешь. Я тут же нацелился на нее. В течение года, каждый день я ей посылаю письмо, чтобы объяснить ей, чем я занимаюсь, сионизм, миссия, и когда я ей говорю: хорошо, теперь поедем туда, она отвечает: да.

Я похищаю ее в конце июня.

Она сама из города Сусс, я говорю ей, возьми такси, проезжай 140 километров до Туниса, ничего не говори твоим родителям. Она сделала это.

Когда мой отец узнал об этом, он отправляется к родителям моей жены. Отец Гугет выращивает ковыль, у них небогатая семья. Они видят, что у нас зажиточная семья, мой отец – известный коммерсант в Тунисе. Очень обеспеченный. Один из руководителей еврейской общины. Мой отец религиозен, но очень либеральный. До 49 года у нас с ним много дискуссий, я в ту эпоху был коммунистом.

Дело быстро сделано; у моего отца много друзей, среди которых мэры и раввины, через 15 дней, 7 июля мы женимся, и через месяц мы высаживаемся на берег в Израиле. Первое предложение кибуца рядом с морем, на плодородных землях, недалеко от Хайфы. Конечно, мы отказываемся. Объясняем, что приехали в Израиль не для того, чтобы провести здесь каникулы. Нам нужно что-то более суровое, мы здесь по идейным убеждениям. Почему бы не кибуц в пустыне Негев? Ищем трудностей, чтобы отдать себя во имя цели. Тогда нам дают Регавим, рядом с Беньямина. Каменистый кусок земли. Нам подходит на этот раз. Ставим палатку и живем в ней 6 месяцев до тех пор, пока она не улетела в январе месяце. Старая финская палатка на исходе дней своих.

Для меня вначале это было невозможно, *перебивает его Гугет*, это мне не подходит, как ты говоришь. Когда я приезжаю в кибуц, мне очень тяжело, потому что мой муж говорит на иврите и живет жизнью кибуца всем своим существом. А у меня ничего нет, у меня нет друзей, я не знакома с людьми, они все намного старше меня, мне семнадцать лет, а им минимум двадцать четыре, есть такие, которым тридцать, я растеряна, не знаю, что делать. Я подхожу к ним и спрашиваю: вы говорите по-французски, разговаривайте со мной на французском, который я понимаю. Мне отвечают, нет, здесь не говорят на французском, здесь говорят только на иврите, у тебя нет другого выхода, как выучить иврит, они говорят мне: *daber ivrit, ve ivreta*. Говори на иврите, станешь евреем, что также означает, говори на иврите и ты излечишься. Я иду в библиотеку Регавим и беру книгу на иврите, толщиной в три-четыре сантиметра. Мне говорят: прочти ее, и таким образом я учусь. Название книги «Бунт на корабле Каин», реальная американская история. Я читаю три страницы, почти ничего не понимаю, я перечитываю те же страницы и начинаю понимать несколько слов, а потом начинаю схватывать общую мысль, потом еще три страницы, и в конце концов я прочла всю книгу, а в ней триста полных страниц.

У нас есть радиоприемник, который послал мне отец. Но так как не у всех есть радиоприемник, мы делимся. Месяц у нас, месяц в другой семье. В тот месяц, когда приемник у нас, я тут же нахожу местную радиостанцию и вижу, что каждый вечер они дают несколько стихов из Библии. Я беру одну Библию на иврите и другую – на французском, я готовлюсь, читаю на иврите, на французском, потом слушаю, а вечером они дают объяснения. Таким образом я научилась читать Библию. Для таких, как мы, северо-африканцев, не слишком сложно выучить иврит, потому что это семитский язык, как и арабский. Быстро запоминаешь слова, понимаешь их.

Ну, хорошо, *продолжает Анри*, после эпизода с палаткой строим на этот раз финские домики из дерева, для пар. Есть также домик для столовой. Долгое время едим очень мало. Работаем целый день, часами, а вечерами все вместе танцуем, есть надежда возродить эту землю из ничего, или почти из ничего.

Это интеллектуалы, *объясняет Гугет*, они здесь поселились. Их не интересует тело. Когда наши родители предлагают нам прислать посылки, они отвечают: нет. Что и так хорошо, что ничего не нужно. При том, что нет ничего, но правда, большая радость в сердце, много поем, без конца танцуем. С вечера пятницы до утра. В субботу вечером собирается весь кибуц, нечего пить, ни есть, спорим, у всех полно идей, вот такие они пионеры. Ежедневная жизнь их не очень интересует. Интеллектуалы, обрабатывающие землю, теоретики.

Я могу сказать, *говорит Анри*, что я был погружен в коммунизм до событий в Чехословакии. Кибуцы – коммунистические колонии. Я был очарован коммунистическим сопротивлением во время Второй Мировой войны. Когда в 1964 году умирает Морис Торез, я присутствую на похоронах. Движение кибуцев является плодом некоей идеологической элиты.

Постепенно уровень жизни повышается. В 1961 году первый дом из камня построен.

Иногда меня отправляют в Париж с миссией, я руковожу эмиграцией. У нас в пригороде дом, который мы называем коммуной. Моей зарплатой пользуются все обитатели дома. Царит настоящий дух равенства, как в кибуце.

Потом я занимаюсь разными профессиями; директор одной из самых больших израильских строительных компаний; я произвожу органические удобрения, сахарную свеклу, я также являюсь казначеем кибуца, занимаюсь хлопком, потом занимаю пост директора завода по производству пластика с 73 по 75 год, казначей центра, объединяющего 40 кибуцев, где выращивают скот, кур.

В 80-х годах матери больше не хотят оставлять своих детей в домах ребенка. Испытывая экономические трудности, мы решаем построить новые дома для наших детей, чтобы они находились в кибуце и жили рядом с нами, потому что заметили, что дети не остаются тут после армии. Мы столкнулись с настоящей демографической проблемой. Средний возраст 109 членов кибуца – 57 лет. Необходимо кардинальное изменение; в 90-х годах прекращаем все делить между собой, приспособляемся к финансовым правилам, принимаем капитализм. Члены кибуца могут работать за пределами общины, выплачивая общинный налог. Люди стали получать зарплату либо в кибуце, либо за его пределами. В 95-96 годах все дети возвратились в кибуц. Экономическая ситуация улучшилась, она удовлетворительна сегодня, двадцать шесть семей присоединились к нам. Но для создателей это вызвало серьезный идеологический кризис.

Наплуз, январь 2013 года.

Джордж Буш младший, Жак Ширак и Ясир Арафат идут в ад, *рассказывает мне Низар*. Прежде чем войти, Буш спрашивает, может ли он позвонить своей семье, чтобы попрощаться с ними. Он звонит, говорит целых полчаса, и это стоит ему 127 000 долларов. Затем Ширак звонит к жене и детям, потом каждый хочет отдать последнюю дань уважения, и он проводит вторую половину дня на проводе, и это ему стоит 5.300 евро. Наконец, Арафат снимает трубку и разговаривает не только со своей семьей, но и с товарищами по борьбе, которые хотят поприветствовать его в последний раз. Он говорит больше одного дня по телефону. В конце он спрашивает: сколько? И сопровождающий говорит ему: 120 шекелей.

Ширак и особенно Буш возмущены. Почему он платит так мало в сравнении с нами, хотя он говорил намного больше.

Потому, – объясняет Цербер, – что из ада в Палестину мы выставаем счет по местному тарифу.

***Перевод с французского
Гюлюш АГАМАМЕДОВОЙ***

АЛИ НАМАЗ

О НЕСОЗДАННОМ

Эссе

Размышление о Единстве Всевышнего в кажущихся противоречивыми вероисповеданиях человеческого всепланетного общежития

О Едином Боге в мире существуют различные понятия. В настоящее время апологеты каждой религии более сосредоточены на том, что разделяет эти религии и, разумеется, людей, придерживающихся их. Каждое религиозное течение акцентирует внимание на своей особой близости Богу, своей единственной избранности в отличие от остальных конфессий.

Возможно, тем, кто владеет управлением массовым сознанием и по совместительству межнациональными банковскими корпорациями это и выгодно. Но в каждой религии есть небольшая часть людей, понимающих Единство Всевышнего, которое не влезает ни в одну Святое писание. И ради справедливости этих подвижников кто-то должен показать одни и те же маяки истины, заложенные в священных книгах: Библии, Коране, Ведах.

Следует осознать, что так же как на руке пять разных пальцев с различными названиями и функциями служат одной цели для человека, управляющего ими, так же каждая религия, имея индивидуальные особенности, может и должна выполнять веление единого Разума-Бога. Лишь тогда станет возможным изменить существующее противостояние меж религиями.

Часто в СМИ лицемерно используются термины – толерантность, терпимость, когда в реальности властвуют высокомерие и гордыня каждой религиозной общины. Термины «терпимость и толерантность» следовало бы заменить понятием «человеколюбие», ведь слово «терпим» выражает лишь то, что мы вынуждены мириться с вами, но ожидая, когда вы уйдете ...

Вспомним для начала, что Коран говорит об отношении к религии.

Сура 2. Корова (Бакара) Аят 256. *«Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надёжную опору, для которой нет сокрушения. Поистине, Аллах – слышащий, знающий!»*

Вот мысль о милостыне, о жертве.

В Коране (**сура 9 Покаяние**):

«Разве они не знают, что Аллах принимает покаяние от своих рабов, и принимает милостыни и что Аллах – обращающийся Милосердный».

Причем в Исламе продумана и тактичность милостыни, чтобы принимающий ее не был задет и унижен высокомерием человека, ее дающего.

Теперь находим в Ведах. (**Бхагавадгита, 3 глава**):

«Ибо, питаемые жертвой, Светозарные (Ангелы) ниспошлют вам желаемое. Во истину тот вор, кто на полученные от них дары не отвечает дарами».

Это перекликается и с Евангелием.

Вот в Евангелие от Матфея. Мф. 6.1-15. О милостыне.

«Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. ...У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была в тайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

То есть та же мысль, что и в Коране.

Тут необходимо раскрыть нелепое противоречие, на котором акцентируют некоторые апологеты ислама, мол, какой Бог Отец, Бог не может быть отцом и т.п. Но следует понять, что когда христиане говорят «Отец Небесный», они подразумевают того же Всевышнего, которого мусульмане называют «Творец», «Создатель». То есть, выражение «Отец Небесный» следует понимать только как «Творец всего мироздания», но не как биологический отец того или иного человека.

С самого начала надо взять для сравнения определения Бога в исламе, христианстве и индуизме.

В Коране – это Аллах Всевышний: *«Он Аллах Единый! Аллах Вечный! Не родил и не был рожден. И не был Ему равным ни один».*

У христиан: *«Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода».* (**Библия, 2 Коринфянам.3:17**) Бог нематериален, у Него нет какого-то физического тела. Бог это Дух. Поэтому Его нельзя представить в какой-то внешней форме. *«Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дает всему жизнь и дыхание и все».* (**Библия, Деяния.17:24,25**)

В Бхагавадгита индуистов: В гл.10 *«...Я – вечное время, Я многоликий Вседержитель....Я – правда правдивых, Я – безмолвие тайн, Я емь знание познающих; ... Нет ничего движущегося или неподвижного, что могло бы существовать вне Меня.... Нет границ Моим божественным силам... Всё, что славно, хорошо, прекрасно и могущественно – лишь ничтожная часть славы моей... Отдав частицу себя на проявление этой Вселенной, Я остаюсь в непостижимости».*

Разве эти постулаты противоречат друг другу? Скорее – дополняют, уточняют и утверждают. Даже если произнести эти изречения в центрах упомянутых конфессий, кто может возразить, что это неверное определение Всевышнего?

И вот еще одно важное положение: о законах войны. Вспомним о том, что говорил Иисус в Евангелиях: *«Не мир принес Я вам, но меч».* «Все, взявшие меч, мечом погибнут».

Вспомним, как советует Кришна Арджуне в Гите побороть сомнения и сражаться с врагами.

И рассмотрим именно те аяты из Корана, где говорится о военных действиях и уничтожении врагов.

В настоящее время эти аяты внедряются в головы т.н. исламских боевиков, которые превращаются в зомби-убийц, в террористов для основного населения планеты, а в глазах таких же обманутых – они выглядят героями-шехидами.

Почему?

А ведь в Коране ясно сказано, что убивающий одного человека убивает целую Вселенную. Но дело в том, что сознание юных верующих намеренно акцентируется лишь на тех аятах, где сказано об уничтожении неверных, многобожников, и ма-стерски, без возможности возражений, их сознание уводятся от других аятов, кото-рые на самом деле должны быть основной нравственной базой для верующего.

Сегодня всё сложнее становится раззобировать психику обманутых людей, преимущественно молодых. Это так же трудно, как разминировать минное поле. Про-фессиональные проповедники «лжеучения» применяют НЛП и знания эффективной обработки умов посредством интернет-сетей. Клубы транснациональных триллионе-ров (Римский клуб, Бильдербергский клуб, Трёхсторонняя комиссия и т.д.) не жалеют средств, чтобы разделять и стравливать людей, с целью властвовать над ними. И вы-сокооплачиваемые проповедники прилагают все усилия для нахождения противоре-чий в религиях и для того, чтобы сосредотачивать внимание неопитов только на них. Как говорил известный персонаж в исполнении Роберта де Ниро из фильма «Сердце Ангела»: *«В мире достаточно религий, чтобы убивать друг друга. И не достаточно религий, чтобы любить друг друга».*

Но рано или поздно кто-то должен очнуться от гипнотических чар «врага че-ловеческого» и увидеть общее во всех религиях. Чтобы проникнуться миролюбием и мудростью, объединить сердца желанием стряхнуть с себя враждебность по отно-шению к другим верованиям, при этом не отставляя своего.

Вера – психофизическая потребность любого нормального человека. Не будем забывать, что протяжении всей истории религии зачастую использовались для ма-нипуляций с массовым сознанием людей.

Итак, хочу вам представить те самые аяты, которые вырываются из контекста Корана и внедряются в умы мусульман, подменяя ценности ислама и толкая людей на преступления и жестокость.

Молодые в основном люди и не догадываются, что стали антимусульманами.

В сурах говорится, что шайтан так может обмануть людей, что им будет ка-заться, что они праведное творят, а на самом деле творят дела шайтана.

Сура 2, аят 191 гласит: *«Убивайте (многобожников), где бы ни встретили вы их, изгоняйте их из тех мест, откуда вас изгнали, ибо многобожие хуже, чем смерть».*

Однако в предыдущем (190) аяте сказано: *«И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, – поистине Аллах не любит преступающих!»*

Это значит, что не следует преступать закон. То есть мусульманам надо вое-вать лишь с теми, кто начал воевать против них, и притом не трогать стариков, детей, женщин. Говорится о необходимости биться с теми, кто изгнал мусульман из их род-ных мест. А многобожие здесь означает, что люди подпали под влияние дурных стра-стей – алчность, похоть, мелочный эгоизм, зависть, педофилия, гомосексуализм, каннибализм и привычка ко лжи – вот идола многобожия.

Неверные – это не понятие иной веры или иной нации. У Всевышнего нет нации и нет религии. Подразумеваются неверные Всевышнему, у которых нет чистоты, свя-тости, нет чести, нет человеколюбия, а именно – предатели высших нравственных за-конов.

Это в первую очередь относится к разжигателям межрелигиозной розни: как воинствующим христианам, так и мусульманам, не имеющим на самом деле никакого отношения ни к исламу, ни к христианству.

Напротив, мусульманам надлежит верить и почитать все Священные Писания, которые были до пророка Мухаммеда.

Сура «Совет», аят 13. «Он узаконил для вас в религии то, что заповедовал Нуху (Ную), и то, что Мы внушили тебе в откровении, и то, что Мы заповедали Ибрагиму (Аврааму), Мусе (Моисею) и Исе (Иисусу): «Исповедуйте религию и не расходитесь во мнениях, относительно нее».

Об этом сказано и в **Суре 2 «Корова», аят 136.** «Мы уверовали в Аллаха, а также в то, что было ниспослано нам и что было ниспослано Ибрагиму (Аврааму), Исмаилу (Измаилу), Исхаку (Исааку), Йакубу (Иакову) и коленам (двенадцати сыновьям Йакуба), что было даровано Мусе (Моисею) и Исе (Иисусу) и, что было даровано пророкам их Господом. Мы не делаем различий между ними, и Ему одному мы покоряемся».

Мусульманам в Коране предписано поддерживать добрые отношения с христианами и иудеями, общаясь с ними миролюбиво, так как их Бог – это тот же самый единый Бог. **Сура «Паук». Аят 46.** «Если вступаете в спор с людьми Писания, то ведите его наилучшим образом. Это не относится к тем из них, которые поступают несправедливо. Скажите: «Мы уверовали в то, что ниспослано нам, и в то, что ниспослано вам. Наш Бог и ваш Бог – один, и мы покоряемся только Ему».

Кроме того, Аллах позволяет мусульманам брать целомудренных девушек в жены из иных вероисповеданий. (**Сура «Трапеза», аят 5.**)

Есть достаточно много общих положений, выраженных в Коране, в Библии и в Гите. Вот одна из таких, встречаемая в Евангелии и в Коране, которая, кроме прочего, дает основание понимать, кто такие идолопоклонники и подтверждает характеристику неверных, данную выше.

«1 послание Павла к коринфянам» глава 10. «И не будьте идолопоклонниками, как некоторые из них. Как сказано в Писании: «Люди сели, чтобы есть и пить, и встали, чтобы развлекаться». И не будем предаваться распущенности, как некоторые из них... Не было у вас такого искушения, которое было чуждо людям. Но доверьтесь Богу. Он не попустит вам быть искушаемыми выше сил ваших, а вместе с искушением укажет и как избежать его, чтобы вы могли устоять».

Коран 7 Сура «Преграды», 42 аят. «...Мы не возлагаем на человека сверх его возможностей».

Коран 2 Сура «Корова» 286 аят. «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для неё. Ей – то, что она приобрела, и против неё – то, что она приобрела для себя... .. Господь наш! Не возлагай также на нас то, что нам невмочь. Избавь нас, прости нам и помилуй нас! Ты – наш владыка, помоги же нам против народа неверного!»

А вот как Всевышний посредством Своего Аватара, Кришны, говорит Арджуне о людях, сбившихся с истинного пути.

Бхагавадгита. Из Главы 16. «...Самодовольные, упрямые, исполненные гордыни и опьяненные богатством, они совершают лицемерные жертвы, противные духу Писаний.

...окутанные заблуждением, стремясь не ко Мне, они опускаются на самый низ бездны ада. Трояки врата этого ада, в котором погибает их «я»: чувственность, злоба и жадность; поэтому человек должен отказаться от этих трёх.

Освободившись от этих трёх врат мрака, человек творит своё собственное благо, ... и достигает высочайшей цели.

Но кто, пренебрегая предписаниями священных Писаний, следует голосу низменного желания, тот не достигнет ни совершенства, ни счастья, ни высшей цели.

И потому, да будут для тебя священные Писания указанием того, что ты должен делать, и чего не должен делать. Познав то, что повелевают священные Писания, ты в этом мире должен согласовать свои действия с ними».

Можно также привести здесь из Бхагавад Гиты назидания, весьма родственные тем, что даны в Библии и в Коране.

Из 6 главы. *«Да поднимет человек своё «я» до своего Высшего «Я» и да не приходит он в отчаяние, ибо воистину Высшее Я – хотя и враг низшего «я», но также и друг его.*

Высшее Я – друг низшего «я» того человека, который покорился своему Высшему Я; но для не покорившегося – Высшее Я становится воистину враждебным...»

Из 10 главы. *«Из сострадания к людям, пребывая в их Высшем «Я», Я уничтожаю сияющим светильником мудрости их, неведением рожденную, темноту».*

Здесь бесполезным будет пояснение, что Высшее Я – это лучшая часть человека, запас его нравственных качеств, совести, благородных помыслов и стремлений, подвигающих его к совершению справедливых поступков, не противоречащих Всевышнему. И коранические аяты Суры 32 перекликаются с этой мыслью, когда объясняют создание человека, когда Аллах вдохнул в него от Своего духа.

Коран, Сура 32. Аят 9: *«затем придал (Аллах) ему соразмерный облик, вдохнул в него от Своего духа и даровал вам слух, зрение и сердце. Но как мала ваша благодарность!»*

Эта частица, которую Бог вдохнул в человека, и есть неуничтожимая субстанция, которую называют – человеческая душа, Высшее Я в человеке.

Библия также описывает это событие:

Бытие. 2 глава, 7 стих: *«И вдунул (Бог) в лице его (Адама) дыхание жизни; и стал человек душою живою».*

Надо сказать, еврейское слово «руах» переводится не только, как «дух», но и «прохлада», «ветер», «пустота», «дуновение», «дыхание», «воздух», а греческое «пневма» означает – «дух», «вдохновение». Между прочим, христиане различают значение слов «душа» и «дух». Но недостаточно разъясняют их разницу.

Библия. Екклесиаст, глава 12, стих 7: *«После смерти возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его».*

И еще в послании Павла к евреям, глава 4, стих 12: *«Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные».*

Зато что такое душа (Атма) и что такое дух (Параматма) довольно точно объясняет **Бхагавадгита**. Душа несет в себе отпечаток индивидуальных качеств человеческой личности и будет отвечать на Суде Божиим по заслугам за все свершенное (и несвершенное) в прожитой жизни. А дух – это чисто божественная субстанция, которая не оскверняется и не затрагивается кармой, но остается для души свидетелем, учителем, вечной возможностью её совершенствования.

Приведенные здесь, пусть, быть может, небольшие доводы лишь свидетельствуют о том, насколько могут взаимообогащать и взаимодополнять друг друга различные вероисповедания человеческой цивилизации. И в то же время, нисколько не теряя от своей самобытности, лишь показывая какую-то новую грань Неизмеримого, Бесконечного Всевышнего, Который превыше того, что Ему приписывают.

МИКАИЛ МУСТАФА-ЗАДЕ

Мой брат – инопланетянин

*Рассказ основан на реальных событиях.
Не читать тем, у кого нет чувства юмора.*

Меня зовут Микаил. Мне семь с половиной лет. Я вам сейчас расскажу одну очень интересную историю. Вы можете в неё, конечно, не поверить, но всё, что я напишу – правда, и ничего, кроме правды.

Я живу в городе Баку, с мамой, папой, бабушкой, с младшим братом Васифом и ... с самым младшим братом – инопланетянином!!!

Не верите? Я вам сейчас докажу, что не вру. У меня есть все неопровержимые доказательства!

Значит так.

Около года тому назад мама сказала нам с Васифом, что у нас будет младший брат по имени Магсуд. Мы с Васифом очень обрадовались, потому что нам вдвоём было скучно, и мы хотели завести собаку, кошку или даже черепаху.

Потом мы узнали, что Магсуд уже живёт у мамы в животе. Мама нам сказала, что скоро он оттуда выйдет, и будет с нами играть.

Наконец, в один день, осенью, мама с папой пришли домой – в руках у папы был большой свёрток.

– Что это? – спросил я.

– Не что, а кто. Магсуд, – ответили мама с папой.

Папа прошёл в комнату, положил свёрток на диван – тогда мы с Васифом в первый раз увидели Магсуда.

Васиф очень обрадовался, засмеялся, но я сразу заподозрил что-то неладное. У Магсуда были очень маленькие ножки и огромные растопыренные ушки – как будто этими ушками он ловил сигналы из далёкого космоса. А самое главное, на щеке у Магсуда была красная «космическая» отметка...

– Это инопланетянин! – закричал я.

– Ты что, Микуш? – мама засмеялась. – Какой же он инопланетянин?! Он похож на вас. Он такой же, как вы с Васифом.

– Но у меня не такие ушки, мама, – возразил я, – и красной отметки на щеке у меня нет.

В этот момент Магсуд заплакал, поэтому мама ничего не ответила.

Прошло два месяца. Ушки Магсуда становились всё больше и больше. Он ничего не говорил, только внимательно слушал сигналы, приходящие из космоса.

Маме стало, конечно, не нравится, что у Магсуда такие растопыренные ушки.

– Надо с этим что-то делать, – сказала она папе. А потом достала из ящика комода пластырь, и «прилепила» этим пластырем ушки к голове.

Магсуду это не понравилось – он громко заплакал.

– Он плачет не от боли, а от огорчения, – объяснил его поведение папа. – Причина в том, что из-за нашей мамы он больше не может принимать сигналы из космоса, и чувствует себя очень одиноким.

Папа отлепил пластырь от ушей, после чего Магсуд сразу же перестал плакать:
– Он успокоился, так как снова может ловить космические сигналы. Видите, какой он счастливый!
Тогда я убедился, что Магсуд действительно инопланетянин...

Прошло ещё два месяца. Магсуд продолжал принимать сигналы из космоса, и вдобавок начал испускать звуки. Только язык, на котором он говорил, был совсем не похож на человеческий.

– Как тебя зовут? – спросил его Васиф.

– Аблаблалбла, – ответил ему Магсуд...

Но у людей ведь нет таких имён! Я погуглил в интернете – ничего похожего на это имя я не нашёл.

– Думаю, что он прилетел к нам с планеты, которая вращается вокруг звезды Альфа-Центавра, – сказал папа.

– Реально? – удивился я.

– Да, – папа кивнул головой, – потому что там очень распространены такие имена. Так что, может, совсем скоро оттуда прилетят инопланетяне за нашим Магсудом, то есть за Аблаблалбла.

– Мы его им не отдадим, – закричал мой младший брат Васиф. – Мы будем сражаться за него до последней капли крови. Ведь это наш инопланетянин. Он один из нас.

Да, действительно, за четыре месяца мы с Аблаблалбла очень подружились. От него пахло молоком, поэтому мы специально для него придумали весёлую песенку.

«Инопланетянин прилетел издалека, и привёз с собой немножко молока».

Когда мы пели эту песенку, он сильно радовался и даже пытался хлопать в ладоши.

Но я, правда, очень боялся, что пришельцы с Альфа-Центавра могут прилететь к нам и забрать у нас Магсуда. Ведь они, если судить по его ушкам, точно продолжали отправлять ему сигналы. Правда, я, конечно, не знал, отправляет ли он им свои сигналы в ответ.

– Но если даже Магсуд им ничего не отправляет, – говорил папа, – то они всё равно смогут его найти по красной «космической» отметке на щеке...

В нашей семье и я, и Васиф, и папа – все мы верили, что Магсуд – инопланетянин. Одна только мама не верила в инопланетное происхождение Магсуда.

– Вы что?! Если Магсуд – инопланетянин, то кого я носила в животе девять месяцев? Он не может быть инопланетянином. Он такой же землянин, как и вы, – уверяла она.

Однако Магсуд, то есть Аблаблалбла, вёл себя необычно. В один день мы заметили, что он может переключать каналы телевизора, не прикасаясь к пульта!

Папа тогда смотрел футбол и держал в руке пульт. И тут вдруг вместо футбола на экране телевизора появилась большая надпись: «Инопланетное шоу. Специально для гуманоидов с большими ушками. Просьба всем людям отойти от экранов телевизоров».

Мама испугалась и выключила телевизор, выдернув вилку из розетки. А Магсуд начал так громко плакать, как никогда в своей жизни.

– Что это с ним? Нужно показать его врачу, – забеспокоилась мама.

– Бесполезно, – ответил папа. – Он же инопланетянин. Поэтому ему нужен не обычный врач, а врач, занимающийся лечением инопланетян. А где мы найдём такого в Баку?

Но мы всё-таки отвели Магсуда к врачу, в детскую поликлинику.

– Это очень необычный ребёнок, – после небольшого осмотра сказала врач. – Интересно, как он к вам попал?

– Он инопланетянин, – ответил я, – прилетел к нам с Альфа-Центавра, его зовут Аблаблаблабла.

– Не может этого быть! – врач не поверила. – С Альфа-Центавра у нас никогда не было пациентов, потому что наши звёзды поссорились ещё миллиарды лет тому назад. Правда, в прошлом году у нас появился один больной, мальчик с Сириуса. У него был коронавирус или воспаление лёгких – уже не помню, но мы его вылечили, а потом за ним на летающей тарелке прилетели гуманоиды. Они забрали его с собой, а нам, в благодарность, подарили совсем новенький звездолёт.

– Звездолёт? – воскликнул Васиф. – Хочу звездолёт!

– Да, – продолжала врач. – Эти гуманоиды были очень нам признательны, поэтому пригласили нас в гости. Сказали, обязательно прилетайте к нам, когда соберётесь в космическое путешествие. Но инструкций, как пользоваться звездолётом, они не оставили – вот он и пылится у нас в кладовке.

– В кладовке? – переспросили хором мы с Васифом.

– А можно на него посмотреть? – произнёс папа.

– А вы что, специалист по звездолётам? – врач недоверчиво взглянула на папу.

– Нет, – ответил папа, – но я большой специалист по инопланетянам. Я, между прочим, автор книги «Возможности делового сотрудничества с гуманоидами».

– Хорошо, – смягчилась врач, – проходите в кладовку, сейчас я вам покажу наш звездолёт.

После этого все мы, папа, мама с Магсудом, я и Васиф вышли из кабинета. Врач провела нас в кладовку. И там мы увидели большой запылившийся звездолёт. Я сразу заметил, что при виде звездолёта наш Магсуд повеселел и стал даже ещё сильнее шевелить ушками.

– Что это с ним? – закричала врач.

Почти одновременно с её криком Магсуд выскользнул из рук державшей его мамы и невероятным образом очутился за штурвалом звездолёта.

– Он хочет полететь к себе домой, к звезде Альфа-Центавра! – догадался я.

В следующую секунду звездолёт резко уменьшился в размерах и вылетел в открытую форточку.

Мы все были в шоке...

Но мы очень обрадовались, когда несколько секунд спустя звездолёт прилетел обратно. За штурвалом звездолёта никого не было, а на пассажирском сиденье мирно спал младенец.

Это был Магсуд, только уже с абсолютно нормальными, человеческими ушками...

г. Баку, март, 2024 год.